Кадетская
ПЕРЕКЛИЧКА

№ 51

КАДЕТСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Периодический журнал Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов за рубежом, Нью-Йорк, США

№ 51 Нью-Йорк Июнь 1992 г.

"CADETS ROLLCALL"

Library of Congress Card No. 79-642319

Periodical Magazine
Published by Association of Russian Cadets graduated outside of Russia, Inc.
New York, USA

-

Editor
Nicholas W. Koziakin

-

Administrator
Eugene Girs
85-59, 88th Street
Woodhaven, N.Y.
11421

-

ОГЛАВЛЕНИЕ

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КОЗЯКИН

21 апреля 1909 г. — 26 июня 1991 г.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КОЗЯКИН

26 мая 1991 г. скоропостижно скончался в Нью-Йорке Николай Васильевич Козякин, для нас, его старых друзей и однокашников, незабвенный Коля.

Ушел в иной мир не только уважаемый и любимый друг юношеских, студенческих и зрелых лет, но и руководитель, советник, наставник и идеолог кадетских объединений, редактор журнала «Кадетская перекличка», неизменный участник всех встреч, собраний, съездов.

Старая сентенция утверждает, что нет незаменимых людей. Мы очень опасаемся, что в нашем случае она не оправдается. Мы, кадеты, потеряли мудрого друга, а возрождающаяся Россия лишилась верного сына, который был готов служить ей где и как это только было возможно.

Родился Николай Васильевич Козякин 4 мая 1909 г. в Баку. Родителями его были офицер Императорской Армии Василий Григорьевич Козякин и его супруга Лидия Ивановна. Отец прошел весь путь царского офицера в мирное время, в годы первой Мировой войны, революции, Добровольческой Армии, Белой борьбы. Одним из первых откликнулся он на призыв взяться за оружие для борьбы с наступавшим хаосом. Под командованием генерала Врангеля полковник Козякин брал Царицын, потом служил в штабе главнокомандующего, одно время был помощником начальника военно-учебных заведений в Крыму, генерала И. Я. Врасского.

Потом — эмиграция. Семья Козякиных по приезде в Югославию осела в городе Велики Бечкерек, позднее переименованном в Петровград.

Коля начал учиться еще в России, в севастопольском реальном училище, о котором вспоминал с улыбкой, ибо монограмма училища выглядела весьма фривольно, составленная из первых букв его названия. В Югославии Коля поступил в Белградскую Русскую Гимназию, но с 5 класса был переведен в Крымский Кадетский корпус. Погоны корпуса кадет Козякин носил лишь четыре года, но их оказалось достаточно, чтобы стать кадетом с «большой буквы», полностью воспринявшим традиции, мировоззрение и идеалы российских кадет.

В 1928 г. Николай Козякин окончил корпус в составе его восьмого выпуска и поступил на строительный факультет

Белградского университета. В 1934 г. он получил диплом инженера-строителя.

В университетские годы студент Козякин не отделялся от русского общества и его интересов, как это делали многие. При зарождении Национального Союза Нового Поколения он сразу же вступил в его ряды и усердно помогал росту, стабилизации и боевой деятельности этой организации. Одновременно он включился и в жизнь Русского Общевоинского Союза, вступив волноопределяющимся в ячейку 12 Гусарского Ахтырского Великой княгини Ольги Александровны полка.

В течение трех лет инженер Козякин занимал должность городского инженера в городе Призрене, а затем был переведен в город его юности — Бечкерек, где исполнял обязанности помощника директора Технического училища. Тогда же он начал вести строительные работы, принимая подряды от государства и частных лиц. Все эти годы инженер Козякин не отрывался от работы новопоколенцев и всемерно старался помогать соотечественникам. Так, например, он с риском подвергнуться репрессиям со стороны немцев принял на службу в свою фирму одноклассника и единомышленника по НСНП — Евгения Дивнича, вернувшегося из России с молодой женой; его работа по внедрению в народ национального самосознания была замечена Гестапо и ему пришлось уехать, чтобы избежать ареста. Коля очень сожалел о том, что Дивнич по настоянию жены остался в Югославии до прихода советских войск и попал, понятно, на конвеерную ленту ГУЛага.

В 1938 г. Николай Васильевич женился на прелестной Джурджице Грлич, которая при этом перешла из католичества в православие и приняла имя Нины. В 1943 г. у них родился сын Владимир.

В 1944 г., не дожидаясь прихода советских войск, вся семья Козякиных, включая мать — Лидию Ивановну и сестру Евгению Васильевну Перкову с мужем и сыном, перебралась в Германию, где Коля продолжал свою инженерную деятельность, главным образом по ремонту путей сообщения, еженощно разрушавшихся союзной авиацией.

После поражения Германии и начавшегося преследования советских граждан, бежавших на Запад от коммунизма, Николай Васильевич, как и другие новопоколенцы, делал все возможное для их спасения от выдачи.

В 1947 г. вся семья эмигрировала в Соединенные Штаты, и Коля, талантливый и уже опытный инженер, начал рабо-

тать сначала как служащий большой строительной компании, потом как начальник ее технического отдела, а затем как полноправный партнер. В последние годы имел он и свою собственную строительную фирму.

С первых же дней пребывания в Америке Николай Васильевич включился в русскую национально-патриотическую общественную деятельность. Он был одним из основателей Объединения Кадет Зарубежных Корпусов в Нью-Йорке, которое в дальнейшем было переименовано в Объединение Кадет Российских Кадетских Корпусов. Когда это Объединение в 1970 г. решило издать книгу — памятку о русских кадетских корпусах за рубежом, Коля принял в этом деле горячее участие и сам отредактировал часть книги, относящуюся к его родному Крымскому корпусу.

Год спустя, в 1971 г., нью-йоркское Объединение приступило к изданию журнала «Кадетская Перекличка», редакция которого была поручена Павлу Васильевичу Олферьеву. Павел довел журнал до 19 номера в 1978 г., когда тяжелая болезнь лишила его возможности продолжать любимое дело. Все последовавшие номера редактировал уже Н. В. Козякин.

Под его руководством журнал медленно, но неуклонно видоизменялся. Если при П. В. Ольферьеве это был скромный журнал, издававшийся для кадет и поэтому ограничивавшийся почти исключительно темами кадетской жизни, то при Козякине он постепенно превратился в орган политической национально-патриотической мысли. На упреки по этому поводу редактор отвечал, что о кадетском прошлом, быте, идеалах и традициях в любой хорошей библиотеке можно найти обширный материал; мы же, кадеты, боровшиеся всю свою жизнь с коммунистической властью, не имеем права довольствоваться воспоминаниями, а обязаны продолжать борьбу всеми доступными нам средствами, одно из первых — печатное слово.

Нет сомнений, что в этом Николай Васильевич преуспел. Интерес к нашему журналу возрос настолько, что сейчас среди его подписчиков большинство не кадеты. В этом ему в большой степени помог и приглашенный им администратор Евгений Евгеньевич Гирс, сумевший наладить печатание и экспедицию журнала и поставить журнал на коммерческую базу. Женя Гирс, как и Коля Козякин, кадет-крымец. Отсюда связь, взаимное доверие и тесное сотрудничество.

Добился Н. В. Козякин и того, что при первой возможности журнал начал проникать в Россию, где сейчас интерес к нему велик.

В последние годы редакция «Кадетской переклички» приступила к печатанию книг об истории нашей родины в текущем веке, о Белой борьбе, ее идеях, развитии, исходе, сохранности в эмиграции. В книгах этих очень мало нового для нас, зарубежников, и издаются они не для нас, а для России. Эмиграция же служит лишь жертвенной поддержкой этой, столь нужной работе.

Общественная деятельность Н. В. Козякина не ограничивалась кадетским объединением. При зарождении Конгресса Русских Американцев он немедленно вступил в его ряды, стал одним из членов-основателей, одно время входил в состав главного правления этой организации.

Последние годы Колиной жизни были нерадостны. В 1974 году скончалась его матушка. У его супруги Нины несколько позже была обнаружена неизлечимая болезнь, длившаяся годами и сведшая ее в могилу в 1987 г. В довершение всех несчастий скоропостижно скончался и его сын Владимир. Это неизбывное горе Коля переживал как незаживающую рану до самой своей кончины. Теперь не стало и Коли. Еще с кадетских лет мы знали его, ценили, уважали, любили, всегда прислушивались к его голосу. Но только теперь, лишившись его навсегда, мы осознали тяжесть утраты. Нет больше с нами нашего идеолога, нашего скромного вождя и примера для подражания. Недаром Владыка Митрополит Виталий, возглавивший отпевание раба Божия Николая в монастыре Новое Дивеево, в своем надгробном слове назвал покойного человеком государственного ума.

Совсем недавно, минувшей осенью, мы, друзья Коли, собрались, чтобы просмотреть и прослушать последнюю видео-запись встречи с Колей в его доме, в самой непринужденной обстановке. Вот некоторые мысли, которые он тогда высказал:

«Нам нужны контакты с соотечественниками в России. Мы обязаны сделать все возможное, чтобы передать им те ценности, что сумели сохранить и приумножить в течение более чем семидесяти лет эмиграции.

Наш враг не люди, а система, и мы должны приложить все усилия для ее уничтожения. Три четверти века Россию намеренно разрушали. Сейчас пришло время ее воссоздавать. Горбачев, несмотря на многие ошибки, им уже сделанные, и

на те, что он, несомненно, еще сделает, войдет в историю нашей родины как положительный герой, положивший начало разрушению тоталитарной системы.

Мы не должны забывать, что в годы советской власти другим народам СССР жилось лучше, чем русскому народу. Сейчас он с правом поднимает голову и гордо называет себя русским, что все эти годы было ему, если не запрещено, то противопоказано.

Сейчас заявляют о своей воле к отъединению многие народы Советского Союза, и прежде всего прибалты. Но мы не должны забывать о том, что среди них живут многие сотни тысяч русских, украинцев и белоруссов, насильственно туда переселенных.

Новый вождь — Ельцин, поспешивший признать независимость Литвы, об этих соотечественниках даже не вспомнил. А ведь эти люди почти несомненно окажутся париями среди народов, добивавшихся отъединения. Мы, русские, должны поднять голос для их защиты».

Короткий разговор между случайно собравшимися друзьями. Но ведь в нем вся программа дальнейших действий, заветы Коли, его нам завещание.

Кончина Коли — тяжелый удар прежде всего для его сестры и друга на протяжении всей жизни, Евгении Васильевны Перковой, ее супруга и их сына.

Но это огромный удар и для всех нас, лишившихся своего идейного правофлангового.

Мы шлем выражения нашего глубокого сочувствия милой Евгении Васильевне и ее семейству. Мы низко склоняем головы перед могилой на кадетском участке кладбища в Новом Дивееве и с горечью повторяем слова поэта, сказанные по другому поводу и в другом контексте, но столь нужные нам в эти скорбные дни:

«Не говори с тоской — их нет, а с благодарностию — были».

Друзья-кадеты

От редакции

Кончина ряда видных сотрудников «Переклички» ставит журнал в нелегкое положение, грозя нехваткой материала в самом ближайшем будущем. И это в момент, когда стала налаживаться связь с соотечественниками в России.

Редакция надеется, что в среде читателей нашего журнала выявятся новые сотрудники и дальнейшая перекличка двух станов нашей общей родины не заглохнет.

* * *

Со времени написания ряда статей многое в СССР изменилось и продолжает меняться — как в государственной его структуре, так и в национальном и территориальном статусах его частей. В публикуемых материалах это подчас приводит к «анахронизмам», неизбежным в любой периодике.

В. ВЕЙДЛЕ

«БЕЗЫМЯННАЯ СТРАНА»

Авторское введение

Что такое Россия?

Если бы мне задали этот вопрос, разбудив среди ночи, я, вероятно, ответил бы — Пушкин. После чего пришлось бы мне задуматься и уже не спать, пожалуй, до утра.

Пушкин... Я мог бы также сказать — Толстой, Тютчев; первая страница „Мертвых душ". Или вспомнить: «...иззябло дитё, промерзла одежонка» и весь сон Мити Карамазова, после допроса в Мокром, о том, „чтобы не плакало больше дитё".

Да и мало ли что еще. Успенский собор. Адмиралтейство. Колея, откос, плетень по откосу, а за ним уходящая вдаль безбрежность волнистых полей.

Образы России неисчислимы. Исчерпывающего нет и не может быть. Не о них и была первая моя мысль. «Пушкин» не о том; и не о литературе. Мысль моя была о языке.

«Шипенье пенистых бокалов», а то и разговор Селифана с лошадьми, его напутствие шустрой девчонке: «Эх ты, черноногая!» — это и есть Россия: та, где живу, та, что живет во мне. Говорю, пишу не на этом одном языке, но живу в нем, и тем самым живу в России. Довольно мне этой, если нет другой. Ее язык — наш и мой язык. Пушкин и Толстой, и Тютчев, и Селифан, и московские просвирни, и вы, и я, и все мы в нем — одно. Оттого и ответил я на этот вопрос, назвав Россию именем ее поэта.

Правдиво ответил, и от этой правды не отрекусь. Но все ли я сказал, что нужно? Разве для Пушкина — как раз для него — одним этим была Россия? «Слух обо мне пройдет по всей Руси великой...» Для него она воплощалась не в одном языке, но еще и в обширной, мощной державе, не только вмещавшей в свои пределы все, что он о России знал, все, что в ней любил, но и сливавшийся со всем этим воедино. «Россия! встань и возвышайся!» Это было им сказано по особому поводу и не без воинственного задора, но никогда бы он этого не сказал, если бы мыслил душу России отделенной от ее тела, от страны, носящей это имя, и даже от царства-государства, нареченного тем же именем (оно-то, собственно, и дало имя стране). Как же мне следовало ответить на этот ночной вопрос, чтобы не разойтись с Пушкиным? Быть может, так: Россия? Да ведь это то самое, что зовется нынче СССР.

Скажут: верно, так оно и есть. «От финских хладных скал до пламенной Колхиды» — СССР. От далеко на запад продвинутых границ «до стен недвижного Китая» — СССР. «Слух обо мне пройдет» по всему великому Союзу Советских Социалистических Республик. Только я все же между Россией и СССР знака равенства не поставлю, будите меня хоть десять ночей подряд. Ведь эти четыре буквы или четыре слова всего лишь ко всем услугам готовая и ради них придуманная кличка, которая при случае подошла бы к Патагонии или Новой Зеландии не хуже, чем к Московии; больше того, как раз и рассчитанная на такой случай. И обозначает она, конечно, не душу России и даже не ее тело, а лишь универсального покроя мундир, напяленный на нее совершенно так же, как он напялен на многие другие страны и который закройщики его готовятся напялить на весь мир.

Что же касается другой клички, менее ходкой, РСФСР, то Россия тут хоть и упомянута, но в виде прилагательного, как если бы человека назвали не Иваном, а ивановской разновидностью блондинов среднего роста. Имя тем самым было бы у него похищено. И точно так же пять букв или четыре наклеить на живую плоть, это значит не имя ей дать, это значит — украсть у ней имя. Нет, Россия не то самое, что зовется СССР. Так зовется лишь мундир, или футляр, или тюрьма России.

Безымянная страна! То, что было Россией Пушкина и Толстого, как и Русью Троице-Сергиевской лавры, инока Андрея-иконописца, то нынче безымянно. Нет больше имени, которым назывались бы совокупно и Гоголь, и Селифан, и «шипенье пенистых бокалов» — «Медный всадник», «дитё», колея, плетень и поля. Не то чтоб пропало. Оно живо, оно все то же; все его знают; знают и там не хуже, чем здесь. Но страну лишили его, и потому оно стало тайным, а став тайным, стало святым — святее, чем в былые времена. Грех поминать его всуе. В стране четырех букв, если не всуе поминают его, то поминают с опаской, потому что знают: не тюрьма именуется им, а все то, что нынче в тюрьме. Нам же здесь, за рубежом, нужно помнить твердо: СССР — не Россия. И столь же твердо: Россия — там, под этим никчемным ярлыком. Не мы, а новые поколения русских людей, те, что уже пришли или еще придут на смену старым, сделают то, чего мы сделать не можем, не вернутся назад, но свяжут будущее с прошлым, буквы сотрут и скажут:

«Встань, безымянная страна,
Россия! встань и возвышайся!»

мы вернули тебе отнятое у тебя имя. Мы в душе все прошедшие годы им называли твою душу. Отныне ты вся им будешь зваться, как прежде, вновь и навсегда.

---

* В. Вейдле. «Безымянная страна», YMCA-PRESS, Париж, 1968.

Можно ли еще что-нибудь к этому прибавить? Вряд ли, да и нужно ли? Написана книга давно, но основное в ней — непреходяще; не отречемся и мы от него. Владимир Васильевич Вейдле (1895—1979), глубинно русский человек,

давно уже принадлежит не только России. Имя его встречаем среди первейших европейских авторитетов в областях философии, культурологии и истории искусств, особенно эпохи Возрождения. Многие из книг написаны В. В. по-французски и переведены на все главные европейские языки. Нам он особенно близок как мыслитель и, по оценке Г. Струве, как «один из самых тонких критиков» в эмиграции. Мыслям о России посвящен ряд его русскоязычных творений: «Задача России», «Зимнее солнце», «Безымянная страна».

Эссе В. Вейдле публикуются сейчас в России, готовятся и «масштабные» издания в Академии наук и в других издательствах. Нет сомнений, имя В. В. в скором будущем займет соответствующее место в русском Пантеоне вместе с теми, чьи творческие дерзания определяют дух и судьбу народа.

ПАВЕЛ ПАГАНУЦЦИ

РОСТ РУСОФОБИИ

Человек с красивым русским именем, со звучной, исторической фамилией. Профессия — журналист, сотрудник «Нового русского слова», безрассудный русоненавистник, автор злопыхательских статей против России, а заодно и против Советского Союза, так как для Соловьева это одно и то же. В своих оракульствах, которые превратились в навязчивую «фикс»идею, он предсказывает распад империи, которая раньше носила название России, в самом ближайшем будущем.

В одной из таких статей под названием «Кремлевский вирус» Соловьев ссылается на осуждение Львом Толстым антисемитизма, не зная, что известный публицист Заславский в 1923 г. объявил Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Некрасова, заодно с Толстым, антисемитами.

В «Кремлевском вирусе» Соловьев назвал сумасшедшими не только Ивана Грозного, Годунова, Павла I, но и Петра Великого. Он не посчитался с тем, что Петра воспел Пушкин в «Полтаве» и «Медном всаднике». Великий поэт относился

сочувственно к реформам великого преобразователя, представляя в поэмах его как героя. По Пушкину, молодая Россия мужалась гением Петра, крепла «как тяжкий млат, дробя стекло, кует булат», в Полтавской битве Петр «прекрасен». Он весь как «Божия гроза». Но Соловьеву с его узким, шовинистическим, чуждым русскому духу кругозором этого не понять.

Другая статейка носит заглавие «Демократия в империи невозможна». И почему была возможна демократия в английской империи, с необозримым колониальным царством, где никогда не заходило солнце? И если Соловьев называет СССР «последней в мире империей», то как он назовет Красный Китай?

Касаясь волнений в Нагорном Карабахе, Соловьев пишет:

«Как только беспорядки приняли антирусский характер, Кремль был принужден оккупировать собственные территории». Далее он цитирует какого-то царского министра, не называя его имени, который якобы сказал: «Нам нужна Армения, а не армяне». Явная цель автора возбудить неприязнь армян к русским. В любом государстве при возникновении беспорядков, если их нельзя подавить местными силами, посылаются войска. В Америке часто очень сурово расправлялись с бунтовщиками и это не являлось «оккупацией собственной территории». По-видимому, Соловьев уже не знает, к чему ему придраться, чтобы очернить «последнюю в мире империю».

В Нагорном Карабахе беспорядки не были антирусскими. Вражда между азербайджанцами (которых Лермонтов называл татарами) и армянами имеет глубокие корни. Царское правительство и его полиция имели много неприятностей в этих краях. Можно ли поверить в цитируемое заявление царского министра об Армении и армянах без данного источника? Не сомневаюсь, что эта неправда — плод выдумки Соловьева. А ему бы следовало знать, что русские армяне обязаны многим царскому правительству. Этот небольшой народ пользовался в России всяческими поблажками. В свое время горцы на Кавказе ставили это в упрек русскому правительству.

Когда вспыхнула Первая мировая война и турки начали вырезать армян в соседней к русскому Кавказу провинции Ван, Государь приказал на этом участке фронта начать энергичное наступление вопреки стратегическим планам. Русская граница для армян была широко открыта и они могли свободно переходить ее без всяких документов. Быть может,

это и помнят некоторые старые армяне, а молодые об этом и не слыхали? Но кто теперь помнит русское добро? Да и не в интересах советской власти было напоминать армянам об этом. (Спасая армян, погиб мой родной дядя, молоденький гусарский офицер. Его подняли на штыки аскеры во время конной атаки турецких позиций.)

«Шедевром» соловьевского жанра является маленькая, но ядовитая статейка «Перелом», в которой он издевается над русской историей, смакует ее неудачи, пользуется грубыми выражениями. Лейтмотив статьи «Советское поражение в Афганистане», которое автор называет «последней потугой, последней на земле империи к традиционной экспансии». Автор радуется, что Афганистан был «унизительным поражением», не первым для России, которая приравнена Соловьевым к СССР. Большевики остаются большевиками, но в Афганистане особого поражения они не потерпели. А увидев, что добиться победы они не смогут, решили подобру-поздорову ретироваться. И ушли они из страны в порядке (не в пример американцам по Вьетнаме, «заслугами» Киссинджера), оставив за собою вассала, который, вопреки многим предсказаниям, держится и еще долго будет держаться.

Но если уж Соловьев заговорил о поражении в Афганистане, то не мешает вспомнить тех, кто пытался раньше захватить эту страну и потерпел поражение.

Великобритания пыталась завоевать Афганистан в 1842 году. В сражении около Кабула афганцы разбили англичан, и их планы провалились. В январе 1879 года Британский экспедиционный корпус в 36 тысяч человек вторгся в пределы этой страны и занял город Кандагар. Англичане уже праздновали победу. Но меньше чем через полгода они были разгромлены. Завоевание Афганистана снова провалилось.

В 1842 году афганцы уничтожили британские силы до последнего человека, о чем недавно вспоминали американские газеты. В 1879 году, сто десять лет тому назад, Британский корпус в 36 тысяч человек, принимая во внимание малочисленность населения Афганистана, представлял, пожалуй, более внушительную силу, чем 110 тысяч советских войск против врага, непрерывно снабжаемого новейшим оружием.

Соловьев все время трубит об империализме и русской политике: «Захват Прибалтики и среднеазиатские походы Скобелева, и покорение Кавказа, и присоединение Крыма, и борьба с Польшей за Украину...» Другими словами, он

пытается представить Россию как агрессивную, нападающую сторону, а не как сторону, отражающую наносимые ей извне удары. Он пишет:

«Россия заглотала куда больше пространств (вместе с населяющими их народами), чем может переварить ее имперский желудок».

(Говоря о русском империалистическом желудке, который никак не может переварить захваченных земель, не находит ли Соловьев разительное сходство с положением в Израиле, желудок которого (по Соловьеву) никак не может переварить «Вест Банк», «Газа Стрип» пограничной полосы Ливана и волнений в Иерусалиме.) Во всяком случае именно Афганистан стал у нее поперек горла. А как известно из прошлого, империи иногда умирали от географического, территориального обжорства...

Другими словами, отсталой России предстоит превратиться и вовсе в ископаемое существо, в политического динозавра, время которого прошло и шансов выжить никаких.

Чтобы не быть голословным, обращусь к свидетельству большого, не русского авторитета, английского историка Тойнби, который писал:

«Впервые за тысячелетнюю историю России, став большевистской и утратив свое историческое лицо и имя, эта страна выступает как агрессивная и наступающая сторона»!

А теперь посмотрим, какого размера территории успели «заглотать» демократические страны в период, когда Московская Русь начала собирание своих земель, т. е. от Иоанна III до 1914 года. За это время Великобритания «распухла» в 210 раз. Бельгия увеличилась в 77 раз, Нидерланды в 49 раз, Франция в 23 раза. В то же самое время империи (по Соловьеву): Испания, в период расцвета, в 116 раз, Германия в 57 раз, Россия в 47 раз (главным образом за счет сибирского вакуума), Соединенные Штаты Америки, от своего основания, в 1778 году, без Гавайев увеличили свою территорию в 10 раз.

В начале этого года один рьяный читатель «Джуиш Пресс», вероятно «разгневанный» попытками Америки уговорить Израиль начать переговоры с арабами с целью возвращения оккупированных территорий, заявил в «Джуиш Пресс» следующее: «Администрация Рейгана—Буша должна немедленно эвакуировать наши военные силы из Техаса, Нью-Мексики, Аризоны и Калифорнии, оккупированных областей, захваченных у Мексики во время Мексиканской войны

1848 года, спровоцированной Соединенными Штатами... А также разрешить 15 миллионам мексиканцев соединиться со своими семьями на оккупированной территории... Карл Бен Джзеф-Детройт». В большинстве русофобских статей, в попытках обвинить русских в агрессивном империализме, авторы пользуются покорением Кавказа, как исключительным доказательством, подтверждающим русскую экспансию, причем Грузия является главным аргументом. К этому методу, конечно, прибегает и Соловьев. А как же было на самом деле?

Сразу после большевистского переворота и создания Грузинской республики ее первый президент Ной Жордания в своей речи в Тифлисе, в декабре 1917 года, сказал следующее:

«Присоединение Грузии к России не было случайностью или результатом каких-либо личных стремлений. Для нас это было исторической необходимостью. Мы отлично сознавали, что отделение от России для нас означает возврат под иго Востока».

Чтобы понять, как произошло соединение Грузии с Россией (а вовсе не захват), нужно кратко ознакомиться с историей отношений этих двух стран, которые завязались еще в X веке, а в XIII веке сын Андрея Боголюбского женился на грузинской княжне Тамаре. Дружеская связь России и Грузии была прервана татарским нашествием и восстановлена в XVI веке. А в 1564 году Кахетинский князь принял покровительство Иоанна Грозного. Остальные 7 княжеств распавшейся Грузии все время подвергались нашествиям персов и турок. В 1722 году Петр Великий предпринял Персидский поход, чтобы ослабить давление персов и турок на Грузию. По Кучук-Кайнарджийскому миру в 1774 году Турция обязалась не нападать на Грузию, а в 1783 году царь Ираклий провозгласил себя вассалом России. Двумя годами позже Персия разгромила и разграбила Грузию, превратив Тифлис в развалины. Из 60 тысяч грузинских семейств осталось 35 тысяч. У Грузии оставалось только два выхода: подпасть под власть вражеской исламской страны — Персии или присоединиться к дружественной и единоверной России. В 1804 году князья Имеретинский, Мингрельский и Гурийский решили присягнуть на верность, а Россия, приняв грузинские племена под свое покровительство, обязалась защищать их от вторжения и набегов турок, персов и кавказских горцев. Затем Карабахский и Ереванский ханы начали тайные переговоры о переходе в русское

подданство. Вскоре вспыхнула русско-персидская война, окончившая разгром персов.

В 1914 году путешествовал по Кавказу и Грузии Гарольд Бэкстон, священник англиканской церкви, с целью ознакомления с условиями жизни кавказских народов. Вернувшись в Англию, он написал книгу о виденном на Кавказе. Вот что в ней он сказал о «русском империализме»:

«То, что сделали русские здесь за последний век, есть дело огромного масштаба. Благодаря миру, который они здесь водворили, население увеличилось, культура развилась, богатые города и села зародились. Русские чиновники не проявляют той надменности и жестокости по отношению к племенам под их управлением, что свойственны нашим чиновникам».

Это заявление не требует пояснений и дополнений.

Если суммировать все то, что написал Соловьев о России, то выходит, что ТАМ, кроме «режима насилия и заглатывания чужих земель с жившими на них народами», ничего и не было.

Но вот холодный сноб Поль Валери, которого любит и Соловьев цитировать, в своем дневнике назвал один только 19 век России одним из трех чудес мировой истории: *Эллада, Ренессанс и Россия 19 века,* когда в области литературы, искусства, церковного зодчества, музыки, иконописи, театра, балета и живописи *Россия поднялась на недосягаемую высоту.*

Остается задать только вопрос: кто эти господа, поставившие себе за цель в русской газете как можно хлеще порочить Россию? Кому они служат и кому поклоняются? Статьи такого «жанра», подписанные звучным русским именем и фамилией, в их пропаганде очень выгодны. Неискушенные могут подумать: ну, раз русский человек так критикует свое прошлое, наверное, в его писаниях есть добрая доля правды. О таких-то и сказал Солженицын следующее:

«Я только скажу, что информация о дореволюционной России получена Западом из рук или недостаточно компетентных или недостаточно добросовестных» (Вашингтонская речь, 30 июня 1975 года).

«Русская жизнь», 13 апреля 1989 г., Сан-Франциско.

ИЗ ПИСЬМА СВЯЩЕННИКА МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ, ПЕРЕШЕДШЕГО В Р.П.Ц.З.

(Получено из Синодальной канцелярии)

«...в вопросе о создании приходов свободной Р.П.Ц. на территории России я на стороне Соборных решений РПЦЗ. Те, кто с ними не согласен, очевидно не представляют глубины и масштабов поврежденности церковной жизни здесь. Порча коснулась не только архиереев, которых нужно менять поголовно, полный список. Порча глубоко вошла в рядовое духовенство и даже в массы верующих. Ныне наши верующие в большинстве — это совсем не те люди, которые были у нас до революции и долгие годы после нее. Старое поколение, воспитанное на твердом дореволюционном благочестии, почти ушло из земной жизни. Пришли новые, родившиеся и воспитанные уже при советской власти. Из них некоторые хорошо понимают что к чему. Но очень многие ничего не поняли и, что самое печальное, не хотят понимать. Общее состояние их можно определить как полную духовную расслабленность и невежество, нечто вроде христообразного язычества: «Вот я, Господи, поставил Тебе свечку, положил рублик, а Ты мне изволь дать что мне хочется и в этой жизни и в будущей...» Никакие проповеди и поучения неспособны «пробить» эту броню. Умильно могут слушать о подвигах мучеников (древних), а сами пуще огня боятся пострадать хоть в чем-нибудь. Боятся начальника, уполномоченного, райисполкома, боятся лишиться заработка, карьеры, потерпеть осуждение, боятся всего, только не Бога! Друг друга подозревают в «колдовстве» (это стало повальным бедствием), боятся принять друг от друга просфору, кутью и т. п. В приходах процветает борьба за возможность запустить руку в церковные деньги. Из-за этих денег происходят интриги, доносительство, часто инспирируемые священниками, которые создают свои «партии», с тем чтобы захватить церковные финансы. Среди священства процветают зависть, ревность, ненависть и то же доносительство. Я за 22 года священства еще не видел ни одного многоштатного прихода, где бы духовенство жило дружно. И у всех таких людей своего рода фетишем является понятие «Советская власть». Это — святое, это то, о чем даже подумать плохо нельзя — табу. Недаром мой бывший Курский архиерей, публично обвиняя меня в

переходе в РПЦЗ, прежде всего сказал, что РПЦЗ — «против советской власти». Теперь некоторые местные батюшки говорят людям, что отец... против советской власти, и это, оказывается, самое ужасное. Вот Вам «сергиянство» в жизни, в сознании простых людей. О каком понимании, о какой идейности здесь может идти речь! Общее убеждение таких людей таково: если есть храм, где с разрешения властей можно поставить свечку, то и хорошо, и все в порядке. Конечно, все сказанное относится не ко всем верующим поголовно. Есть, повторяю, немало людей, которые хорошо понимают что к чему. Но таких пока меньшинство. Есть среди рядового духовенства и настоящие священники, есть среди монашествующих добрые подвижники. Но и среди таковых немного людей, понявших преступность и еретичество епископата. Чаще встречается возмущение несправедливостью действий отдельных епископов. И мне думается, что в этом тоже проявляется смутное ощущение общей неправоты «князей церкви». Игнорировать такое настроение нельзя. Иногда резкое несогласие с несправедливостью епископа может быть непосредственным поводом к уходу в РПЦЗ. Поводом, за которым сокрыта более глубокая и пока еще не всеми осознанная причина — общая беззаконность архиереев. А они, побратавшись духовно с богоборчеством, ощущают себя и ведут себя, как парт. чиновники или «половецкие князья», пред коими все нижестоящие должны ползать на коленях, как сами эти «князьки» ползают перед государственными чиновниками. Но что делать тем, кто все это давно понял? До сих пор мы вынуждены были подчиняться сергианской иерархии Московской Патриархии, потому что другой иерархии просто не было! Зарубежная Церковь была полностью за рубежом, катакомбная — в глубоком подполье, мы ее не знали. И только теперь, с открытием у нас в России приходов Свободной РПЦ, каждый получил реальную возможность выбора! Это очень важно! Да, идейно выбирающих будет пока немного по вышеназванным причинам. Больше будет таких, кто переходит в РПЦЗ по каким-то эгоистическим соображениям. Но я полагаю, что, поскольку в РПЦЗ соблюдаются на деле святые каноны Церкви (в чем и благодатная сила Зарубежной Церкви!), все случайное, что от нас туда на первых порах устремится, будет со временем отсечено. Те, кто сейчас не согласен с соборным решением РПЦЗ об открытии у нас приходов, боятся раскола, опасаются за Русскую Церковь из любви к ней. Это хорошее и доброе чувство! Но пусть

подумают, кто раскольники, кто учинил (и давно) раскол в единой РПЦ? Те, кто откололся от истины в сергиянское отступничество и в ересь экуменизма, или те, кто остался верен истине во всем и зовет к тому же других? Если наши архиереи отказались от послушания правде и святым канонам (то есть соборному разуму Церкви), то от нас могут ли они требовать послушания? Внешнее единство церковной земной структуры не покупается ценой соглашательства с неправдой и тем паче с ересью! Так было всегда в истории Церкви, например, в истории борьбы с иконоборческой ересью. Ведь масса православных даже до соборного определения этой ереси, до принятия догмата об иконопочитании отказывалась от послушания иконоборцам — епископам, патриархам, императорам, даже соборам епископов, и не боялась обвинений в расколе. Вспомните 13, 14 и особенно 15 правило Двухкратного Собора Константинопольского. Оно ясно говорит о том, что миряне и клирики ни в каком случае не должны выходить из послушания епископу или патриарху до его соборного осуждения, кроме одного случая — когда епископ или патриарх проповедует ересь, осужденную соборами или отцами. Тогда подчиненные им должны выйти из послушания даже до соборного осуждения еретичествующих. Такой ересью является экуменизм. Хотя экуменическая идеология явно грешит и против Халкидонского догмата в его применении к Телу Христову — Церкви, я сейчас скажу не об этом, а о другом. «Православные, экуменисты приняли идейную платформу Всемирного Совета Церквей, согласно которой для христианского молитвенного общения и единения достаточно исповедовать Святую Троицу и Христа как Сына Божия, пришедшего во плоти. И все! Тем самым эти «православные» зачеркнули для себя деяния и догмат VII Вселенского Собора, Торжество Православия, даже отреклись от должного почитания Богоматери и святых как обязательного в христианстве! Следовательно, такие «православные» экуменисты поставили себя в положение еретиков иконоборческого толка, во всяком случае. В своих «богословских» выступлениях они даже пытаются подвести идейную базу под свое еретичество, открыто уча о том, что в вере есть некая обязательная, важная, существенная сторона и есть сторона несущественная, внешняя. К последней относится иконопочитание, почитание святых, богослужение и т. д., то есть вся литургическая жизнь Церкви! Я уже не говорю о попрании канонов в практике экуменических молитв! Здесь «православ-

ные, экуменисты тоже открыто учат тому, что каноны Церкви вовсе не боговдохновенные, а являются лишь человеческими исторически обусловленными правилами. Это все приводит к разложению и распаду церковного сознания на всех уровнях церковной жизни. И во всем этом дело не только в «отвлеченных» вероучительных истинах (хотя и они крайне важны!). Дело в том, что поскольку РПЦЗ соблюдает в должной мере и православное вероучение и канонический строй Церкви, в ее епископате, духовенстве, мирянах присутствует действенная и ощутимая Божия благодать. К моей великой радости и доброму изумлению здешний Владыка Лазарь — такой же настоящий пастор, как, например, и другие пастыри РПЦЗ. Значит, в российских условиях можно было остаться человеком, и человеком благодатным, если не принимать отступничества и еретичества Московской Патриархии. Вот ведь в чем дело. Если бы из таких людей состояло большинство иерархов и священников в нынешней Московской Патриархии, то она смогла бы стать сейчас, когда родина погружается в хаос, подлинной совестью России! Но, увы...! К сему нужно прибавить, что в настоящем все ухудшающемся положении отечества, при множестве разговоров о покаянии, подлинного покаяния нет! И я, грешник, дерзаю с полной ответственностью заявить, что до тех пор, пока (пусть не поголовно, но в каком-то решающем ядре русского народа) не произойдет действительного покаяния за все, что натворили за 73 года, Россия не воспрянет из руин. В лучшем случае она сможет стать безликим сырьевым придатком Запада (тогда хоть колбаса и мыло, возможно, появятся). Массового перехода приходов в Свободную РПЦ пока не будет. Нужна большая разъяснительная работа, нужны в большом количестве популярные брошюры и статьи, показывающие, что́ такое РПЦЗ и чем она отличается от Московской Патриархии. Нужен также и добрый пример тех, кто перешел в РПЦЗ здесь в России.

СЕРГЕЙ ТРЕТЬЯКОВ

РЕАЛЬНЫЕ СИЛЫ РОССИИ

Поскольку высокий процент членов все время покидает компартию и она превратилась исключительно в бюрократический аппарат управления, можно утверждать, что теперь в Советском Союзе остались лишь три реальные силы: армия — сила физическая, церковь — сила духовная и КГБ — сила террора и угнетения. Есть еще одна потенциальная сила — Народ!

После многих лет сталинского режима у населения пропала всякая творческая инициатива и главной чертой остался страх. И все же с прекращением массового террора стали нарождаться небольшие группировки молодежи, так называемые «клубы». А также появлялись отдельные смелые личности, деятельность которых обычно кончалась лагерем. Пресса их окрестила «неформалами». С появлением горбачевских реформ гласности и перестройки появились массовые общественные движения. Сначала они носили чисто местный национальный характер и стали называть себя народными фронтами. Постепенно выявились более четкие организации во всех республиках, принимавшие название политических партий. Почти все они состояли из молодежи интеллигентных кругов и имели от ста до тысячи членов. Вначале каждая из них делала упор на защиту одной лишь области правления: социальную справедливость, экологию, демократию. Так возникла и первая партия оппозиции КПСС — Демократический Союз. Затем вскоре появились десятки мелких партий. Все они формировались вокруг личностей, а не по программам. Так, при выборах 1989 года люди голосовали за популярные имена: Ельцина, Гдляна, Афанасьева. Лишь одна группировка привлекла внимание всей страны. Это — Межрегиональная депутатская группа (МДГ). Одним из самых ярких ее членов был А. Д. Сахаров.

В том же 1989 году произошли забастовки шахтеров, охватившие Россию, Украину и Казахстан. К концу года большинство забастовочных комитетов превратились в союзы трудящихся (СТ), а весной 1990 года эти союзы вместе с независимыми от государства профсоюзами организовались в Конфедерацию труда (КТ). Уже летом 1990 года КТ настолько окрепла, что стала призывать к отставке союзного правительства. Параллельно появлялись новые партии: демо-

кратическая, либерально-демократическая, консервативно-демократическая, социалистическая, социал-демократическая, христианско-демократическая. Коммунистическая партия уже не смогла выступить как единый монолит, так как внутри нее идет борьба между «патриотами» и «демократами». После выбора Ивана Полозкова главой КП РСФСР значительная часть членов стала покидать партию, став беспартийными или войдя в Демократическую партию России — Травкина. Он был единственным лидером, сумевшим создать массовую организацию с первичными ячейками во всех областях России. Теперь эта партия ведет интенсивную работу, увеличивая свое влияние в рабочем движении. Появилось также множество группировок с религиозной основой. Наиболее сильной является Российское христианско-демократическое движение, возглавляемое Аксючицем, Полосиным и священником Якуниным, отсидевшим при Брежневе несколько лет в тюрьме. Они занимаются широкой благотворительностью и ориентируются на экуменизм. Они стараются объединить верующих христиан и сторонников «обустройства» на принципах христианской морали. Сначала довольно шумная, «Память» раскололась на многие группировки, из которых только в Москве около десяти. Особенно проявляет себя возникшее на базе «Памяти» наиболее крупное народно-православное движение.

Весь этот политический спектр народных масс все время меняется. Образуются новые группировки, раскалываются на фракции уже существующие. В такой разноголосице народного плюрализма улавливается лейтмотив: «Нет! — коммунизму в нашей стране». Однако еще силен страх, унаследованный от прошлых поколений. По словам Солженицына: «Еще высится над нами гранитная громада КГБ и не пускает нас в будущее. Прозрачны их уловки, что именно сейчас они особенно нужны — для международной разведки. Все видят, что как раз наоборот. Вся цель их — существовать для себя и подавлять всякое движение в народе. Этому ЧКГБ с его кровавой 70-летней злодейской историей нет уже ни оправдания, ни права на существование». Сейчас это осиное гнездо притихло, предчувствуя свою гибель. Ведь еще несколько лет тому назад генерал КГБ Олег Калугин за свою измену не прожил бы и суток. По-видимому, они потеряли уверенность в своей безнаказанности и уже не знают, что им позволено, а что сойдет с рук без последствий. Поэтому пора расформировать эту организацию, а ее архивы передать на

хранение в государственную библиотеку для изучения будущими поколениями. И тогда свободный народный голос будет слышен не только в мирных демонстрациях, но и в конструктивной работе по возрождению нашей родины.

* * *

Союзная армия является главной и, пожалуй, единственной силой во всем Советском Союзе. Ее престиж сильно поднят ее ролью хранительницы атомного оружия. Не может быть и речи о распылении этого оружия по республикам. Помимо внутренней опасности такое решение, безусловно, встретит отпор на Западе и будет грозить серьезными последствиями. Поэтому попытки образовать отдельные республиканские армии окончатся полной неудачей. В лучшем случае это будет нечто вроде народного ополчения довольно низкой боеспособности. Таким образом Армия является главной силой, поддерживающей единство Советского Союза. В тревожные времена всякая армия подвергается насмешкам, осуждению и карикатурному извращению ее основ и идеалов. Так было по отношению к Императорской армии, так наблюдается и теперь в Советском Союзе. Конечно, бывали такие печальные явления, как «дедовство», но разве и до революции не было прискорбных инцидентов. Вспомним «Поединок» Куприна, где описан случай, когда плохо понимавший русский язык туземец так запутался на ученье, что озверел и никого не подпускал к своему воображаемому денежному ящику. Но основная солдатская масса всегда отличалась крепкой спайкой, честным исполнением своего долга и лояльностью по отношению к существующей верховной власти. О своей поддержке президента Горбачева неоднократно и теперь заявляли маршалы и генералы. Подобную позицию занимает весь генералитет, включая таких генералов, как Громов, Макашев, Родионов. Лишь «полковники», депутаты Верховного Совета, оказали поддержку демократам. Но больше всего демократы надеются на младшее офицерство, где якобы сильны демократические убеждения. По словам председателя Ленинградского Совета Собчака: «Между офицерами уже многие с передовыми взглядами. Они основали в армии оппозиционную организацию (щит?) против компартии. А многие из них даже вышли из партии». Но, пожалуй, прав генерал-полковник Макашев: «В наших казармах чище воздух, чем в

некоторых редакциях». И потому напрасны все надежды демократической прессы на Союзную армию.

Благодаря военной дисциплине всякое выступление против существующей власти возможно лишь при наличии популярного вождя, вроде генерала Франко или Пиночета. Таких личностей пока нет. Но офицерская молодежь воспитана в Суворовских корпусах на старых военных традициях. И эти лейтенанты обучают армию на тех же основах. Вот что нам об этом рассказывает сын Дона генерал-майор Николай Тараканов:

«Не первый год ношу я генеральские погоны, а вот этот взвод, которым командовал будучи юным лейтенантом, до сих пор помню поименно. Особенно запомнились «трудные» ребята: сколько с ними приходилось возиться. Ведь чтобы переломить негативные линии в характере молодого человека, нужна постоянная кропотливая работа, внимание и доверие к солдату, уважение к его личности. Взвод я принял, как говорят на армейском языке, разгильдяйский. И принял тогда, когда еще не улеглись страсти от весьма серьезного происшествия. В феврале 1959 года случилось в нашей части чрезвычайное положение. Один солдат в выходной день пошел в соседний поселок. Там он попытался бесплатно прорваться на вечерний сеанс в кино. Его не пустили. Тогда он, недолго думая, вернулся в часть и объявил: «В поселке наших бьют!» Человек пятьдесят из саперной роты ринулись «на выручку». В это время народ повалил из клуба — завязалась драка. Короче, дело кончилось тем, что несколько солдат отдали под трибунал, командование полка перевели с понижением в должностях, а комбата и ротного вообще уволили из армии.

И вот прибыл я в часть после такого ЧП и принял под свою команду взвод. Начал искать пути-подходы к душам подчиненных. В выходные дни ездил с ними на экскурсии в Харьков, организовывал им, как пионерам, игры и викторины. Были у нас чемпионы взвода по шахматам, по стрельбе из карабина, по лыжным гонкам и городкам. Был даже взводный запевала, Саша Тарабыкин. Рыжий-прерыжий сибиряк, прежде совсем нелюдимый. Я своей властью назначил его лучшим певцом взвода».

За многолетнюю офицерскую службу в армии генерал повидал много солдат. В большинстве своем настоящие ребята, полные задора, солдатской сметки, юмора, а главное — убежденности в том, что они защитники Отечества и народ

надеется на них. И в послевоенный период, увы, было достаточно случаев проверить качества советского солдата.

Не забыть сложную и опасную операцию по удалению радио-активных элементов с крыши третьего энергоблока и трубных площадок главной вентиляционной трубы Чернобыльской АЭС. В этой операции добровольно приняли участие более трех тысяч солдат, сержантов, офицеров. Руками солдат, одетых в примитивную «защиту», было удалено более 170 тонн радиоактивно зараженного графита, ядерного горючего и сброшено в чрево саркофага. Зоны, в которых работали военнослужащие, так и назывались «особо опасные». Уровень радиации составлял в них более тысячи рентген в час. И теперь в Ленинакане и Спитке, Кировакане и Асурянах солдаты — главная ударная сила.

Одно трудно понять, почему так упорно, так безнравственно пытается кое-кто привить нашему народу недоверие к армии. Кому это на руку? А ведь еще в 1714 году писал царь Петр в воинском уставе: «Солдат — имя общее, знаменитое!» И от этого солдата сейчас зависит, быть или не быть Российскому государству.

* * *

Рассыпается коммунистическая партия, рушится ее идеология, и одна из главных задач Русской Православной Церкви заполнить этот духовный вакуум христианским учением. Этим Церковь выполнит свою роль как реальная нравственная сила на сегодняшнем туманном горизонте политической и религиозной жизни русского народа.

В 1988 году вся Россия праздновала 1000-летие крещения Руси киевским великим князем Владимимром. Уже прошли времена массовых репрессий и набирали силу реформы Горбачева. На страницах печати широко обсуждались зверства сталинского режима. Тогда один из лучших русских журналистов Александр Нежный в своих статьях призывал Русскую Православную Церковь сбросить опеку государства и прославить своих мучеников за веру. Но церковная иерархия, как кролик зачарованная коммунистической властью, пребывала в страхе и хранила молчание.

В 1990 году скончался Патриарх Пимен, и вся Русь со страхом и надеждой ожидала новых выборов. Народ к этому времени уже сорвал со своего горла идеологическую петлю коммунизма, а Русская Православная Церковь пребывала в оцепенении.

А. Нежный с тревогой ждал, куда двинется высшая иерархия Православной Церкви, так неутешительны были ее первые шаги. Местоблюстителем патриаршего престола был назначен Филарет, митрополит Киевский и Галицкий, во многом ответственный за тяжелое положение Церкви на Украине. Затем пошла спешка с выборами — Церковный Собор как бы бросался в холодную воду зажмурив глаза. Казалось, все пойдет, как было в 1943-м, в 1945-м и в 1947 годах, то есть один кандидат, одобренный правительством, будет избран путем открытого голосования. Наивно было ожидать, чтобы Русская Православная Церковь после 70 лет под игом безбожного правительства и своего длительного покорного молчания свободно объявила свою волю. Поэтому, писал Нежный, в выборах 1990 года был сделан крупный шаг по дороге к независимости Церкви от государства.

Сначала владыки в закрытом совещании номинировали трех кандидатов: митрополитов Алексия, Владимира и Филарета Киевского. На следующий день Собор номинировал дополнительно митрополитов Гедеона Ставропольского и Бакинского, Питирима Волоколамского и Юрьевского, Филарета Минского и Гродненского и — еще недавно совершенно невозможное — митрополита Антония (Блюм) Сурожского, главу Русской Православной Церкви в Великобритании. Его авторитет, по мнению Нежного, настолько велик в Русской Православной Церкви, что он бы оказался сильным кандидатом. Однако митрополит Филарет Киевский указал, что согласно правилам, митрополит Антоний не может быть номинирован как неподданный Советского Союза. В последовавшем тайном голосовании из числа нескольких кандидатов Патриархом Московским и всея Руси был избран митрополит Ленинградский и Нижегородский Алексий. В своем первом слове новый Патриарх сказал, что он принимает это повышение со страхом и внутренней дрожью. Это вполне понятно, так как не все благополучно в нашей Православной Церкви. Епископство оторвалось от паствы и живет в довольстве, заметном на фоне всеобщей нищеты. При общей свободе мнений высшая церковная иерархия все еще боится противоречить коммунистическому правительству, волнуются верующие и низшее духовенство и начинают покидать Патриаршию Церковь, как было в Суздали и других приходах. Но еще страшнее положение на Западной Украине и в Галиции, где католичество ведет агрессивную войну против православия. Только что Римский Папа назначил в

СССР пять епископов латинского обряда и утвердил в должностях десять епископов греко-католического обряда. Беззаконие в Западной Украине достигло своего предела, и вражда между верующими двух общин грозит перерасти в непредсказуемые осложнения. Святейший Синод Православной Церкви вновь призвал, пока не поздно, к прекращению братоненавистнических отношений, чтобы в духе любви Христовой найти справедливый, законный путь решения проблемы.

Однако униатская церковь, по-видимому, решила вернуться в своей политике к 17 веку. Поэтому в древней Почаевской обители на Украине собрались на православное собеседование представители Иерусалимской, Русской, Болгарской, Американской и Украинской Православных Церквей. Главной темой собеседования была: «Римский католицизм и православный мир». В этой конференции приняли участие не только священнослужители, но и миряне — историки, писатели, художники, публицисты. Эта конференция в конце своей работы обратила внимание всего мира на кровопролитную, межнациональную и межрелигиозную войну на Украине. Пришли и отклики на конференцию. От Патриарха Алексия — благословение на твердое стояние за нашу Святую Православную Церковь. Патриарх Иерусалимский Деодор высказал мнение, что бессмысленно и даже вредно продолжение экуменического диалога ввиду поведения католической церкви на Украине. Отозвался и Патриарх Константинопольский. Он подтвердил, что на Руси с 16 века существует только одна канонически законная Церковь, установленная вместе с патриаршеством.

В своих проповедях Патриарх Алексий все время подчеркивает, что одних молитв недостаточно. Теперь еще нужны доброе духовное слово и добрые дела. Он старается поднять авторитет Церкви путем усиления ее роли при решении нравственных вопросов. Он принимает живое участие в оформлении закона о свободе вероисповеданий. Хотя два параграфа, на которых настаивал Патриарх, пока не были приняты — о религиозном добровольном обучении в государственных школах и о праве совершать богослужения для военнослужащих, — многие важные статьи были одобрены. Зарегистрированные религиозные общины получили права юридических лиц, было запрещено финансирование государством атеистической пропаганды. В письмах из Советского Союза о новом Патриархе отзываются очень неплохо:

он много работает, себя не щадит. Говорят, каждую бумагу и простое письмо лично читает, и на них отвечает. Очень много ездит по приходам и монастырям. Постепенно (что очень трудно) смещает старую верхушку церковной власти и заменяет своими людьми. Благоприятное впечатление произвела отслуженная им панихида при открытии памятника признаваемой всеми святой мученицей Вел. Княгине Елизавете Федоровне. Также характерен недавний случай в Екатеринбурге: Патриаршая и Зарубежная общины подали заявления в горсовет на владение участком земли бывшего Ипатьевского дома. Первая хотела построить там часовню, другая — храм царских мучеников. Горсовет отдал участок Патриаршей общине, как более многочисленной, а Патриарх благословил построить Храм Всех Святых на Руси, просиявших на этом участке. Постепенно подымается авторитет Патриарха. Так, свыше 18 месяцев не возвращали общине Спасский храм в Перове, находящийся на территории воинской части. Но после письма Патриарха министру обороны СССР военные строители в считанные дни произвели все работы, которые, к их чести, не прекращались даже ночью. Храмов в Москве уже возвращено Церкви много. Все они, как правило, в жутком состоянии. Большинство священников молодые, пожилых немного и почти отсутствует средний возраст. Видно, мал был приток за время Брежнева. Вопрос об увеличении числа священнослужителей — наиболее острый в Патриаршей Церкви. Архиерейский Собор, открытый по случаю 400-летия учреждения Патриаршества в России, обратил серьезное внимание на вопрос духовного образования: открыты духовные училища в Ставрополе, Смоленске, Кишиневе и духовные семинарии в Жировицах под Минском, в Киеве и Тобольске.

Бурлит Русь. Растет местный национализм окраин, растет стремление к центру. Трудно ставить прогнозы, так как мало известны фактические мощности реальных сил и трудно предугадать, какая из них выдвинет сильных вождей и тем притянет к себе народные массы. Русское Зарубежье должно внимательно прислушиваться к скрытым процессам и помнить, что все еще борются за власть (если не формально, то по существу) те же бывшие члены КПСС — одни сидят в аппарате власти, другие хотят туда попасть. Все говорят об экономических реформах и не понимают, что начинать надо с нравственного обновления и с честного отношения к труду. Поэтому наивны призывы к покаянию и требования суда и

расправы с членами исчезающей компартии Советского Союза. Наш долг не судить, а помочь здоровым силам. А для себя — крепко помнить одну из лучших молитв Православного богослужения, переложенную для нас в стихах Пушкиным:

Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не даждь душе моей.
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.

Г. ВОЛКОВ

МОЯ ПОЕЗДКА В РОССИЮ

В этом году я не собирался ехать в Россию, но неожиданно получил приглашение от Вадима Николаевича Ордовского-Танаевского, проживающего в Москве, поехать с ним в Сибирь, в город Тобольск, на прославление Св. Иоанна Тобольского, просветителя Сибири.

Прилетел я в Москву в четыре часа утра, и к моей радости, пройдя таможню, увидел моего приятеля Гарри Георгиевича, который уже ждал меня, хотя для того чтобы меня встретить, ему пришлось с вечера приехать в аэропорт и не спать всю ночь. Пришлось и нам подождать, пока не началось движение. И только часов в шесть мы наконец получили автомобиль и благополучно добрались до пригорода Москвы, где мой друг проживает и где нас ждала за накрытым столом мать моего знакомого Тамара Александровна. Хотя стояла только вторая половина августа, Москва встретила меня холодной дождливой погодой. Все же я с помощью Гарри Георгиевича, который работает гидом в

Москве для туристических групп, приезжающих из провинции, смог посетить много достопримечательных мест как в столице, так и в ее окрестностях. Главное же то, что я смог познакомиться с обыденной жизнью москвичей, войти во все подробности их ежедневных забот и свободно поговорить с жителями города. Словом, я получил то, о чем мечтал.

Вадим Николаевич Ордовский-Танаевский, проживающий в Москве в гостинице «Минск», встретил меня как родного брата. Всячески заботился обо мне и предложил вместе поехать в Тобольск — город, который он мне хотел бы показать, особенно ему родной и дорогой, так как последним губернатором Тобольска был его дедушка. Сразу туда вылететь мы не смогли, так как в это время к нему прилетел из Швейцарии его двоюродный брат, и ему надо было о нем позаботиться. Я же посвятил свое время обозрению Москвы, ее жителей и их жизни.

4 сентября, во вторник, я купил билет в спальном вагоне на скорый поезд Москва — Новосибирск. В купе, куда я вошел, уже находился молодой человек, оказавшийся генеральным директором фирмы «АРТЕКС» в Новосибирске. По делам фирмы Олег Анатольевич много времени проводит за границей. То летит в Нью-Йорк, то в Париж, а больше всего в Германию. Как я понял, эта фирма занята всякого рода торговыми сделками с Западом. Мой спутник оказался приятным собеседником, много рассказывал о своей жизни, и время пролетело незаметно, пока мне не пришлось в четверг утром выйти на станции Тюмень. В течение всей дороги вагоновожатая приходила к нам в купе и заботилась, чтобы у нас был горячий чай, крепко заваренный и с сахаром. На обед мы ходили в вагон-ресторан, где конечно разносолов не было, но кусок хлеба и порцию вареной картошки с мясным соусом и пивом мы получали, что для меня, невзыскательного к еде, было вполне достаточно. А Тамара Александровна заранее позаботилась и приготовила мне на дорогу бутерброды, печенье к чаю и другое.

Вадим Николаевич советовал лучше лететь самолетом и не терять два дня на длинную и утомительную дорогу. Меня же как раз интересовало посмотреть на сибирскую природу, завести знакомства в вагоне. Кроме того, еще в Каракасе мне попалась газетка «Тюмень литературная», которую я прочел с интересом. Само направление этой газеты, как и все проблемы России, там обсуждаемые, мне показались очень близкими, а главное, эта газета освещала жизнь далекой про-

винции, а не крупного центра. Здесь в Каракасе, мне попадались и другие газеты: «Московские новости» , «Московская правда», «Патриарший вестник», «Огонек» и т. д., но то, что пишет и как реагирует на происходящее наша провинция, да еще такая, как Сибирь, меня особенно заинтересовало. Я, недолго думая, написал редактору, Николаю Васильевичу Денисову, письмо, прося включить меня в подписчики и высылать мне газету, упомянув, что я живу в Каракасе, где проживает около трех-четырех тысяч русских.

Через некоторое время пришел большой конверт. В нем был очередной номер газеты «Тюмень литературная», книжечка стихов и письмо. В письме Н. В. Денисов извинялся, что ответил мне с таким запозданием, но ему хотелось, чтобы я получил номер, в котором он опубликовал мое письмо. Кроме того было много помех выпуску газеты из-за недостатка бумаги и других технических неполадок. При этом он приписал: «Я русский сибиряк, а мы, сибиряки, к трудностям привыкли, и нас они не остановят». В письме он просил больше писать о жизни нашей русской колонии в Венесуэле. Оказывается, Н. В. Денисов не только редактор газеты, но и поэт и прозаик. Он мне прислал книгу своих стихов «Штормовая погода», и я смог познакомиться и с его мышлением, а также узнать ближе его родной край — Тюмень. Вот я и решил, что если попаду в Россию, постараюсь познакомиться с этим человеком. Прилетев в Москву, я связался с Н. В. Денисовым по телфону, чему он был рад, а когда узнал, что я проездом в Тобольск буду в Тюмени, то сразу же просил сообщить, каким поездом прибуду. Что я и выполнил.

Сойдя с поезда, я сразу же был окружен пятью молодыми (по сравнению со мной) людьми, которые схватили мои пожитки, начали меня обнимать и целовать и потащили скорее к машине. Усадив в машину, Н. В. повез меня к себе в дом, где познакомил со своей семьей, накормил и дал немного отдохнуть. Потом пришли и другие его друзья, опять усадили в машину и повезли через весь город, показав его достопримечательности: музей, место, где высадился Ермак, где был заложен первый город, свою редакцию, а также и старинный деревянный дом, который им предоставило городское правление для их газеты. Если его привести в порядок, то будет приятный уголок для будущей работы. После прогулки мы опять собрались у Н. В. Хозяйка приготовила полный стол яств. Пришли друзья, все больше

журналисты, и за едой и возлияниями мне пришлось рассказывать о нашей эмигрантской жизни. О том, как наши родители попали за границу, как мы росли и учились в Югославии, что такое русские корпуса, как попали мы во время войны в Германию, а потом в Венесуэлу, и как нам, без языка, без денег, пришлось начинать новую жизнь в Америке. Вечер прошел незаметно.

На другой день в Тюмень из Москвы прилетел В. Н. Ордовский-Танаевский. Мы встретились с ним на аэродроме, дождались машины, которую за ним прислали из Тобольска, и, проехав по шоссе около 250 километров, уже ночью прибыли в Тобольск в гостиницу нефтяников, где нас ждал номер с двумя спальнями, салоном для собраний, своей кухней и с другими удобствами. Было уже поздно и ресторан был закрыт, но в комнате для нас был оставлен ужин.

На другое утро Вадима Николаевича пришло повидать много посетителей: местный священник о. Александр, заведующий музеем, несколько фоторепортеров от местных газет. Вадим Николаевич всем им меня представил как своего друга из Венесуэлы. Все, с кем мне пришлось познакомиться, были милые, симпатичные русские люди, которые с большой предупредительностью и с большим вниманием старались нам помочь и услужить.

В первый день погода была хорошая и теплая, не сравнить с погодой в Москве. Нам было предложено поехать за город, полюбоваться окрестной природой. Действительно, нас привели на берег Иртыша, который предстал перед нами во всей своей красоте. Возле Тобольска Иртыш не уже Дуная, что возле Белграда, а грузовые пароходы, тянувшие баржи, напомнили мне реку, возле которой прошло мое детство. В ближайшем лесу мы за два часа набрали две корзинки грибов. Тобольск расположен очень живописно на возвышенности, при слиянии рек Тобола и Иртыша. Старая часть, или кремль, обнесена толстой каменной стеной с башнями. Внутри расположен собор, архиерейские палаты, семинария, старые казематы тюрьмы, в которых раньше содержались декабристы и другие узники. С большим уважением нам показали дом, где содержался Государь с Семьей до их пересылки в Екатеринбург. Показали нам и театр прошлого века, сделанный из дерева, без единого гвоздя. Его резная отделка, башенки и орнаменты свидетельствуют о том искусстве резьбы по дереву, какое процветало здесь. Жаль, что такое здание находится в полном упадке. За наше

пребывание, от субботы до понедельника, мы были приглашены во многие места. Так, в воскресенье мы побывали в соборе, где о. Александр служил литургию, и я смог приложиться к раке Св. Иоанна Тобольского. Нам показали воскресную школу, которую недавно открыли при храме. Пригласили в духовную семинарию, где ректор о. Максим представил нас студентам как русских людей, живущих в далекой Венесуэле. Также нас пригласили в педагогический институт имени Менделеева выступить перед студентами с речью о русских, живущих в Венесуэле. Общество «Добрая воля» пригласило нас к себе на чашку чая. Всюду представляли нас и просили рассказывать о себе и о жизни русских за рубежом и как мы попали туда.

Мне приходилось рассказывать о своей семье, о том, что мой отец закончил Московскую консерваторию в четырнадцатом году, а на летний сезон был приглашен дирижером оркестра в Кисловодск. Вернулся он в Москву, когда уже началась Первая мировая война. Отец, чтобы избежать службы солдатом, записался в военное Александровское училище и через восемь месяцев был произведен в первый офицерский чин и отправлен на фронт. Сначала в Финляндию на формирование, а потом по личному ходатайству был переведен в действующую армию на Рижский фронт. Помню рассказ отца, как он записался в авиацию. Пришлось летать наблюдателем на устаревшем самолете французской фирмы Вуазен. Ему приходилось сбрасывать бомбы на Ригу, вытаскивая их из рядом стоящего ящика, отвинчивать запал и через борт кидать на город. Пришлось также, стоя в кабине, отстреливаться из пулемета от преследовавшего их немецкого летчика.

По возвращении в Москву мой приятель Гарри Георгиевич предложил мне посетить Музей военной авиации. Каково же было мое удивление, когда руководитель нашей группы, полковник авиации в отставке, подвел нас к одному из старых типов самолетов и сказал, что это французский аэроплан Вуазен, участвовавший в боях Первой мировой войны, и описал, как надо было наблюдателю выбрасывать бомбы и стоя стрелять из пулемета. К моей радости там был фотограф, который снимал посетителей, и я его попросил снять меня рядом с аппаратом. Сейчас я мог показать внукам, как их прадед летал и воевал на таком аппарате.

Я рассказал моим слушателям, как мы попали за границу, с какими трудностями пришлось нашим отцам и нам

встретиться, а главное, что за границу попали не только люди знатные, имущие, а и простые. Но наши родители и наши воспитатели старались нам передать любовь к родине и ее прошлому.

В свою очередь Вадим Николаевич Ордовский-Танаевский пояснял слушателям значение наших российских символов. Он говорил о нашем трехцветном флаге и о том, как и откуда Россия получила свой герб — двуглавый орел; как мы легко и необдуманно утеряли наше исконное название Русь, русский, как эти названия объединяли все народы, живущие на этой необъятной территории. Говорил и о русских скаутах. Речь Вадима Николаевича была записана на ленту, которую я передал редактору нашего журнала «Перекличка». Вообще Вадим Николаевич посвятил свою теперешнюю жизнь в России ознакомлению людей с настоящим положением Российской Церкви, всюду поясняя, что́ такое экуменизм, чего хотят от нас разные секты, как они все стараются использовать этот момент нашей истории для своих целей.

Кроме того Вадим Николаевич принимает участие в крещении детей и взрослых. Знаю, что у него уже есть более пятидесяти крестников. Он держит связь с нашим заграничным Синодом, получает церковную литературу: молитвословы, Евангелия, буквари и пр. Все это он размножает и раздает бесплатно по приходским школам или по церквам и монастырям.

Вадим Николаевич просил меня прислать ему литературу по русской истории и книги, описывающие наши старые обычаи, т. к. новое поколение на знает ни о колядках, ни об обычаях, связанных с Рождеством Христовым и Пасхой.

Три дня в Тобольске пролетели очень быстро. Не могу не упомянуть о том, как нас принимали в обществе «Добрая воля». Общество получило одну из тобольских кремлевских башен. Его члены своими силами ее восстановили, отделали изнутри деревом и резьбой.. Получился уютный уголок, где собираются люди, любящие свой город, разыскивающие и реставрирующие все, что еще можно спасти от царящего запустения и разрухи. Председательница этого общества собрала своих членов. Устроила чаепитие из самоваров, дамы принесли печенье и пироги и нас пригласили к себе в гости. Конечно, задавали нам всякие вопросы. Главное, их удивляло, что за семьдесят лет мы не потеряли свою русскость, говорим так чисто по-русски. Пришлось отвечать на все это и мне, и Вадиму Николаевичу. И каково же было

мое удивление, когда председательница общества на другой день подарила мне стихи, обращенные не только ко мне, но и ко всем кадетам. Удивительно, как смогла Людмила Николаевна из моих рассказов понять душу русского человека и кадета и передать в стихотворной форме. Когда я передал стихи нашему редактору «Переклички» в присутствии других кадет в Нью-Йорке и мы их прочли, то у нас из глаз катились слезы. Также мне был передан и рецепт пасхального кулича князей Шереметьевых, сопровождавших Государя с семьей в ссылку в Тобольск, и бережно сохраненный внучкой горничной, служившей в доме Шереметьевых.

Такие маленькие детали трогают и заставляют думать, что русская душа еще жива в народе, несмотря на то, что прошло более семидесяти лет с революции. Русские люди тянутся к своему прошлому и интересуются нами, как его свидетелями и хранителями.

Эта поездка, встреча с русскими людьми, душевное общение с ними воочию мне показали, что семьдесят лет нашей веры и верности не пропали даром, что все моральные ценности Императорской России, так любовно сохраненные нами, являются сейчас насущным хлебом для нашего народа.

Дай Бог, чтобы у нас хватило сил хоть в малой степени передать нашим братьям на родине их историческое наследние.

АЛЕКСАНДР МИЩЕНКО

РУССКИЙ ИЗ КАРАКАСА

По всем городам и столицам,
Куда б ни зашли корабли,
Россия и русские лица —
На всех перекрестках земли.

Евгений Зеленский

Его мы встречали в один из солнечных дней бабьего лета, когда в Тюмень с полей летели поблескивающие в прозрачном воздухе паутинки. В далекой Венесуэле ему довелось прочесть нашу «Тюмень литературную». Завязалась переписка, и вот он уже выходит из вагона на тюменскую землю, и члены редколлегии газеты пожимают руку гостю из-за океана.

— Какая у вас чистая русская речь! — восклицает кто-то.

— Удивляетесь, как это так — венесуэлец, и такой русскийъ — блеснул он синью глаз. — Нос, как видите, картошкой, лишь смуглота тропическая. У нас в Каракасе круглый год лето.

Хотелось поближе, теплей сойтись с этим радушным человеком, и я сказал ему:

— Георгий Григорьевич, а можно к вам обращаться попроще как-нибудь?

— А это бы и лучше, — отозвался он. — Зовите меня тогда — деда Жорж.

— А откуда ваша фамилия происходит?

— Раньше как это было? Трех волков убил, вот ты и Волков.

В течение дня я много успел узнать о нем, рассказывал Георгий Григорьевич живо и сочно, и мне хорошо увиделись в воображении прижатый к горам аэродром в Каракасе на морском мысу, извилистое шоссе, и сам четырехмиллионный город в ладони горной долины Карибских Анд — авенида Боливар, дворцы, небоскребы, современные жилые комплексы и лачуги.

Легко представил я себе Волкова мальчиком. Православный храм в Белграде. Как голубой дымок, плывут в пространствах его молитвы. Кажется, внутри храма все очищают они озоном духа и снаружи во дворике —яблоньку, стайку

круторогих барашков, небо над ними, полыхающее жарко-голубым, и жизнь всего города на высоком берегу Дуная, Золотой луч веры пронизывает сердце мальчика, и золотисто сияющим видится ему мир.

Родился он в Симферополе, откуда шестимесячным ребенком попал в Югославию. Отец его — офицер, переправился сюда в составе русских войск. Разлука в родиной, гражданская война, перебулгаченные огнем, грязью и кровью идеалы белого движения оставили в душе его отца свой след: он стал священником — церковь утешала молитвами. А Жорж в десять лет поступил в Кадетский корпус. «Прошу не путать с кадетской партией», — уточнил по этому поводу Волков.Воспитанников корпуса не накачивали духом жаркой сиюминутной политики. Главными предметами были история и география России, и через них шло познание родины, воспитание русскости в мальчиках, попавших волей судьбы в эмиграцию. Родители Жоржа, как и масса других русских, много лет не раскладывали содержимое сундуков, живя надеждами возвратиться домой. Но их ожидания перечеркнула Мировая война. И цивильным, как выразился Георгий Григорьевич, то есть гражданским пленным, он по иронии судьбы попадает на строительство Дворца мира в Нюрнберге. До болей в сердце прожигали его тогда переживания за стремительное отступление Красной армии под ударами немцев. «Ну как же, как же так, песни такие пели, что врагу не отдадим и пяди земли, — металась раскаленная мысль в сознании растерявшегося юноши, — а тут катятся и катятся».

Потом он выучился на зубного врача. Работу в разрушенной послевоенной Германии ему, эмигранту, найти было трудно, а он обзавелся уже семьей. И полетели они с женой — россиянкой Катей, помолившись и перекрестившись, искать счастья в знойной тропической Венесуэле, где начиналось все с хибары из бамбука, крытой пальмовыми листьями, лепетания манговых деревьев и бури, принесшей «дождь» из метровых ящериц, скрипучей двухколесной арбы...

«О нас иногда судят со стороны: Один русский — талант, два — спор, много — скандал общественный, — говорил с заметной горячностью Волков. — Ложь это. Где десять русских — там о храме начинают думать». Вот и возвела русская колония в Каракасе две православных церковки, и в излучении веры, с храмом в душе жил венесуэлец Волков. Напитывалась она древним вином нашей русскости, которое

отстаивалось веками. И не меркли в душе отсветы бело-сине-красного и Андреевского флагов, при виде которых сжимается сердце русского: сияние свершений Петра, Екатерины, Суворова и Нахимова. И в стране желтой тропической земли и речек желтого цвета вспоминались ему «Кореец» и «Варяг», Минин и Пожарский, русские офицеры в Югославии, влившие благородную свою энергию и ум в хозяйство и культуру ее. Не забывалось братство по Кадетскому корпусу, и каждый год стали собираться выпускники его. Брал свое возраст. И это о них сказал шведский пенсионер, внук яснополянского гения Павел Львович Толстой: «Чем старше становишься, тем больше тянешься к русскому».

Постаревшие кадеты сознательно стали уходить от политики. Радовались, что не расторгнуты они, хоть и рассеяны. Главной целью поставили — сохранять и развивать любовь к России, ее истории, традициям. Вызрела убежденность у поседелых кадетов, что довольно с них «мировых проблем» и дорогостоящего мессианства. «Не будем мечтать о счастьи человечества», — записали они в скрижали своих душ, — когда нужно способствовать устроению счастья нашей собственной страны. Довольно и «священных союзов» на русской крови и «мировых революций» на русские деньги и страдания. Случилась беда у кого — дружно отзывались на нее, помогали деньгами, душевным участием. Детям своим прививали исконно русские жертвенность и милосердие. Осиротела у одного кадета дочка — удочерил ее его друг, четвертым ребенком стала она в семье...

А родина страдала, волоча ярмо сталинского социализма. Не во все ужасы верилось венесуэльским русским, в тумане виделись им из Карибских Анд дали современной российской истории.

И вот один из многих, бывший кадет Волков второй раз в Сибири. Первый раз посчастливилось слетать в Иркутск. Теперь — путь в Тобольск, на юбилей Сибирской епархии, и вот краткое гостевание в нашем городе. Насыщенный походами по нему день завершился хлебосольным сибирским застольем у редактора «Тюмени литературной»...

В какой-то момент Гоергий Григорьевич попросил поставить пленку, которую он захватил с собой из Каракаса. И полились русские песни. То удалью взрывались они, будоражили кровь веселой энергией, то навевали щемяще-печальное что-то, то проголосно тянулись, как бесконечная извивная тропка в поле среди колыханий ржи. Всех нас

взволновали достающие сердца мелодии, мы подхватывали их, а гость едва сдерживал слезы. «Я ж в Сибири, в самом сердце России!» — с чувством проговорил он, слабо веря, что происходит это с ним не в каком-то беспечальном сне, а наяву. Сказывались годы. Шутейное ли дело, как бросил он с веселостью еще на вокзале, когда на каждую ногу по тридцать пять лет! Песни разбудили в Волкове думы о почивших друзьях-кадетах, ушедших для последнего парада в «могучий мертвый строй», в мир, где несть, как говорится, печали и воздыханий. Опять застарелая боль шевельнулась, которую почувствовал я в один из моментов по его реплике: «Нам смены нет. Наши дети и внуки далеки становятся от переживаемого нами. А у нас есть реликвии и материалы, которые надо как-то переправлять на родину, чтоб не сгинули они после нас».

«О великий, могучий, свободный и красивый русский язык, помоги мне описать мою Россию!» — звучал на фоне музыки из Каракаса взволнованный голос.

— Это мой друг говорит, — пояснил Георгий Григорьевич. — Работает он обивщиком мебели, живет на гроши, по тамошним меркам, и все их на пленки, на пластинки изводит. Сам подобрал композицию эту «Моя Россия», которую и не видел-то никогда. Я не могу выразить словами, что чувствую, а он высказал.

Наши души будто налучивались густым тембром голоса далекого венесуэльца: «Россия» — не моя родина, она — родина моих родителей. Но для меня, бездомного, она нечто более щемящее и величественное. Сердце мое странно сжимается, когда я слышу слово «Россия». И такое чувство рождается, какое появляется перед причастием. Я не был в России, не сподобил Господь увидеть ее. Не вспоила и не вскормила она меня, но всю жизнь я прожил с ней. Не видя в лицо ни разу, знаю тебя, разуму вопреки, моя Родина, и остаюсь русским, как Бунин, оставивший родные дома и гробы, чтобы затвориться от окаянных дней в скорбном скитальчестве. Я дыханье твое ощущаю, Родина, слышу голос, понимаю шепот, тепло руки твоей чувствую. Не могу рассуждать много: умом Россию не понять... Я верю в нее...» И само сердце этого человека будто бы вибрировало серебряными своими струнами в мелодиях, которые звучали когда-то в напевах его матери. Любовь и тоску его, русскую, по снегам бескрайним, печаль вместили они, как синий ветер, весь мир заполонили. И пронизывал все существо мое

этот голос: «Моя Россия — не только ратная ее история, географическая громада, литература, музыка и художество, народ русский, но и Илья Муромец с богатырской своей заставой, стольно-киевский Владимир Красно Солнышко, Иван-Царевич и Жар-птица, смышленый Иванушка-Дурачок...»

Все люди делятся на тех, кто живет со сказкой и кто — без сказки. Повинуясь запросам сверхчеловеческой национальной силы, сказка, вмещая в себя душу мудреца и ребенка, живет всегда со своим богом воли. Ни время, ни пространство, ни законы тяжести и вещества не властны над ней. И как же взрывно открылось мне это в минуты праздника. Я глядел на деда Жоржа и вспоминались мне близкие, колыхнувшие некогда сердце на родном журфаке в МГУ слова: «Живите, государи мои, люди русские, в ладу со своей старою сказкой. Чудная вещь старая сказка! Горе тому, у кого ее не будет под старость!»

«А вот у этого человека из Каракаса есть она! — думалось мне. — Поэтому и верил он, что наступит рассвет на российской земле». А диктофонная пленка крутилась все и крутилась, и в кровотоке моем жил уже голос далекого русского человека: «Я верю, что моя Россия — спящая красавица, которая спит уже более семидесяти лет крепким сном, что наступит день, когда придет Иван-Царевич, разбудит ее нежным поцелуем и станет она еще милей и краше. И призовет она широко открытыми свободными руками, прижмет к своей груди нас, не утративших в нее веру детишек своих, и материнской лаской ее будем согреты мы. Слезы радости и умиления Матери-Родины смоют сиротскую скорбь с наших, верующих в нее, лиц. Когда такое случится, не знаю, но это — будет. Народ России — это не только двести миллионов современников наших. Это также миллиард их праотцов, оставивших наследием нам великую страну. И это — миллиарды потомков, что еще не родились, но приумножат это наследие в грядущие века». И голос, рвущийся с пленки, голубино взлетающие с нее русские песни будили что-то храмовое в душе всех, кто собрался за праздничным столом. Пели будто играли тысячи церквей.

Накануне днем мы побывали в одном из действующих храмов и в музее, расположенном в церкви Петра и Павла на историческом юру города. Интересно было открывать сибирское своеобразие икон: богоматери не голубоглазые, по канону, а кареглазые, святые около них — в валенках. Волков

рассказал, что одна из ветвей нашего святого Иоанна Тобольского ведет в Венесуэлу. Но это можно было рассматривать как частность. Церковная вера единила нас, россиян всех с русскими, разбросанными судьбой по всему белу свету, начиная с первой трехмиллионной волны беженцев, разлетевшихся ивиковыми журавлями по всему поднебесью, как пронзительно-поэтично сказал в 1924 году о них Бунин в своей знаменитой речи о миссии русской эмиграции.

Дед Жорж человек религиозный, духовность истинного пастыря живет в нем, и донно-глубокими были его мысли. Ну как не согласиться с ним, что если б не было церкви, не было б и русского государства! А это его откровение было уже лично пережитым. «Очень трудно быть хорошим врачом и хорошим священником, — делился гость своими мыслями с нами. — Вот ко мне, стоматологу, шли вроде бы зубы лечить, а изливали душу. И как не откликнешься на чаяния твоих пациентов! В Венесуэле, я вам скажу, клиентура небогатая и воообще бедных много, а русские специалисты не могут просто-таки в силу склада натуры своей много брать с них. Милосердный же мы народ».

— Мы всегда-то верили в лучшее будущее России, — говорил Волков насыщенным энергией голосом. — А сейчас вы перестройкой своей столько взбурлили в нас. Масса надежд в душах рождаться стала. И мы не ждем, когда родина протянет к нам руки, а ищем, чем быть полезней ей. Что-то сделаю я в этой поездке... То равенство, которое насаждалось у вас, исключало братство людей. Один русский философ сказал когда-то, что социальная правда должна быть основана на достоинстве каждой личности, а не на равенстве.

Искренние, сердечные слова деда Жоржа не могли не взволновать. И один из нас ответил такими словами: «Я просто потрясен венесуэльскими русскими. Это надо же, такую жестокую историю, какая выпала нам с революции, переложить в сказку, почувствовать солнце там, где мгла застоялась. Какая вера! А у нас тут обезверенность разлилась морем...»

И тревожно прозвучали стихи о глумливой эпохе, что «жарила шашлыки на огне, похищенном у неба», о рационализме, проедающем души наши:

У меня не дом теперь — жилье.
И сума — пакет из целлофана.

Как-то враз ушли в небытие
Бежин Луг и Ясная Поляна...

И все же вечер этот как-то связывался для нас всех с утренним солнцем во время встречи Волкова на вокзале. Будто лучом солнечным озарил в душах наших нечто дремлющее он. И — столько русского разбудил в нас! Такое бездонье ее открылось, что мы были просто ошеломлены. И неизбывная благодарность русскому деду Жоржу из Каракаса живет теперь в наших сердцах.

НИКОЛАЙ ДЕНИСОВ
Редактор газеты «Тюмень литературная»

РУСЬ

О Русь, малиновое поле...
С. Есенин

Русь былинная — даль без предела,
Снежный дым у столбов верстовых!
Как на сивках и бурках сумела
Доскакать ты до окон моих?

Растерял по дороге подковы,
Понастроив церквей — в облака,
Ты на поле полей — Куликово
Выходила, чтоб встать на века!

Вот и нынче по осени свежей
Над равнинами зябких полей
Подняла ты с родных побережий
Нестареющий клин журавлей.
Что еще там? Мелькнул полушалок
Да упала звезда впереди:
Это дух переводишь устало
Ты в своей богатырской груди!

СОЛОНЧАКИ

Солончаки, солончаки,
От зноя спекшиеся травы.
И ни колодца, ни реки,
Один лишь суслик у канавы.

Да чудом держится пырей,
Хоть просит дождика из тучки.
А дальше — снова суховей
Качает красные колючки.

Но что поделаю? Кулик
И здесь нахваливает кочку!
Я тоже барин невелик,
Иду-бреду себе пешочком.

Вновь перелески да поля,
«Ижи», наделавшие грому.
Да это ж родина моя!
Иду и радуюсь живому.

ВЛАДИМИР ДАНЧЕНКО
старший научный сотрудник Эрмитажа

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ I КАДЕТСКОГО КОРПУСА

Прочитав в одном из номеров (№ 31, 1982) журнала «Кадетская перекличка» юбилейный очерк о 1 Кадетском корпусе, я счел возможным на свой страх и риск поделиться с читателями некоторыми предварительными результатами сво-

их изысканий по истории военного образования в России в XVIII—XIX вв. и соответственно первого в России Корпуса кадет, 260-летний юбилей которого немногочисленные ревнители отечественной военной истории собираются отметить научной конференцией и выставкой в Эрмитаже.

Истории детища Миниха и Ягужинского посвящено немало работ: от кратких очерков до отдельных сочинений. Однако почти все они составлены на основании общеизвестных фактов, которые можно почерпнуть в Полном собрании законов Российской империи и периодике того времени. Едва ли не единственным исключением является работа П. Ф. Лузанова «Сухопутный шляхетный кадетский корпус», СПБ 1907 г., как было отмечено на форзаце, «составлена по архивным материалам». (Что же касается деятельности советских военных историков, то они вообще не интересовались данными сюжетами, считая их, вероятно, неактуальными, а, может, и вредными.) Остается сожалеть, что труд Лузанова не завершен, и содержание его ограничивается историей корпуса только в период правления императрицы Анны Иоанновны, т. е. до 1741 г. Кроме того автор не указал, какими архивными материалами он пользовался, что затруднило начало исследования, которое предпринял автор этих строк.

После внимательного изучения описей и реестров фондов Центрального Военно-Исторического архива, удалось определить комплекс материалов, которыми пользовался П. Ф. Лузанов. Правда, выяснилось, что еще больше документов, в силу объективных причин, им не было опубликовано. О некоторых из них я и упомяну.

Внимание привлекли бумаги двух основных фондов: №24 и №314. В первом из них сотредоточены «дела военные», сведения о работе штабов, о снабжении армии провиантом и обмундированием, о деятельности картографического депо.

Есть среди них и документы, касающиеся I Кадетского корпуса. Так, например, сохранилось несколько записок П. И. Ягужинского о создании в России кадетских корпусов. В них дается развернутая картина военного образования в Пруссии и Дании, устройства тамошних корпусов, состава учащихся и преподавателей, структуры учебной программы и многое другое. Именно эти «проекции», как известно, легли в основу учреждения в Петербурге «Корпуса кадетов» в 1731 г.

Не менее интересны и сведения о событиях, значение которых выходит за рамки регламентированной корпусной жизни. В деле № 225 есть раздел, повествующий об участии

кадетов в составлении плана Петербурга 1737 г., одного из наиболее полных и едва ли не одного из первых планов российской столицы. После пожара 1736 г. учащиеся инженерного класса под руководством И. фон Зигхейма проводят в разных концах города топогеодезические съемки, а в классах составляют чертежи и рабочие эскизы. В течение нескольких месяцев производились работы по подготовке аксонометрии и картографированию Васильевского острова, Адмиралтейской стороны, других районов.

«Кадетский» план 1737 г. послужил основанием для создания планов Петербурга в последующие годы.

Не последнюю роль играли воспитанники Корпуса и в работах на Ладожском канале. Сам Миних наблюдал за действиями кадетов, отмечая наиболее «сметливых». Любопытно, что те, кто проходил практику под началом Миниха, быстро получали очередные офицерские звания.

В фонде № 314, наоборот, собраны корпусные документы XVIII и начала XX вв., которые регистрировались в канцелярии Корпуса, и поэтому они дают общую картину жизнедеятельности этого учреждения. Правда, и среди официальных записок, донесений и рапортов встречаются материалы о том, что составляло «неуставную», в большей степени просветительскую сторону его существования. Несколько комплексов табелей и ведомостей относятся к корпусной библиотеке, со временем ставшей одной из лучших в Петербурге (Д. № 1696, 2303, 1798, 1982). Начало ее положили книги из собрания бывшего хозяина здания Корпуса А. Д. Меншикова (в настоящее время часть их находится в Публичной библиотеке). Большинство же из последующих поступлений покупались в Германии и Франции. Уже в 1733—1734 гг. в Корпус были доставлены сочинения Тита Ливия, Эзопа, Плиния на латинском языке, небольшое число немецких баллад, учебники по истории, геометрии, фортитфикации.

Недобросовестность одного из основных торговых агентов, через которого руководство Корпуса заказывало книги за границей, Я. Штелина, нередко приводила к тому, что кадетская библиотека пополнялась недостаточно, в Корпус привозили книг значительно меньше, чем заказывалось. В конечном итоге, были завязаны контакты с французскими торговцами-книжниками, которые более исправно занимались подбором и доставкой книг для Корпуса.

Особый раздел кадетской библиотеки составляли учебные пособия, печатные уставы, инструкции, военные и морские регламенты, инструкция губернаторская, наставления для сержантов и солдат.

Книги приобретались у частных лиц; многие атласы, курсы истории Европы, пособия по архитектуре были куплены в Петербурге. К тому же, как теперь известно, работы греческих и римских историков и философов были взяты из библиотеки Академии Наук.

Начиная с середины XVIII в. кадетское книжное собрание начинает пополняться и выпусками своей типографии. Документы о ней находятся в нескольких делах ф. № 314, одно из них, самое объемное, № 3227 (327 листов) содержит сведения за разные годы о работе этого интересного «предприятия». Помимо данных о наборщиках, свинце, бумаге и пр., документы дают полное представление о кадетских изданиях. Это и «Проповеди Феофана» и «История персидская», «Приключения Фемистокла», «Воспитание девиц» — всего более 200 названий. Особое место в этой продукции занимали небольшие книжки (10—15 стр.), в которых печатались переводы немецких и итальянских сказок, сделанные воспитанниками и преподавателями Корпуса.

Любопытно, что некоторые кадеты исполняли роль наборщиков, участвуя таким образом непосредственно в издании своих работ. Их, кстати, можно было найти и в лавках книготорговцев, и в частных библиотеках. Безусловно, кадетские издания занимали видное место в книжном мире Петербурга XVIII в.

Нечто подобное, но в применении к театральной жизни столицы, можно сказать о кадетском театре. О драматургии Сумарокова, игре Ф. Волкова, представлениях кадетской труппы, написано немало. Но и здесь обнаруживаются факты, не привлекшие внимание авторов. В документах дела № 1659 речь, например, идет о пошиве театральных костюмов самими участниками представлений. В Корпус был приглашен специальный мастер-портной, под его руководством кадеты готовили костюмы к постановке «Хорева», немецких и французских пьес. Они же и мастерили декорации, для чего по их заказу закупались краски, доски, материя. В помощь кадетам был направлен один из плотников, работавших на территории Корпуса. Так что кадеты выступали одновременно в качестве актеров, режиссеров и реквизиторов.

Похожих малоизвестных фактов можно привести множество. Чего стоят хотя бы записи в корпусном журнале о том, что учащиеся четвертого возраста вместе с садовником и огородником приводят в порядок, а по сути, возвращают к жизни заброшенный было знаменитый парк Меншикова. Сохранились записи о том, что кадеты помогали в проектировании Гостиного Двора самому Деламоту.

А из дела № 3314 становится известно о существовании в Корпусе во времена Екатерины II, так называемой «говорящей» стены, на которой воспитанники могли письменно выразить свои настроения и мысли. Это приводило к скандалам, поскольку офицеры корпуса видели на стене надписи в духе преследуемого тогда «вольтерьянства». Даже этот короткий и беглый перечень материалов одного только архива свидетельствует о перспективе изучения истории Петербургского «Корпуса кадет». Некоторые документы, правда, худшей сохранности и полноты информации, находятся в фондах Архива Древних актов и Артиллерийского исторического музея.

Казалось, основной круг источников определен, их местоположение известно, но, как нередко бывает, к новым поискам документов привел случай. Во время реставрационных работ в здании Корпуса в 50-х годах в печах, каминах, под полом были обнаружены бумаги, и в немалом количестве. На первый взгляд, находка не могла обрадовать; перед реставраторами лежали полуистлевшие, полуобгоревшие листы бумаги. Но после реставрации и текстологического изучения удалось установить: большая часть обнаруженных листов относится к канцелярии Кадетского Корпуса второй половины XVIII— XIX вв.

Среди найденного — финансовые ведомости за 60— 70-е годы XVIII в., табели успеваемости и образцы контрольных работ по русской грамматике. Особую ценность представляют учебные зарисовки и этюды, выполненные кадетами на занятиях по рисованию. Это — тип документов, который, как правило, не встретишь в архиве или библиотеке. Как, впрочем, и увольнительные записки, и пригласительные билеты на кадетские вечера 1908—1910 гг.; они также находились среди отреставрированных бумаг. Выяснилось также, что документы по истории Кадетского корпуса находятся в ведомственном архиве Ленинградского военного округа. Так что есть основания говорить о возможности новых интересных открытий в недалеком будущем.

Настала пора возродить память и историю «гнезда российских орлов», которыми и по сей день должно гордиться.

МИХАИЛ НАЗАРОВ

СПАСТИ СЕБЯ МЫ МОЖЕМ ТОЛЬКО САМИ

Открытое письмо Конгрессу соотечественников

В дискуссиях о целях Конгресса соотечественников в числе желательных участников от эмиграции было названо и мое имя («Литературная Россия» № 25, 1990). Очень признателен за приглашение, но, к сожалению, сейчас не могу ему последовать. Вместо этого я написал Открытое письмо организаторам Конгресса и был бы благодарен за его публикацию.

В разосланных материалах оргкомитета Конгресса сказано, что «за рубежом проживает около 20 млн. наших бывших соотечественников, многие из которых хотят участвовать в экономическом и культурном возрождении Родины»; «мы хорошо знаем, какой мощный духовный и интеллектуальный потенциал накоплен в российском зарубежье», — пишет председатель оргкомитета М. Н. Толстой, надеясь среди прочего на «развитие деловых контактов, осуществление совместных благотворительных акций». Приводится и обращение Б. Н. Ельцина к эмигрантам: «ваши знания, опыт и сопричастность будут приняты с благодарностью. Только совместными усилиями мы возродим наше Отечество!» («Российская газета», 26.12.90).

При всей оправданности такого внимания к опыту российской эмиграции мне кажется, что организаторы Конгресса переоценивают ее численность и физические возможности, а

«духовный и интеллектуальный потенциал» зарубежья понимают слишком оптимистично, лишь как приобщение к «достижениям цивилизации». И в тот и в другой аспект надежд хочется внести коррективы.

Начну с того, что цифра 20 миллионов взята по оценкам МИДа СССР и включает в себя потомков всех выходцев из России, начиная с дореволюционной, в основном польско-еврейской эмиграции. В эту цифру входят также по 3 млн. русских, украинцев, латышей, литовцев, армян, грузин («Правительственный вестник» № 41, 1990; «Аргументы и факты» № 40, 1989). Подавляющее большинство из них себя ни россиянами, ни соотечественниками не считает, как и еврейская эмиграция последних десятилетий. Отношение к России некоторых из этих национальностей порою даже враждебнее иностранного: они стали опорой политики антирусских кругов США, против которой всегда протестовало российское зарубежье (вспомним до сих пор не отмененный закон о нациях, порабощенных «русским коммунизмом»).

Думается, о российской эмиграции правильнее судить по числу тех, кто считает себя русскими. Ориенетир здесь дает численность прихожан Русской зарубежной Церкви — около 150.000, а также несколько десятков тысяч русских в Парижской и Американской ветвях православия. Но и это в основном люди преклонного возраста (молодежь, к сожалению, почти вся ассимилировались); они далеко не всегда имеют силы, средства или способности, чтобы удовлетворить надежды, возлагаемые на них на родине. С масштабами России их возможности помощи несоизмеримы.

Будем смотреть правде в глаза: русская эмиграция исчезает как духовно-политический феномен. Но она выполнила свою главную миссию, и эта миссия заключалась в другом. Как писал публицист и историк Церкви Г. Федотов: «С той горы, к которой прибило наш ковчег, нам открылись грандиозные перспективы: воистину „все царства мира и слава их“ — вернее, их позор. В мировой борьбе капитализма и коммунизма мы одни можем видеть оба склона — в Европу и в Россию: действительность, как она есть, без румян и прикрас» («Новый град» № 2, 1932)

Именно этим опытом, изложенным во многих публикациях, русское зарубежье может быть полезно отечеству, а не бизнесменами. И этот опыт гораздо сложнее, чем полагает Ельцин, надеясь внедрить с помощью эмигрантов «Ценнейшие приобретения человеческой цивилизации, такие

как рынок, правовое государство, демократия, механизмы социального партнерства, плюрализма». В сущности, такие надежды на эмиграцию — частный случай общих надежд на помощь Запада. На это и хочется обратить основное внимание.

Главное, из чего следует исходить: никто нам без собственной выгоды помогать не будет. Нужно искать взаимовыгодного сотрудничества, что в какой-то мере возможно. Дело, однако, осложняется тем, что у наиболее влиятельных кругов Запада помимо *экономической* выгоды есть связанные с нею *геополитические* интересы, которые имеют также важный *пропагандно-идеологический* аспект с мощнейшими средствами воздействия на умы. И похоже, многие российские деятели сегодня неспособны различить эти три разных аспекта, подпадая под воздействие последнего.

Так, правовое государство, которое Ельцин ищет на Западе, существовало до 1917 г. и в России (с лучшими по тем временам «механизмами социального партнерства» — как считал президент США Тафт) — то есть его не обязательно связывать именно с западными моделями. Еще важнее увидеть, что рынок, демократия и плюрализм — неоднозначные понятия: в известной мере они необходимы, но при снижении духовного тонуса общества они превращаются в инструменты его саморазрушения. В этом и заключается тот «позор» капитализма, о котором писал Г. Федотов (и это мнение разделяли все видные мыслители эмиграции: Бердяев, Франк, о. С. Булгаков, Карташев, Степун, Вышеславцев, Зеньковский, А. И. и В. Н. Ильины и др., не говоря уже о Церкви).

Снижение тонуса на Западе началось в эпоху Просвещения: демократия и атеистическая вера в «прогресс» развивались одновременно. С одной стороны, демократия дает населению больше личной свободы. Но с другой стороны, при ослаблении религиозной традиции люди начинают пользоваться свободой как в добро, так и во зло — без принципиального их различия, как если бы истины не существовало (плюрализм). Неудивительно, что в «результате этого яркого и импонирующего развития культуры, просвещения, свободы и права человечество пришло на наших глазах к состоянию нового варварства», — писал С. Франк («Крушение кумиров», Берлин, 1924, с. 47-48). Недавняя авария электросети в Нью-Йорке, когда прилично одетая публика бросилась громить витрины магазинов с бездей-

ствующей сигнализацией, показывает, как тонка граница между цивилизованностью и варварством в таком обществе.

В этом письме я затрону лишь политический аспект темы: духовная энтропия демократии дает владельцам денег (и подчиненных им средств массовой информации) неограниченную свободу власти. Победив влияние Церкви (играть на материальных инстинктах населения проще, чем побуждать его к духовному росту), эти круги становятся в атомизированном обществе подлинными его правителями (наиболее далеко этот процесс зашел в США). Именно поэтому они ведут борьбу за расширение такой демократии, передовым отрядом которой было масонство (часто открыто антихристианское), утвердившееся у власти в большинстве стран Запада уже в XIX веке (см. масонские энциклопедии).

Православная Россия к началу XX века осталась «белым пятном» на карте этих «сильных мира сего»: прежде всего из-за ощущения своего христианского призвания (русская идея). Поэтому Первая мировая война имела второй план: против этого чужеродного «пятна» объединились разные силы, стремившиеся его освоить — революционеры разных мастей, либералы, сепаратисты, масонство, международное еврейство. Антанта была союзником России лишь в меру своей борьбы против Центральных держав и поддержала Февральскую революцию: неудивительно, что «большинство членов Временного правительства было масонами», — сообщает масонский словарь (Dictionnaire universel de la franc-maçonnerie. Paris. 1974, p. 1166).

Разумеется, никто не виноват в революции больше нас самих: в российском обществе не нашлось здоровых сил, способных противостоять опасности. На *духовном* уровне причина этого несомненна: наши грехи и слепота (в том числе на правом фланге) — поэтому не следует возлагать всю вину на внешних врагов. Но были и эти враги, которые воспользовались нашими грехами, и без анализа катастрофы на этом *политическом* уровне, ее механизм будет непонятен. Понять же его необходимо, ибо аналогичные силы преследуют сходные цели и сегодня, используя борьбу за демократию для расширения сферы собственной власти.

Предательство странами Антанты своей союзницы России — не только в Февральской революции, но и в гражданской войне — было шоком для русской эмиграции. П. Б. Струве писал, что в глазах союзников монархическая «Россия попала как бы в разряд побежденных стран», так как «Мировая

война... имела демократическую идеологию» («Размышления о русской революции». София. 1921, с. 9—10). Но российские демократы у власти не удержались, и еще большим шоком стала западная поддержка пришедшим им на смену большевикам: «торговать можно и с людоедами» (Ллойд-Джордж).

Большевизм, конечно, был не совсем то, что хотели бы видеть в России «сильные мира сего»: он не допустил их прямого господства. Но, с их точки зрения, он был все же полезен, ибо искоренял «реакционные православные традиции». А поскольку его утопия неизбежно должна была прийти к краху, оставалось лишь ждать и до тех пор выкачивать из России то, что удавалось: культурные ценности и природные богатства. (Многие на этом основании делали ложный вывод, что и у большевиков всем руководили «жидомасоны».)

Идеология Второй мировой войны была продолжением идеологии Первой (и ее порождением). Но не случаен тогдашний союз демократий с тоталитарным СССР, и не такими уж слепыми были демократы, когда выдали Сталину миллионы его противников (в том числе тысячи эмигрантов), наивно надеявшихся на помощь Запада в борьбе за свободную национальную Россию. Такая Россия «сильным мира сего» была не нужна.

Лишь когда Советский Союз, вопреки ожиданиям, окреп, когда его идеология использовала «патриотическую арматуру» и в то же время стала влиять в странах Третьего мира, началась «холодная война». Сопротивление коммунистической экспансии на время затмило собою противостояние западных властителей не только коммунизму, но и России. Однако и тогда было заметно, что Запад как в эмиграции, так и в оппозиционном движении в СССР отдавал предпочтение либерально-космополитическим течениям. Русская же национальная оппозиция была терпима лишь как полезный попутчик, тоже ослаблявший противника.

Конечно, на плюралистическом Западе есть разные мнения. Однако важнее преобладающие силы, действующие в океане любых мнений для реализации своих. Вот несколько примеров, как они сами формулируют свои цели.

Третьеэмигрантский советолог А. Янов утверждает, что русская национальная идея «во сто крат опасней советских похождений в Африке», и настойчиво рекомендует западным политикам: «Если за последнее полутысячелетие существовал

момент, когда Западу была жизненно необходима точная, продуманная и мощная стратегия, способная повлиять на исторический выбор России, то этот момент наступил сейчас, в ядерный век, перед лицом ее развертывающегося на наших глазах национального кризиса («Русская идея и 2000-й год». Нью-Йорк, 1988, с.21, 31-32).

Эта стратегия и без советов Янова давно проводится в жизнь: влиятельный политолог Р. Пайпс признает, что Рейган в 1982 г. «подписал секретный политический документ, который определял главное направление политики США по отношению к СССР: подталкивание этой страны в направлении внутренней либерализации («Страна и мир», № 3, 1990, с. 82).

Что здесь понимается под «либерализацией», демонстрирует важнейший пропагандный инструмент США — «Радио Свобода», которое более не скрывает своих целей: расчленить Россию, поставить у власти своих людей, а «русского человека выбить из традиции» и произвести «мутацию русского духа» (объявлено в эфире 7/8. 3. 89 и 3. 12. 89). И президент США считает, что «теперь «Радио Свобода» нужна более, чем когда-либо» (2.4.90) (подробнее об этом я писал в «Литературной России» от 20.10.89 и в «Слове», № 10, 1990).

В связи с крахом тоталитарных режимов американский советолог Ф. Фукуяма заявил, что наступил «конец истории», то есть в мире восторжествовала западная «культура потребления», в которой идеологическое творчество заменяется экономическим расчетом и лучше которой уже ничего нет. Но он замечает: «это, впрочем, не знаменует конца мировых конфликтов как таковых. Водораздел тут будет проходить между исторической и постисторической частями мира. Все еще возможны конфликты между государствами, до сих пор живущими в истории, а равно и между государствами такого типа и остальным миром, уже перешагнувшим эту черту. Можно ожидать, что сохранится (и даже возрастет) уровень этнических и националистических коллизий...» («Страна и мир», № 1, 1990, с. 100). О том, что этот «конец истории» перекликается с другим — с Апокалипсисом — Фукуяма не подозревает.

Война в Ираке дает нам, видимо, первый пример таких возможных конфликтов. Иракский агрессор, разумеется, не может вызывать симпатий. Но не может их вызывать и то, что нападение Ирака на Кувейт было спровоцировано Соединенными Штатами: «у нас нет мнения относительно...

ваших пограничных разногласий с Кувейтом», — заявила Хусейну за неделю до его вторжения «Эйприл Глэпси, посол США в Багдаде, которая послушно проводила политику госдепартамента» и «незадолго до того, как иракские танки двинулись в сторону Кувейта, она отправилась в отпуск... В ЦРУ, конечно же, изучили снимки со спутников, на которых были видны десятки тысяч иракских солдат, сосредоточившихся на кувейтской границе». Интерпретировать это как «провал» усилий США по предотвращению войны можно разве что в «Стране и мире», откуда приведена цитата (№ 2, 1991, с. 34). Наказание же агрессора (без особого различия между диктатором и народом) было проведено в виде пропагандного телешоу вперемежку с коммерческой рекламой: трудно забыть веселый смех американского президента, объявившего в телекамеры о первой бомбардировке Багдада...

В ведущей газете русского еврейства в США все это было названо «превентивной войной» против главного врага Израиля на Ближнем Востоке, которую «активно отстаивало мощное произраильское лобби в Вашингтоне» («Новое русское слово», 11.1.91, с. 3). Но значение этой войны шире: именно в этой связи президент США заговорил об установлении «нового мирового порядка», который «Радио Свобода» (17.3.91) откровенно истолковало как Pax Americana — то есть как мир с американским экономическим и мировоззренческим доминированием; американцы в этой их всемирной миссии были названы «крестоносцами свободы»...

Почти одновременно другая радиопередача (22.3.91) напомнила, что «в основу США... были с самого начала заложены масонские принципы» и что сегодня «Россия более других стран нуждается в масонстве»; нет «иной, чем масонство, структуры, способной обеспечить формирование настоящих граждан; этого не сможет сделать Церковь ...этого не смогут сделать и новые политические партии, которым еще не хватает демократической зрелости». С целью «способствовать распространению масонства в России и отстроить там «масонскую структуру, в Париже в 1991 г. создана специальная русская ложа, призвавшая через «Радио Свобода» устанавливать с ней прямой контакт (адрес: 8, rue Puteau, Paris).

Сегодня, конечно, не обязательно пугаться слова «масоны»! они выполнили свою политическую роль тарана «старого мира» и стали менее агрессивны в том обществе, которое создали. Но, как видим, их система идей сохраняет агрессивность в отношении России. Русская христианская идея

(не допускающая господства «сильных мира сего») не вписывается в их «новый мировой порядок» и наше сопротивление «выбиванию из традиции», вероятно, не обойдется без борьбы. Однако нам важно обратить внимание мировой общественности на следующее: мы не берем на себя миссию навязывать русскую идею Америке; было бы желательно, чтобы и «крестоносцы свободы» не навязывали «американской идеи» России. Чтобы они осознали опасность своей «продуманной и мощной стратегии» с целью «повлиять на исторический выбор России... в ядерный век, перед лицом ее развертывающегося на наших глазах национального кризиса»...

Дело, однако, усложняется тем, что и многие руководители нашей страны строят свои расчеты на «помощи Запада», заискивая перед теми самыми силами, которые ведут борьбу против русского самосознания. «Радио Свобода» нарушает при этом и собственный профессиональный кодекс, и Хельсинкские (1975) и недавние Парижские соглашения (все эти документы запрещают вмешательство извне). Но советские руководители не протестуют.

Возможно, здесь сказывается их духовное родство с «сильными мира сего»: материалистическое понимание прогресса. Именно в этом смысле (а не в политическом) эмигрантские мыслители, как например, В. Н. Ильин, писали о «масонском капитало-коммунизме, через который ныне действует «князь века сего» (Религия революции и гибель культуры. Париж, 1987, с. 7-8). Фукуяма тоже признает: «Судя по публикациям и опыту моих личных контактов, есть все основания утверждать, что окружающие Горбачева либералы тоже пришли к идее конца истории. «Новое политическое мышление» — так именуется эта система взглядов...» («Страна и мир», № 1, 1990, с. 100). Возможно, правы в этом отношении и масоны в названной передаче «Радио Свобода»: «то, к чему сегодня стремится страна, соответствует масонским принципам, поэтому масоны могут помочь в претворении этих принципов в жизнь»...

Дважды в этом году и Б. Н. Ельцин похвалил «Радио Свобода». В этих ли принципах он видит те самые «ценнейшие приобретения человеческой цивилизации»? Этого ли желает большинство россиян — те десятки миллионов, которые отдали за первого президента России свои голоса?

В свете вышесказанного можно оценить и заявление президента Европейского банка реконструкции и развития Ж.

Аттали о том, что банк преследует и «политические цели»: он будет иметь «демократическую доктрину», то есть связывать помощь с требованиями все той же «либерализации» («Радио Свобода», 14.4.91 и 17.4.91).

Таким образом, принимая экономическую помощь от иностранных деньгодателей, необходимо понимать, чего они сами хотят достичь этой помощью. В целом же России целесообразнее сотрудничать на Западе с христианскими силами (хоть они и слабее) и руководствоваться, если вспомнить императрицу Елизавету, мудрым принципом: «От врагов Христовых не желаю интересной прибыли». Иначе при любом несоответствии «демократической доктрине» может повториться ситуация, приведшая к крушению России в 1917 г. — как она видна из приведенной А. Солженицыным стенограммы обсуждения русским правительством еврейского ультиматума (с требованием равноправия для иудаизма) в августе 1916 г.:

«...повсюду на Западе (и от внутренних банков тоже) тотчас были обрезаны кредиты России на ведение войны, недвусмысленно закрыты все источники, без которых Россия не могла воевать и недели. Наиболее ощутительно это сказалось в Соединенных Штатах, ставших банкиром воюющей Европы». Кривошеин предлагал просить международное еврейство об ответных услугах: «окажите воздействие на печать, зависящую от еврейского капитала (это равносильно всей печати), в смысле перемены ее революционного тона... Сазонов: Союзники тоже зависят от еврейского капитала и ответят нам указанием прежде всего примириться с евреями. Щербатов: Мы попали в заколдованный круг. Мы бессильны: деньги в еврейских руках, и без них мы не найдем ни копейки...» (Солженицын А. Собр. соч. Париж, 1984, т. 13, с. 263—267).

Тогдашняя политика «сильных мира сего» привела к власти в России антинациональные круги. Сегодня они могут называться иначе (И. Шафаревич называет их «малым народом»), но смысл их правления будет тот же. Именно «малый народ» в сегодняшней России пользуется поддержкой соответствующих сил Запада — при посредничестве представителей третьей эмиграции. Различие здесь часто лишь в том, что одни эмигрировали и работают в советологических центрах, а другие остались — и от их шума порою кажется, что это снова «равносильно всей печати»... (Через эту призму можно лучше рассмотреть и оборотную сторону такого

«достижения цивилизации», как свободный рынок: по нынешнему курсу рубля любой западный миллионер в состоянии овладеть всеми средствами информации в России.)

...Конечно, любые призывы из-за границы, когда не разделяешь всех тягот своего народа, в чем-то ущербны. Но у меня пока нет иной возможности. Поэтому, на описанном фоне, позволю себе все же обратиться к нашим «левым» и «правым»: оставьте иллюзии, что кто-то на Западе будет относиться к нашей стране лучше, чем мы относимся к ней сами. Всмотритесь лучше в самих себя: сколько в России талантов и, главное, добра в самых израненных душах наших людей. Все это есть на обоих флангах, но их лучшие побуждения, вместо того чтобы слагаться и умножать добро на своей земле, вступают в почти что братоубийстввенный конфликт; и «правые» и «левые» ведут себя так, как будто только они одни в мире и существуют, своим поведением облегчая задачу внешним силам...

Демократам-западникам, при всем их верном отталкивании от тоталитарного наследия, не хватает (по выражению того же Г. Федотова) чувства «хрупкости» России, бережного отношения к больной родине-матери. Их стремление к свободе понятно. Это их неотменимая правда, ибо свобода — огромная ценность и фундамент всех добродетелей. Ведь только свободно (а не принудительно) совершаемое добро становится таковым. Но эйфория «свободы любой ценой» ведет к моральному разоружению перед описанными опасностями. И не только к моральному: характерен антиармейский синдром наших демократов — типичная неспособность мыслить в национально-государственных категориях.

Это черно-белое мышление не дает западникам увидеть и у многих нынешних коммунистов ту искренность, с которой лучше полемизировать в другом стиле — чтобы их переубедить, а не ожесточить. Ведь коммунисты сильно изменились по сравнению и с марксовым «Манифестом», и с «ленинскими нормами». Не был ли недавно и Ельцин одним из их лидеров? Поэтому, перефразируя тезис Бердяева о «правде» и «лжи» коммунизма 1920-х годов, в поведении сегодняшних «коммунистов» тем более можно различать «ложь» и «правду» — говорю это, будучи противником этой идеологии.

Их частичная «правда» — в попытках предотвратить разгул «теневой» мафии и крушение государства, а также в чувствовании того, что в капитализме, при всех его материальных успехах, есть и тот самый духовный «позор» эгоизма, разрушающего мир. Видимо, поэтому за прошлый год в КПСС вступило более 100.000 человек (трудно тут усмотреть карьерные соображения в нынешние времена). Однако при их искреннем стремлении предотвратить хаос, этим «коммунистам» не хватает понимания, что одна лишь голая сила (хоть иногда и необходимая) — бесполезна. Сила становится меньшим злом лишь тогда, когда ее носитель понимает, какие абсолютные ценности он призван оберечь. Необходимо покаяние перед лицом этих высших ценностей и очищение от идеологии, которая все еще не дает народу свободно дышать и работать. Уже одно письмо Ленина о том, как под предлогом борьбы с голодом нужно покончить с Церковью (см. «Наш современник», № 4, 1990, с. 167—169), должно отбить охоту строить будущее на «ленинской диалектике».

Если в начале перестройки марксистская терминология еще имела оправдание (для плавной преемственности реформаторской власти), то сегодня, как показывают выборы, это стало причиной отталкивания народа от правительства. В такой ситуации власть, противостоящая хаосу, должна (и уже имеет возможность) править как таковая, опираясь на национально-государственные интересы и тысячелетние традиции страны. Только в этом случае возможна и юридически безупречная точка отсчета в решении межнациональных споров: законная российская власть до революции 1917 г.; ведь трудно считать законным последующие искусственные границы республик, по которым они теперь стремятся отделиться...

Думаю, многие русские западники способны изменить свои приоритеты, если взглянут на проблемы в общемировом масштабе, а многие коммунисты — изменить мировоззрение, не меняя некоторых политических приоритетов. Для этого и тем и другим хорошо бы понять, что Россия — не одна страна из многих, а особое духовное явление в мире. На этом уровне и те, и другие сейчас — одинаково «левые» От понимающих это почвенников, вступающих в союз с частичной «правдой» нынешних «коммунистов», хочется видеть более решительного влияния на них в этом отношении.

В сегодняшний переходный период Россия нуждается в мудром правительстве, которое сможет отделить «ложь» от «правды» во всех слоях общества и соединить эти «правды». Необходимо и на Западе увидеть его «правду» — христианскую общественность. Она сможет быть нашим подлинным союзником, ибо только Россия в состоянии сегодня поставить перед человечеством важнейшие вопросы, которые скрывают от своих народов «сильные мира сего». (Особое значение я придаю союзу России с Германией: в Первой мировой войне обе страны стали жертвами интриг «прогрессивных» сил, откуда и произошли все последующие беды XX века; на востоке наш союзник — Япония, которая не требует от нас «мутации духа» и желает лишь мирного сосуществования.)

Но никто за нас нашего дела не сделает. И прежде чем заглядывать «за бугор», лучше заглянуть в информационный раздел той же «Литературной России»: по всей стране восстанавливаются храмы, появляются патриотические издания, объединения, возрождаются традиции русского предпринимательства. Парадокс, но так же, как на родине надеются на эмиграцию, вымирающая эмиграция надеется, что, слава Богу, пробуждается сама Россия. Конечно, еще много препятствий, но здоровые силы научно-промышленного комплекса, армии, культуры, Церкви неизмеримо превышают возможности Зарубежья. Только от них и может идти оздоровление, из многих оазисов новой жизни, которые найдут завершение и в новой структуре власти, прорастая через нынешнюю.

Чтобы начать достойно жить, необязательно сразу везде ставить компьютеры последней модели — это потом. Россия богата всем, что нужно для независимого развития, поэтому дело не столько в западных кредитах, сколько в пробуждении собственной воли. Для ее мобилизации необходима национальная идея, и она не может заключаться в подражательстве. Демократия — не идея, а лишь форма, могущая вместить в себя множество идей, оздоровительных (как об этом недавно писал Солженицын). Лучше вообще не оглядываться на демократических «судей», которые, предпочитая не вспоминать о своих предательствах России в XX веке, всегда найдут ярлык для наших лучших побуждений: «шовинизм», «нацизм», «фашизм» (не вдаваясь, впрочем, в значение этих слов)...

Закончу конкретным предложением Конгрессу: поставить вопрос о восстановлении российского флага и герба — двуглавого орла, символизирующего единение наших запад-

ников и почвенников, а также о снятии «пылающих звезд» (см. масонский словарь), все еще оскверняющих кремлевские башни. Не следует исходить из того, что эти символы за три четверти века «притерлись». Пока мы будем равнодушно жить с ними, они будут сильнее нас хотя уже потому, что они знают о себе больше, чем мы о них.

Мюнхен, июль 1991 г.

ПАВЕЛ ПАГАНУЦЦИ

ЧЕМУ ЖЕ ТЫ УЧИШЬ, УЧИТЕЛЬ?

Под таким хитроумным заглавием вышла в «Новом русском слове» статья г-на Марка Поповского, который одним выстрелом думал убить двух зайцев: снять ярлык главного убийцы царской семьи с Якова (Янкеля) Юровского и повесить на поляка Иосифа Уншлихта и затем лишний раз обвинить академика Шафаревича в шовинизме и антисемитизме.

В период повышенного интереса, симпатии и жалости к царской семье, подло убитой под покровом ночи в Екатеринбурге, в подвале дома Ипатьева, автора статьи беспокоят выступления таких безответственных лиц, как Сычов, твердящих, что только евреи повинны в этом преступлении.

Поповский трактует работу «доктора наук, математика с международным именем, специалиста по алгебраической геометрии», Бориса Мойшезона. Этот ученый эмигрировал из СССР в Израиль, а затем покинул страну своих предков и ныне является профессором Колумбийского университета.

Мойшезон, оставив математику, создает довольно примитивный миф о том, что настоящий Юровский, биография и дела которого всем известны, не имел никакого отношения к

преступлению. А главным палачом екатеринбургского злодеяния был якобы польский революционер Иосиф Уншлихт, входивший в состав большевистского руководства и носивший до Октября кличку «Юровский». Скорее всего был он основателем Чрезвычайки. Уншлихт не случайно оказался летом 1918 г. в Екатеринбурге. Этот высокопоставленный большевик возглавлял в то время Коллегию по делам пленных и беженцев. То была весьма ответственная должность. Уншлихт-то и расстрелял царскую семью, вещает г-н Мойшезон.

И вот получается, что Ленин и русские повинны в убийстве царя и его семьи. Поляки ответственны за создание зловещей Чрезвычайки: Дзержинский и Уншлихт, который к тому же оказался главным палачом. Ну, а у остальных руки чисты.!!!

Странным кажется утверждение Мойшезона, что опытнейший следователь Соколов мог проглядеть подмену Уншлихта Юровским. И бывалый судья Сергеев также проглядел? Личность Юровского и его участие в преступлении были выяснены в подробностях, что признает Мойшезон в своем фантастическом труде «Сотворение мифа» (Иерусалим, 1990). В Екатеринбурге была допрошена мать преступника Эстер Моисеевна. В Чите Соколов лично допрашивал братьев Юровского и жену одного из них. Юровский, а не Уншлихт, жил в гостинице «Американская», в № 3. Его признали горничные Пьянкина и Швейкина, о чем и показали на допросе. Зная Юровского раньше, они утверждали, что он был комендантом дома Ипатьева.

Врач наследника, доктор Деревенько, дал показание Соколову о встречах с Юровским у постели больного царевича Алексея.

О деятельности Юровского перед революцией подробно сообщает доктор Белоградский, старший врач больницы, где Юровский работал фельдшером. Белоградский отзывался о нем крайне неодобрительно: «Когда произошла революция, Юровский сразу всплыл на поверхность... Первым делом он начал у нас мутить в лазарете, гнилым мясом кормить больных» Тот же Юровский, как далее показал д-р. Белоградский, стал чекистом, комендантом дома Ипатьева и главным палачом царской семьи.[1]

И наконец капитан Франсис МакКоллаг, в лондонском «Таймсе», о Юровском писал следующее:

«Я ехал из Красноярска в марте 1920 г. в Екатеринбург с техническими специалистами, среди которых не было боль-

шевиков. В Екатеринбурге мне пришлось задержаться на несколько недель. Вращаясь среди местных большевиков, я узнал, что в городе живет Юровский, человек, который убил царя. Я отправился его повидать и нашел его занимающим один из лучших домов города, почти напротив Британского консульства, в 300 шагах от дома, в котором был убит царь. Большевики сделали его инспектором страхового общества на Екатеринбургскую область, и он жил очень комфортабельно, но не думаю, что мог долго прожить. Он страдал сердечной болезнью» (Посидев в концлагере, Юровский умер в 1938 г. от рака.)

МакКоллаг поведал, как он познакомился с дочкой Юровского, с «лицом мадонны», но еще более лютой большевичкой, чем ее отец. Она возглавляла комсомол, куда силой загоняла молодежь города, и вела борьбу против Церкви. Жизнь ничему ее на научила, и она осталась фанатичной большевичкой до наших дней. В статье Поповского помещены три больших фотографии Юровского. На одной следующее объяснение: «Фотография взята из книги П. Пагануцци «Правда об убийстве царской семьи». Эту фотографию я получил из архива Дитерихса. Генерал считал это изображение Юровского самым точным. Статья МакКоллага подтверждает это. Во время пребывания в Екатеринбурге он, вероятно, получил от семьи Юровских несколько фотографий и поместил их в статье. Фотография Юровского идентична моей.

Создавая свою фантастическую версию, Мойшезон совсем забыл про детей Юровского, живых свидетелей того, что «Юровский № 2» (по книге Мойшезона) был начальником расстрельной команды.

Дочка его Римма и теперь, в очень преклонном возрасте, живет на окраине Санкт-Петербурга. А сын Александр, адмирал в отставке, жил в Екатеринбурге, но сравнительно недавно переехал также в Санкт-Петербург, на Охту.

У Александра Юровского сохранилось много мелких документов, подтверждающих, что его отец был настоящим комендантом «дома особого назначения». Он рассказывал про револьвер, которым отец застрелил государя и царевича. Теперь этот револьвер находится в Музее революции, как кровавый трофей.

И наконец еще одно важное обстоятельство, которого г-н Мойшезон не учел. Бежав в панике от наступающих белых, большевики оставили за собой множество улик письменных и вещественных. С красными не ушло подавляющее большин-

ство населения города. Военные власти сразу же приказали составить списки всех лиц, прямым или косвенным образом замешанных в цареубийстве. Этот список вошел в следственное досье. (Его копия находится в моем архиве.) Имени «влиятельного члена партии» Уншлихта под кличкой Юровский в этом списке нет!

Судя по писанию Мойшезона, «Юровский» вроде не был достаточно опытен и влиятелен среди большевиков, чтобы ему доверили такое важное партийное задание, как убийство царской семьи. Между тем Юровский только играл грязную роль первого убийцы, а за его спиной стояли организаторы, вина которых, быть может, была и большей.

Душою во всем этом злодействе был, несомненно, Свердлов, всесильный председатель ВЦИКа. Свердлов имел в ту пору власть, едва ли не большую, чем Ленин. Это подтверждается фотографией торжества открытия мемориальной доски на Красной площади «героям революции» 7 ноября 1918 г. На снимке изображен Свердлов, впереди других, одетый весь в черную кожу. Только в заднем ряду находится Ленин, а позади шесть лиц, неславянского типа (один китаец или кореец). Свердлову и кровавому Гришке Зиновьеву, председатель Екатеринбургского Совдепа Белобородов посылал отчетные телеграммы.

Ленин в Кремле хотя и не проявлял такой инициативы, как Свердлов, но жаждал также царской крови. В Екатеринбурге Юровским руководили Шая Голощекин, Сафаров, Воейков, Белобородов и председатель чека Лукоянов. Голощекин и Сафаров были «партийными кураторами» преступления. Уже за две недели до злодеяния только они имели доступ в «дом особого назначения».

Среди непосредственных исполнителей убийства после Юровского первое место занимал Ермаков, уголовный преступник в прошлом, который еще до Екатеринбургской бойни обагрил свои руки кровью десятков жертв. Этот злодей, единственный, кажется, из цареубийц, закончил жизнь не на плахе, без страданий — умер в 1952 году.

Галерея убийц заканчивается именами преступников, которые сыграли в злодеянии второстепенную роль. Вот их имена: Медведев (Павел), Никулин, Сыромолотов, Чуцкаев, Быков, Дидковский, Ваганов, Сосновский. [2]

Г-н Поповский, пользуясь работой Мойшезона, попытался затушевать правду, но это ему не удалось.

[1]. Следствие захватило несколько писем Юровского, написанных перед бегством «приятелю, зауряд-врачу Архипову. Копию одного мне удалось получить.

[2]. Сосновский — друг и соратник Сафарова по Екатеринбургскому злодеянию. Он был большевистским публицистом и как троцкист уничтожен в мясорубке Кагановича вместе со своим шефом и соратником Сафаровым. В публикациях Сосновский глумился над русской историей (например, в книге «Расея»). В моей работе «Правда об убийстве...» на стр. 125 дана фотография первого екатеринбургского Совдепа. На снимке, кроме Голощекина, Сафарова, Белобородова, Быкова и других большевиков, в самом центре, важно развалившись, сидит Сосновский.

НАПУТСТВИЕ ПИСАТЕЛЯ И. С. ШМЕЛЕВА РУССКОЙ МОЛОДЕЖИ

В небольшом пограничном югославском городе Белая Церковь, после окончания гражданской войны, нашли приют два русских закрытых учебных заведения: Крымский кадетский корпус и девичий Мариинский Донской институт. В 1928 г. выпускники этих школ обратились к известному русскому писателю, представителю «Серебряного века» нашей литературы, Ивану Сергеевичу Шмелеву (1875—1950), проживавшему во Франции, с просьбой напутствовать их, выходящих из русских учебных заведений в чуждый мир, и указать им, как в этих обстоятельствах они могут применить свои силы на служение родине.

Иван Сергеевич, в ответах кадетам и институткам, с отеческой любовью горячо посоветовал им сохранить себя верными сынами и дочерьми России, деятельными и честными, крепкими в деле будущего строительства христианского государства, и бережно хранить духовные ценности и историческую преемственность, завещанную нам нашими предками, творившими веками то, что мы зовем душой нации, которую так преступно искореняют в нашем

отечестве. Велика будет награда, если свеча эта донесет свое пламя до воскресения России.

Печатаем эти письма не только для ознакомления читателей с настроениями русского Зарубежья тех лет, что, бесспорно, представляет исторический интерес, но и как документ, который, думаем, найдет отклик в сердцах нынешней молодежи России, в смятении ищущей свое место в судьбоносных событиях наших дней. Как тогда зарубежная молодежь искала пути служения России, так и теперь русская молодежь «там» без корней, без чувства национальной принадлежности, ищет утерянные в тяжелые годы нашей истории пути к возрождению родного дома. Письма И. С. Шмелева, написанные в 1928 г., звучны и сегодня.

Н. В. К.

ОТВЕТ КАДЕТАМ КРЫМСКОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА (ЮГОСЛАВИЯ)

Милые юные друзья!

Кончая свое обучение в славянском городке, свой Крымский Кадетский Корпус, русский Корпус, вы просите доброго напутствия... Что сказать вам. Жизнь многому научила вас, жизнь без Родины, тоска и боль по Родине, все тяжелое, страшное, что выпало вам на долю, что вы перенесли и несете с честью и мужеством. Вот выходите вы на новые дороги — в высшие ли школы, или — в практическую жизнь, в работу... Первое скажу: готовьтесь быть верными гражданами — сынами России, деятельными и честными, крепкими в творчестве будущего строительства. Россия разорена, опозорена, ославлена, ослаблена, осквернена, растлена. Вы знаете, должны знать, что́ там; и потому вы уже знаете, что ей нужно. Вы знаете наше прошлое. Вы знаете, на нем стоит и строится добрая человеческая жизнь. Знаете и другое: как убивается эта жизнь. Вы должны знать, что лишь силами всего народа, ведомого достойными и сильными, строится и благоденствует, и хранит честь свою всякое христианское государство. Так было и с Россией. И еще вы знаете, видели своими глазами и выстрадали сердцем: народ, ведомый разрушителями, осквернителями

божеских и человеческих законов, падает и духовно умирает, а добытое веками, чудесное, обращается в пыль и грязь.

Вам выпадает на долю заново строить, воссоздавать и охранять Россию, истинную, свою, великую Россию. Снова как будто приходится начинать русскую историю. Значит, прежде всего надо быть сильными, надо быть государственными, национальными, иметь верную цель, иметь идеалы совершенства, хранить в душе и в уме тот Лик, ту святую Россию, какою хотите ее видеть, какою носили ее в сердцах лучшие из ее сынов — гении ее, о которых вам говорит священная наша летопись. Ваша школа, конечно, вложила в ваши юные души, показала вам этот былой, чудесный, ныне столь искаженный Лик. Вы должны оживить его, воссоздать: раскрывать, обновлять, охранять. Вы — мужчины, вы — русские, с великою кровью предков, создавших Великую Россию из пустыря, раскинутого на четверть мира. И вот выпадает вам быть воинами-строителями, как встарь. От всего сердца желаю вам крепости духа и тела, выработки характера, непреклонного, деятельного, уверенного, настойчивого, несокрушимого. Прежняя русская интеллигенция — это мы уже знаем и по творениям лучших наших писателей, и по истории общественности русской, и по разгрому России, знала Россию мало, искала вождей в чужом, — и довела Россию, помогла довести Россию до провала, не сумела себя использовать для России, при всех дарованиях своих, при всех чудесно благоприятных средствах великого народа. Выковывайте себя в российских граждан, в стальных мужей. Перед глазами у вас много примеров достойнейших, много таких испытанных, кого возьмете в пример, — белая армия России с ее вождями, погибшие доблестно герои, великие духом мужи, как, например, мученик, великий гражданин России князь Павел Долгоруков! И еще второе, важнейшее, помните: узнавайте и научайтесь любить душу народа нашего, узнавайте, ищите ее и в его истории, и в изображениях ее — подлинной, русской души народной, в творениях наших писателей великих! Узнавайте народ, его достоинства и его слабости: с ним вам придется работать, воссоздавать Россию.

Между русской общественностью и очень часто между русской властью и народом не было духовной связи, не было национальной спайки, и потому героическое дело лучших и деятельнейших сынов России в минуту смертельной опасности, дело спасения, дело героев, жертвовавших собою безоглядно, не дало видимого плода, не отвоевало России от

ложных вождей, от исчадий ада. Обманутый, увлеченный посулами, сбитый с толку народ, не познавший общего своего, национального, не помог истинным сынам России, лучшим из своих братьев, и понес — и не по своей вине! — страшнейшую из страшнейших кару: вы знаете, в каких тисках, в каком разорении и угнетении, в какой грязи и в каком бесчестии теперь наш народ, ненавидящий самозванных правителей — насильников из неведомого ему, таинственного Третьего Интернационала! И потому говорю вам от сердца — учитесь быть близкими народу, учитесь с народом быть и делать, когда наступит пора; полюбите его — вы из него же вышли, — поймите его темноту, его тоску и стыд; да, он в тоске и стыде, только не говорим об этом! — не вменяйте ему страданий ваших, страданий за Россию: он невиновен, русский народ, трудовой народ, в бесчестии России. Он безответствен. И еще помните: он — великая сила, он — страшная сила, которая все может! Если коммунисты, большей частью чужие ему по крови, посулами и ложью и разжиганием ненависти так долго его водили и держали в ярме, и он волей-неволей помогал им, то что же будет, если вы, кровные его, будущие его водители, — а вы получаете это право, вы, молодое поколение, ибо явитесь перед ним своими, образованными, культурными, братьями, — что же будет, если, поняв свой народ и сумев раскрыть в нем чувства познания своей Родины, своей России, — а оно уже рвется из него тоскою и стыдом! — что будет, какой взрыв энергии творящей, величайших подспудных духовных сил объявится в народе нашем!

Вспомним нашу историю, те черные годы, когда находя вождей достойных, народ наш делал свою историю, сбивал пришельцев-насильников, заполнял и живил пространства, подымал испепеленную Россию из праха в блеск! Вам предстоит великая, чудеснейшая работа: поднять, сотворить Россию! Наш народ — великий народ! Это — в его истории. В народе нашем силы несокрушимые. Глядите: жива Россия! Народ без вождей, в ярме — и он отстоял свое, инстинктом своим, духом своим отстоял самое главное, без чего он не смог бы жить: Бога! Народ отстоял Церковь. Народ отстаивает и свое другое: землю! Жив русский крестьянин, как ни низводили его, как ни обирают его, как ни губили голодом, как ни старались ввести в ярмо и обратить в скотину. Народ-земледелец — на земле, со своим укладом, со своим бытом, со своим правом, неписанным, со своим русским духом, со

своими святынями, со своими небесными вождями, с Сергием и Николой, с Царицей Небесной, с Ильей-Пророком, со своей совестью, со своим покаянием, со своей чистотой в грязи, со своей верой в Россию, в бессмертную, вечную Россию — жив! Он, крестьянин, мужик, он один — весь, как один, — сохранил внутренний, скрытый от злых, нетленный, священный Лик, не зная даже о нем, но чуя его, нося его в себе! Глядите: подспудно жива Россия! Разъедающий коммунизм его лишь оцарапал, великана. Народ заживит царапины. Для него, ибо он смотрит в века и время считает по-своему, по вечной земле своей, для него все это — только царапины. Он не знает былого, он слишком богат внутри, и потому нами видимое, нами оплакиваемое, для него, считающего на крупные, — это все страшное — лишь царапины. По нем равняться приходится, его психологию брать за мерку и не падать духом! С ним строить, с ним верить надо! Зачинать, не страшась, артелью, всенародно, с Богом! И он покажет себя, он горы сдвинет, он тот же, двухсотмиллионный, будет, он все воздвигнет, и воскресит, и подарит, воротит России гениев! Вы сами это увидите, верю я. Вы увидите: сбросит ярмо народ и быстро залечит язвы. И вот вам-то тогда придется стать первой культурной сменой, бок о бок с талантливейшими, с сильнейшими из него, из целого народа, с достойнейшими из его сынов, с вашими братьями по крови, быть может, даже с былыми грешниками, придется быть признанными его водителями. Народ бросится к тем, пойдет крепко за теми, которые покажут ему чудеснейшее познание своей светлой, живой России, чуемый Лик Ее. С теми пойдет он, кто возьмет в полон его душу, разбудит в нем народную его гордость, сознание своей, русской, национальной мощи, кто великую потребность его утолит — оправдаться же, наконец, перед целым светом, показать себя! Наш народ горд, он может быть свято гордым, достойно гордым! Нашему народу все доступно, до самых тончайших чувств, лишь бы его раскрыть! Таким знают народ, чуют народ, таким показали нам его величайшие наши писатели. Россия догонит мир! С таким народом догонит и обгонит. И вам придется участвовать в этом славном, в этом чудесном беге на силу, на ловкость, на правду, на геройство, на высокое, русское, на гражданство, на достойнейшее, оправданное историей место в мире, великодержавно!

Вы идете учиться дальше? Идите радостно и вольно, идите с верой — великое дело ждет вас: Россию ставить,

Россию вести, Россию охранять с боем! А с таким народом, как наш, — вы это знаете от боевых отцов ваших, вы это знаете от светлых страниц истории, — с таким народом можно творить чудеса. И будут чудеса. И вы будете участвовать в чудесах этих. И будете сами творить чудеса эти со всем народом, в братстве-отцовстве с ним. Вы своими познаниями, опытом страданий, чуткостью душевной, добытой муками, вы сумеете отворить подпочвенные силы и дать им ход. И будет прекрасная, сильная, крепкая, чистая Россия!

Рассеянные по чужим народам — смотрите! — наша нищая молодежь и сейчас творит чудеса! Тысячи кончили университеты, техникумы, военные школы, работают руками и мозгом, выковывают волю, познают всякие народы и могут посравнить и сделать выводы. Приобретают важные навыки. Новому поколению нашему, вам, друзья мои, суждено быть бывалым, необычайным, по мировому опыту, поколением России. Ни один народ, имеющий государственность, не имеет такого опыта, такой судьбы. С таким поколением, которое живым выйдет из гноя и тлена коммунизма, которое прошло все страны и народы и не погнулось, не потеряло человеческого лика и русского духа, которое крепко волей, которое стальное, — с таким поколением Россия явится именно той «птицей-тройкой», которая умчится не в неизвестное куда-то, а по верно проложенной дороге. И будут «в священном трепете» взирать на нее народы — по слову провидца Гоголя. «Русь, куда мчишься?» Знает она — куда. Будет знать. К Солнцу! К Солнцу Правды всечеловеческой, ибо уже познает она свое, отстоит, впитает; и не страшным, а благодатным для нее станет — всечеловеческое!

Приветствую вас, юные, крепкие, сироты без Родины — сироты пока, до срока, до близкого срока... не склонившихся под напором бед, а твердо идущих дальше! Идите с Богом. Россия будет! Вы для нее живете, для нее страдали, и ее вы получите в награду и в работу, воссоздадите, укрепите и сумеете защитить, вы добрая, сильная, славная наша молодежь!

Севр, 21 мая (3 июня) 1928 г.

ОТВЕТ ИНСТИТУТКАМ МАРИИНСКОГО ДОНСКОГО ИНСТИТУТА (ЮГОСЛАВИЯ)

Славные русские девушки!

Ваше обращение ко мне за добрым словом напутствия и смутило, и обрадовало меня. Я не смею считать себя «духовным вождем», я только русский писатель и отвечу вам, как ответил бы друзьям-читателям, сердечно мне близким, искренне отвечу. Обрадовало же потому, что почувствовалась мне в вашем письме душевная потребность вдумчиво относиться к жизни, как бы перекреститься, в нее вступая. Эта серьезность на заре жизни — следствие пережитого, нашего русского страдания. Страдание углубляет, умудряет. И в том уже залог будущих нравственных побед. Это уже и теперь — победа.

Были времена — и были у русской молодежи «мучительные вопросы» и запросы, идеалы, искания. Русская душа — жаждущая душа, ищущая дела, подвига, душа стремительная и страстная. Русская молодежь всегда была неспокойна духом, пытлива, идеалистична, порывиста, неудержима в исканиях лучшего для всех. Выбирала себе «вождей» и, увлеченная, шла за ними порой безоглядно. Это было тогда, когда была сильная Россия, богатевшая и материально, и духовно, счастливая, что бы там ни говорили, вся счастливая, имевшая налицо все данные для блага всего народа, имевшая все возможности в путях духовного и культурного роста своего явиться примером для всех народов. И она осуществляла эти возможности. Это предрекали ей великие наши духовидцы. Теперь это прошлое становится уже очевидным. Но наряду с верными водителями влияли и водители ложные, куда-то за Россию, поверх России, задававшиеся целями наднациональными, увлекавшие «великими» горизонтами и прельстившие многих, проглядевших негромкое, но великое дело «для сего», не меньшее блеском молний далеких горизонтов, — дело укрепления и создания нации, своей нации, еще не сознавшей и поэтому не готовой на «мировое дело». И вот чудеснейшие, идеальнейшие свойства парящей русской души, кипевшие в русской даже мало-мальски культурной молодежи, совершенно не постигавшей огромного целого, — народа великого, неокультуренного ядра, — способствовали невольно великому разгрому, разорению, разложе-

нию, растлению России, временному омертвлению ее, утрат ее для многих, ее даже и не узнавших.

И вот новая русская молодежь... и снова ищет! Как же не радоваться, что вы, юная, новая поросль русская, после таких испытаний, таких блужданий по чужим мировым дорогам, после стольких утрат, после таких ударов по вашим юным, по вашим нежным и неокрепшим душам, какие не выпадали на долю никакого из других народов нашей истории, — вы живы духом, вы всматриваетесь пытливо в жизнь, не отвергайте ее, так незаслуженно, неповинно вас побивавшую; что хотите вступить в нее так благоговейно, хотите понять ответственность и назначение свое в ней, верите в нее, уповаете, что она примет вас и назначит дело, которое вы выполните свято. Это скрыто в вашем письме ко мне, но выговорено это в одном вашем простом, но чудесном слове — «напутствие»!

В добрый путь, милые русские девушки... в добрый и светлый путь! Я знаю, знаю, что копите вы в себе смелую волю к жизни. Я верю, что первою вашей думой о жизни, вам открывающейся, самой глубокой и затаенной думой, душой, целью, является вам родное, русское, мысль о незнаемой родине, о незнаемой чувствами внешними, но чуемой-знаемой душою, о возвратимой России, нашей, истинной, заложенной в нас от предков, святой и чистой, омывающей от грехов России! И потому-то вы, на пороге ли высшей школы или жизни самостоятельной, трудной от бесприютья, наученные страданиями, ищете доброго напутствия и совета. Идите, благословясь. Я слышу в ваших простых словах голос исканий. Не угас русский святой огонь, русский духовный пыл, стремление к истинному и доброму. Нерусские девушки не спрашивают об этом. Им не нужно «благословения» и «слова»: накатанные у них дорожки, привычные. А вы... вы, русские бездорожницы, вышли искать Россию. Град Китеж, потонувший! Идите смело — и найдете. Я тоже ищу ее, и верю в нее, и верю, что найду ее: я ищу ее в образах и думах. Быть может, такой и найду ее, бесплотной... но вы найдете и осязаемую! Вы, юные, найдете. Вы только пустились в путь. Я чувствую ваши живые души. В ваших глазах надежда: Россия будет, мы жить будем, по-нашему жить будем, у себя жить будем, в России жить и творить будем! В вас силы молодые, пытливые, но кругом столько путей неясных, предрассветных! И вы правы, вы чутко правы, прося напутствия. Вы — религиозны, вы — кровь отцов:

молились они перед походом. И вы в походе. И я хочу вам сказать: идите и помните, что мы сильны! Помните непрестанно, что мы от великого народа, что мы чудесны и нашей историей, уделившей нам миссию охранять культуру, что мы велики великим страданием нашим и великой победой нашей — всем тем чудесным, что русский гений давал, дает и будет давать миру! Только теперь начинаем мы познавать себя. Только теперь начинаем чувствовать этот мир, начинает приоткрываться чудеснейший лик России. Лишенные родины, мы все несем ее. Бога во имя ее несем. Наше искусство, проявление божеского в человеке, в славе идет по свету. Наши идеи, наше богопознание и богоискание, наше «святое беспокойство» за мир и человека волнуют чутких во всех народах. Мы же — философы мировые, мы — бродило. Наша наука, лишенная даже почвы родины, может гордиться родными именами. Наши муки служат великой сдержкой человеческому безумию, примером небывалым. Мы пали, но мы восстанем! Мы мучаемся, но мы — творим. Мы, невольные постояльцы мира, учим! В рассеянии мы готовим смену — вас, чудесная наша молодежь, сильных в лишениях, знающих все дороги-бездорожья, но чувствующих, жаждущих создать новую Россию, мы уже видим ее в мечтах.

Эти мечты и воля превратить их в живое в вас есть. Ждете напутствия? Все, что могу вам сказать, в вас есть! Вы любите Россию, русские девушки, вы ее носите в себе. Вы, столько пережившие, муками освященные, вы — чистые, вы — святые! И святое несете в сердце. Многие из вас потеряли и растеряли отцов, матерей, братьев... мученицы из вас многие-многие, и все — сироты, без родины. Но вы верите, что Россия есть, что она будет ваша. Ваше сиротство кончится. Такое, что выпало нам на долю, не может пройти бесследно. Такое будет возмерено такой же безмерной мерой, таинственный закон жизни — грядущей радостью. И это будет. И вы это увидите. Пусть эта вера напутствует вас всегда. Готовьте себя России. Как готовить? Вы это знаете, должны знать.

Великое выпадает на долю вам. Россия осквернена до сердца. Вы, русские девушки, станете русскими женщинами. Вам предстоит великое: создавать новую, чистую, русскую семью, обновлять, очищать от скверны родной народ. Вы понесете народу Бога, понесете в жизнь правду, все то ценнейшее, чем возвеличена русская женщина: выполнение долга, самоотверженность, милосердие, чистоту, духовность,

кротость, готовность к подвигу, верность и глубину любви... Теперь, когда Россия осквернена до сердца, когда все обесчещено, растлено, ваша великая миссия — нести чистоту, утверждать нравственность, дать здоровое поколение, воспитать его, научить жизни в Боге. От вас, чистых, охраненных от скверны, чем там заражены миллионы подобных вам русских девушек, плененных, духовно ослепленных, от вас зависит величайшее дело духовного возрождения нового поколения России. С Богом в душе, с Церковью, с верой, с памятью о загубленном чудесном, чистом. Вы будете стойки, вы будете свято-горды: вам, русские зарубежные девушки, а с вами вместе и тем, кто сохранил себя там, — великое вам наречено. Как и что делать — подскажет вам ум и сердце. Чтобы лечить — надо знать. Думайте о России, знайте о ней. Познавайте ее, бывшую, незапятнанную. Познавайте смрадную: на гноище ее. Набирайтесь знаний, готовьте себя здесь к работе там: школьной, ученой, воспитательной, духовной, просветительской, проповеднической, лечебной, всякой, какая кому по склонностям, по силам. Но прежде всего: живую, человеческую душу в себе храните, чтобы творить с любовью. Вашему поколению выпадет великая работа — освящать, очищать Россию. Мужчине — строить, вам — освящать. Не отдых, а непрестанный труд. Искупление будет продолжаться: слишком грехи велики. Слишком много утрачено ценнейшего, слишком много осквернено. И верьте: ваши усилия, — если хотим России, — могут произвести величайший духовный взрыв творящей энергии народа. И Россия, показавшая миру великую бездну падения, покажет чудо великого возрождения, величайших высот духовных. Россия это может! Это чудо будет наградой вам! Верьте — и это будет. Верьте и делайте! И вы увидите это чудо. Это будет, это может быть счастьем и целью вашего поколения. Это чудо будет оправданием России. И да благословит вас Бог!

Севр, 20 мая (2 июня) 1928 г. **Иван Шмелев**

ВЛАДИМИР БОДИСКО

ЧЕРНОЕ ЗОЛОТО

Сижу за письменным столом, а из соседней гостиной доносится голос диктора, передающего по телевидению последние новости о войне на Аравийском полуострове. Когда я допишу эту статью, война, даст Бог, уже кончится. А когда статья появится на страницах нашего журнала, если наш взыскательный редактор почтет ее заслуживающей такой чести, война эта останется лишь неприятным воспоминанием.

Иди в огонь за честь отчизны,
За убежденье, за любовь,
Иди и гибни безупречно,
Умрешь не даром: дело вечно,
Когда под ним струится кровь.

Так писал еще в прошлом веке Некрасов. Так думал и я в дни моей молодости. А вот писательница Вики Баум с этим не согласна.

Я люблю ее книги и сейчас с удовольствием перечитываю роман «Марион». Австриячка, потом американка, писала она о тех далеких, уже канувших в Лету временах, когда были империи, когда понятия о чести и долге были бесспорны и обязательны для каждого, заслуживающего уважения человека. Умела она рассказать о Вене, о чаяниях, стараниях и судьбах тогдашней молодежи, той самой, что стояла на грани между нами и нашими отцами. Это она напомнила нам о престарелом австрийском императоре Франце Иосифе, открывшем двери квартиры своей последней подруги, Катерины Шратт, позвонившему почтальону, будучи облаченным в шлафрок и со стоптанными шлепанцами на ногах. Почтальон настолько оробел, увидев известные всему миру лысину и бакенбарды, что взял под козырек и запел австрийский гимн.

Вики Баум писала о начинающих балеринах, артистках, певицах. Всегда о женщинах. Мужчины в ее романах лишь придаток, необходимый ее героиням, чтобы было в кого влюбляться, о ком страдать, от кого зависеть. Любви в ее романах много и вовсе не платонической. Но писала она о ней сдержанно, без излишних подробностей. Книги ее начинались с начала и кончались концом, не в пример тем,

что зачастую пишут современные писатели. Ее романы мне кажутся звучанием скрипок, поющих венский вальс на фоне бренчания современных электронных гитар. Она несомненно «дамская» писательница, но серьезная, вдумчивая, разносторонняя, вовсе не схожая с нашими Нагродской или Бебутовой.

Вот что она писала о Первой мировой войне, относя это ко всем войнам.

«Война — это грязное дело, начинаемое из грязных побуждений. Ни громкие слова, ни победные реляции не могут меня убедить в противном. Ни один солдат не отдаст свою жизнь для завоевания или обеспечения рынка для национальной продукции. Ни весь рис Китая, ни вся резина Индии, ни все железо Швеции, а тем более никакие доходы, которые могут извлечь из войны отдельные ловкие личности, не побудят солдат рисковать своей жизнью. Солдатам нужно знамя, нужна какая-нибудь высокая цель, за которую сто́ит сражаться и умереть. Это может быть «место под солнцем», немецкий «лебенсраум», защита отечества от врага, защита своих детей, свобода, независимость, установленный в стране порядок, все эти громкие и возвышенные слова, за которыми скрыты истинные причины и цели войны. О, как великолепно, как наивно, как патетично человечество! Ни одна война не начинается во имя истинных целей, которые она преследует. Все войны начинаются под звуки помпезных патриотических слов, которые потом оказываются ложью. Я не знаю, кто выигрывает от войн и даже от одержанных побед, но я знаю, что все солдаты, все население в обеих воюющих странах от всех войн страдают, все войны в конце концов народ проигрывает».

С Вики Баум можно согласиться или нет, но отрицать, что в ее словах есть значительная доля истины — нельзя.

Теперешняя война на Аравийском полуострове ведется за нефть.

Что же такое эта нефть? Нефть — это петролей или каменное масло. Лежит она пластами глубоко под поверхностью земли, главным образом на равнинах, никогда в горных областях. Есть несколько теорий образования нефти. Самой обоснованной мне кажется та, которая утверждает, что основной материей для образования нефти были огромные пространства, покрытые какой-то неизвестной нам растительностью, в которой имелся и животный мир, в очень отдаленные эпохи — сотни тысяч или даже миллионы лет

тому назад. Потом произошел некий мировой катаклизм. Огромные массы земли сдвинулись, наползли друг на друга и похоронили под собой все живое, и флору и фауну. Создалась невероятно высокая температура и давление лежавших сверху пластов, что и вызвало медленное превращение органических веществ в нефть. Катаклизм захватил и большие пространства, сейчас покрытые морями. Сгнить погребенные органические вещества не могли, так как к ним не было доступа воздуха.

Теория эта весьма гипотетична, но она мне кажется все же лучше других. Ученые не пытаются доказать или опровергнуть ее лабораторным способом, хотя теперь уже можно достигнуть искусственным путем температуры и давления, схожих с теми доисторическими временами. Но нам неизвестно, какая именно флора и фауна превращалась в нефть и как долго этот гипотетический процесс длился.

Кто назвал впервые нефть «черным золотом», я не знаю. Но еще в двадцатых годах под этим названием появился роман Брешко-Брешковского, писателя, давно забытого. В центре романа была нефть.

За разработку нефтяных источников принялись еще в конце прошлого века американцы. Нефтяная лихорадка началась в Техасе, а потом перекинулась и на другие штаты. Среди других стран, одной из первых была Россия, где была найдена нефть в районе Баку на Каспийском море. Это к ней рвался Гитлер в дни Второй мировой войны, чтобы обеспечить свои войска — транспорт, танки и авиацию — горючим. Кавказская нефть была столь заманчивой во все времена, что уже в эмиграции Терскому войсковому атаману, генералу Вдовенко, и его сотрудникам удалось продать право на использование нефтяных залежей в районе Моздока доверчивым англичанам. Знаю об этом от казака-терца, кадета-крымца, окончившего Пражский университет на стипендию, получаемую от атамана из сумм, уплаченных англичанами.

В Венесуэле, где я проживаю, нефть была найдена в самом начале века, но использовалась сравнительно мало. Тогдашний диктатор, генерал Гомес, почувствовав возможность хорошего заработка, начал раздавать концессии иностранным компаниям, и тем самым в корне подорвал основной источник доходов большинства населения — земледелие. Нефтяные компании, американские «Эссо-Карибе», «Тексако» и другие и европейская (англо-голландская)

«Шелл», получившие концессии, чтобы привлечь рабочих в отдаленные области, где нефть была найдена, платили высокие ставки; земледельцы бросали свои участки и превращались в пролетариев. Компании платили единовременно за концессии, а потом ежегодно на них насчитывался налог за вывоз нефти. Деньги потекли могучей струей.

В то время в Венесуэле было всего около пяти миллионов жителей. Денег хватало на ввоз всего нужного из-за границы. Домашняя промышленность, кроме той, что обслуживала нефтяные компании, никого не заботила. Но вскоре выяснилось, что компании Венесуэлу грабили, платя центы за то, что в Америке стоило полновесные доллары.

И все же денег было много. Развилась так называемая коррупция, а по-русски просто кража. Из государственной казны тянул к себе в карман всякий, кто к ней имел доступ. Начали строиться многоэтажные здания, на море появились парусные и моторные яхты, автомобили начали запруживать улицы. Был, правда, один перерыв десятилетней продолжительности, когда страной, изъятой из рук «демократов», правил новый диктатор. Но его свергли, снова выплыли на поверхность политические партии и «вернулся ветер на круги своя». Диктатор оставил в казне два миллиарда долларов, а за последние тридцать лет Венесуэла умудрилась наделать долгов на тридцать восемь миллиардов. Крали и при диктаторе, но только те, кому он это позволял или делал вид, что не замечает. При «демократии» крадут все, от министра до привратника, а когда кого-то на этом ловят, остальные «политики», независимо от партийной принадлежности, скопом бросаются его спасать. «Тигры не едят тигров», — говорит тут народ.

Еще при втором диктаторе стало ясно, что нефтяные компании Венесуэлу обжуливают. Начались разговоры о необходимости «национализировать» нефть, т. е. расстаться с компаниями, и взять ее в государственные руки. Вопрос был в том, что компаниям нужно было уплатить за их капиталовложения. С этого и началось нарастание государственного долга Венесуэлы. Все же нефть была национализирована.

Французский экономист Серван-Шрейбер лет двадцать тому назад издал книгу, которую назвал «Американский вызов». Годы опровергли предсказания этого господина — Америка не взяла Европу в экономический плен, скорее наоборот, но в этой книге была мысль вполне обоснованная.

Серван-Шрейбер говорил, что национализировать такие большие индустрии, как нефтяную, не имеет смысла. Государство получает здания, оборудование, машины, налаженную систему, но все это быстро устаревает и нуждается в замене, особенно принимая во внимание то, что технология идет огромными шагами вперед, что налажен научно-исследовательский аппарат, что идеи, уже разрабатываемые в компаниях, национализировать нельзя.

Это вполне оправдалось в Венесуэле. Государство скоро поняло, что рвать отношения с компаниями опасно. Получилось, что Венесуэла освободилась от материальной зависимости от заграницы, но осталась ее верноподданной в технологическом отношении. Национализация нефти дала возможность Венесуэле пользоваться теми огромными прибылями, что раньше опускали в свой карман иностранные компании, но одновременно поставила страну перед большим препятствием. Раньше нефть продавали компании, и заботы о рынках не было. Теперь стране пришлось искать покупателей, а их все меньше и меньше. Нефть обнаружили в Мексике, Эквадоре, Колумбии, Немецком море, на Аравийском полуострове. Началась конкуренция, цены покатились вниз. Потом арабы, поняв, что в их руках мощное оружие против высокоразвитых стран, объявили нефть «политическим» ресурсом, подняли цены, что заставило Америку и Европу искать замену нефти. Америка продолжала покупать нефть в большом количестве и начала заполнять ею заброшенные шахты, чтобы обеспечить себя от зависимости. Когда же этот «стратегический» запас был заполнен, то цены снова покатились вниз.

Стало ясно, что без единения нефтяных стран их интересы всегда будут на прицеле у стран-покупателей, что большая рыба легко заглатывает мелкую. Так была создана «Организация Стран, Экспортирующих Петролей», в английском сокращении ОПЕК, в испанском — ОПЕП. В этой организации были взлеты и падения. Главная ее цель — регулировать продукцию нефти и тем поддерживать цены на желательном уровне, не слишком низком, что убыточно, и не слишком высоком, чтобы покупатели не начали поиски иного энергетического сырья. Худо ли, хорошо ли, но ОПЕК-ОПЕП действовал.

В чем же ценность нефти? Почему она «черное золото»? В конце прошлого и начале нашего века добыча нефти совпала с развитием автомобильной промышленности. Немец

Отто изобрел уже давно мотор внутреннего сгорания (Отто-мотор), другой немец, Дизель, разрабатывал уже двигатель, который мог бы работать на полуочищенной нефти. Сейчас самолетам, автомобилям, мотоциклам нужен газолин, а грузовики, автобусы, локомотивы ходят на той весьма дымящей жидкости, что здесь называется гас-ойль, а в Америке, если не врет словарь, — фьюл-ойл.

Сырая нефть — это густая, жирная, черная жидкость, в которой, помимо горючего, растворены еще многие побочные продукты минерального происхождения. Легкая нефть, дающая наибольший процент газолина и сравнительно легко очищаемая от примесей, ценится много выше тяжелой, в которой «мусора» больше. Все побочные продукты нефти используются. Но очищать от них нефть сложнее и дороже.

До Первой мировой войны нефть расходовалась весьма экономно. Бензин для малочисленных автомобилей, керосин для обогрева, смазочные масла. Поезда и пароходы ходили на угле, им же топили домовые печи, при его помощи добывали электричество. Между двумя войнами наука широко шагнула вперед. Паровозы превратились в современные локомотивы, пароходы — в теплоходы, автомобили и автобусы стали основным видом транспорта, железо, алюминий, медь начали выплавлять газолиновыми форсунками. Дальше — больше: додумались до искусственного каучука из нефти. А после Второй мировой войны химики открыли возможности превращать нефть почти во что угодно, используя ее полиморфизм, т. е. способность принимать различные формы, не теряя своей природы.

Сейчас мы пьем воду из пластиковых стаканов, которые сразу выбрасываем, носим покупки в пластиковых мешках, в наших автомобилях многие металлические части теперь фабрикуются из эбонита. Из него же можно получить небьющуюся посуду, сиденья для стульев и разную мебель. Даже одеваемся мы в производные от нефти нейлоны, пролоны, полиестеры. У нас синтетические ковры, зубные щетки, удобрения для посевов, водопроводные трубы. Мы так свыклись с повсеместным употреблением производных нефти, что отнимите их у нас, и мы почувствуем себя отброшенными в прошлый век.

Самое же главное то, что нефть НЕВОЗОБНОВИМОЕ природное богатство, что наше расточительство в отношении нефти — это обкрадывание наших потомков. Уже есть районы, ранее считавшиеся нефтеносными, где всю нефть уже

выкачали, где приходится нагнетать в ее залежи пар, чтобы извлечь последние остатки. Знаменитая румынская нефть из района Плоэшти уже на исходе. Румыния из страны, экспортировавшей нефть, превращается в ее закупщика у Советского Союза. Близок к истощению бакинский район на Кавказе. У нас в Венесуэле основные залежи на западе страны и в Маракаибском озере почти истощены. Наше спасение в огромных запасах тяжелой нефти по реке Ориноко.

Главный закупщик нашей нефти — Соединенные Штаты. Почему? Разве не хватает свой? Обыкновенному человеку получить точные сведения о богатстве и расходовании нефти почти невозможно. С одной стороны она «стратегическое сырье», и правительство бережет свои тайны. Но и компании, торгующие нефтью, национальной или привозной, старательно избегают говорить о своих делах. Судя по скудным долетающим сведениям, причина того, что Америка ввозит нефть, лежит в ее дальновидности. Нефти там хватает, и с избытком, но израсходовать ее и попасть в полную зависимость от других стран, как это происходит сейчас с Германией, Францией, Италией и Японией, дальнозоркие американцы избегают.

В политике, увы, национальные интересы зачастую приносятся в жертву наживе. Всякому ясно, что естественными союзниками и поставщиками нефти для Соединенных Штатов должны были бы быть Мексика, имеющая общую границу, и Венесуэла, отделенная лишь Карибским морем. И все же главными поставщиками нефти для Америки являются страны Аравийского полуострова, чья нефть настолько была дешевле, что ее стоило провозить через Суэцкий канал, Средиземное море и Атлантический океан. Это началось давно, еще до организации ОПЕКа-ОПЕПа, но длится и сейчас, ибо ОПЕК-ОПЕП не может выносить решений, идущих против интересов своих членов.

Я уже дописываю статью, а война все еще длится. Союзники бомбардируют Ирак с воздуха, Хуссейн говорит, что он непобедим, хотя и соглашается на план мира, предложенный Горбачевым, вероятно, со свойственным тому двурушничеством. Чем это кончится, поживем увидим. Но для стран, торгующих нефтью, кончится, безусловно, плохо. Паны дерутся, а у хлопцев чубы летят. В победу Хуссейна уже не верит никто. Победят союзники, но лишь тогда, когда их солдаты дойдут до Багдада. А что будет потом? Вся

нефть окажется в руках Америки и ее союзников. Это они будут устанавливать цены, и цены эти для стран экспортеров окажутся нищенскими, по примеру тех времен, когда нефть еще не была национализирована. Будут произносить хорошие слова, странам-экспортерам позволят пищать в Объединенных Нациях и на мировых сборищах, а цены скатятся до минимума, если даже правительство Соединенных Штатов тому будет противиться, ибо цены устанавливают не государства, а предприятия, торгующие нефтью. Придется, вероятно, вспомнить и другую поговорку: «Милует царь, да не милует псарь».

Меня уже упрекали в излишнем венесуэльском патриотизме. Упрек несправедлив. Я признателен стране, в которой живу, за *долгие* сорок с чем-то лет благополучного тут пребывания. Но это не значит, что я стал местным патриотом. Если я в этой статье много говорил о Венесуэле, то почти все сказанное я бы мог отнести и к нашей родине — России. Советский Союз по экспорту нефти стоит сразу же за странами Аравийского полуострова. В бюджете Союза нефть играет огромную роль, как главный источник притока валюты, на которую приходится покупать все, начиная с хлеба. До освобождения «сателлитов» от коммунистического ига, Советский Союз их снабжал нефтью по ценам, которые сам устанавливал. Теперь это стало невозможным и расчеты придется производить по ценам, которые установит мировой рынок. Другой же источник притока валюты — торговля оружием, по-видимому, иссяк.

Если я опасаюсь за будущее Венесуэлы, то в значительно большей степени боюсь за Россию, стоящую сейчас на историческом перепутьи. Нефтяная проблема — лишь малая частица стоящих перед ней затруднений.

Р. ПОЛЧАНИНОВ

РАЗВЕДЧЕСКОЕ ПРЕСС-БЮРО
Издание Главной квартиры ОРЮР

УЧРЕДИТЕЛЬНЫЙ СЪЕЗД РОССИЙСКИХ СКАУТОВ

27 сентября 1990 г. в «Комсомольской правде» появилось интервью Б. Минаева с В. Черных под названием «На зорьке пионерской шел скаутский отряд».

В этом интервью В. Черных был назван координатором группы «Возрождения российского скаутинга» и была упомянута «крошечная заметка об учредительном съезде российских скаутов», опубликованная ранее в «Комсомолке».

В. Черных как координатор хотел официально пригласить на съезд зарубежных представителей ОРЮР, но против этого возражал Г. Скворцов, помощник депутата Верховного Совета СССР по делам молодежи — Светланы Батраченко. Хотя официально были приглашены только руководители Всемирной организации скаутского движения (ВОСД) в Женеве, зарубежные представители ОРЮР Л. Селинская, О. Пантюхов и А. Захарьин все же получили приглашение и Л. Селинская и О. Пантюхов были включены в оргкомитет учредительного съезда.

Съезд состоялся в зале института молодежи в Москве с 15 по 17 ноября. По этому случаю бюст Ленина в зале был завешен.

Представители ВОСД прибыли в Москву за несколько дней до начала съезда и вели переговоры на государственном уровне о создании Союза советских скаутов. С собой они привезли в подарок видеоаппаратуру, скаутскую литературу на русском языке и лагерный инвентарь.

В первый день приглашенный на съезд о. Павел предложил начать работу с молитвы и попросил верующих встать и помолиться про себя. Многие молодые делегаты встали на молитву, но их было меньше половины.

Обсуждение вопроса религиозного воспитания было самым острым на съезде. ОРЮР отстаивал религиозное воспитание как неотъемлемую часть скаутизма, в чем получил под-

держку от представителя ВОСД — Горского, который сказал, что без веры в Бога бывшие пионеры не смогут стать настоящими скаутами и останутся в глазах ВОСД такими же пионерами, какими они были раньше.

Желая подорвать авторитет ОРЮР, комсомольские работники заявили, что с точки зрения ВОСД ОРЮР не считается скаутской организацией. Член ОРЮР из США — Л. Селинская прочитала собравшимся текст постановления Всемирного скаутского бюро об исключении русских скаутов за границей, сделанного в угоду Сталину в 1945 г.

В поддержку Л. Селинской выступил представитель латышских скаутов — Петерис, задавший представителям ВОСД вопрос: «Почему только армянские скауты польуются международным признанием, а против всех других проводится дискриминация?» Этот вопрос был встречен бурными аплодисментами присутствующих, которых было более двухсот человек.

Тогда Г. Скворцов — помощник депутата Верховного Совета СССР по делам молодежи заявил, что он не считает ОРЮР продолжательницей начатой в России скаутской работы. На это ему возразил член ОРЮР из США — Олег Олегович Пантюхов — сын всеми признанного основателя разведчества-скаутизма в России, избранного Старшим русским скаутом, и возглавителя русских скаутов-разведчиков за границей. Он сказал, что ОРЮР сохранил вдали от родины дух юных разведчиков-скаутов, традиции, законы и подлинный текст Торжественного обещания, которое начинается словами: «Честным словом обещаю, что буду исполнять свой долг перед Богом и родиной...», и что никто, не дав такого обещания, не имеет права претендовать называться скаутом. Выступление сына основателя первого отряда юных разведчиков — Олега Ивановича Пантюхова — произвело на всех сильное впечатление.

Учредительный съезд принял «Заявление Ассоциации Возрождения Российского скаутизма», которое кончается словами: «АВоРС — независимая, неполитическая, неправительственная добровольная организация, ставящая своей целью возрождение и содействие движению российских скаутов-разведчиков как формы внешкольного воспитания детей и молодежи в национальном духе на принципах гуманизма, поощрения религиозного воспитания.

Задача АВоРС — создание Российского Союза скаутов. Следуя традициям и опыту всероссийского и международного

скаутского движения, АВоРС согласна сотрудничать в рамках своего Устава с любыми организациями и частными лицами, готовыми помочь благородному делу возрождения скаутизма.

Всегда готовы, за отечество!

С нами Бог!»

Р. ПОЛЧАНИНОВ

ПУТИ РУССКОГО СОКОЛЬСТВА

Бюллетень русского зарубежного сокольства

Немецкие гимнастические общества в России вели свое начало от «Тугендбунда» («союза достойных»), устроившего в 1809 г. в Браунсберге первую в Германии гимнастическую площадку и положившего начало немецким и австрийским «Турнферейнам» (гимнастическим обществам).

«Турнферейны» были не только в Германии и немецкой части Австрии, но и на славянских территориях. С их помощью велась германизация чехов, поляков и южных славян.

Немцы в России имели свои «Турнферейны», и их было немало. В одном только Петербурге было два немецких гимнастических общества — «Турнферейн» и «Пальма».

Основатель чешского и всеславянского сокольства Мирослав Тырш был с 1851 г. членом австрийского «Турнферейна» в праге, а с 1854 г. — инструктором гимнастики в том же «Турнферейне». В 1862 г. он создал чешское гимнастическое общество по немецкому образцу, которое с 1864 г. назвалось сокольским. Также по немецкому образцу было создано в Москве в 1883 г. и Русское гимнастическое общество.

Мирослав Тырш смотрел на гимнастику как на средство привлечения масс в ряды сокольства для патриотического воспитания чехов. Со временем сокольство выработало свой особый вид вольных движений — сокольскую гимнастику и специальную гимнастическую терминологию.

Первые сокольские общества в России были созданы чехами для проживавших в России чехов. В 1870 г. в Мирогощи на Волыни было основано два таких общества. Одно из них преимущественно специализировалось на верховой езде. В мае того же года в Остроге митрополитом Киевским было освящено знамя местного сокольского общества. В русской части Польши вскоре появились и польские сокольские общества.

Царское правительство разрешало деятельность гимнастических обществ и позволяло чехам и полякам называть свои гимнастические общества сокольскими, но было против создания русских сокольских обществ.

В 1898 г. чешский сокол Ан. Лукеш, преподаватель гимнастики в Первой тифлисской гимназии, хотел основать в Тифлисе (ныне Тбилиси) гимнастическое общество и назвать его — «Русский сокол». Министерство внутренних дел отказало в разрешении, и только после долгих хлопот 9 декабря 1900 г. утвердило устав. Основателями Гимнастического общества в Тифлисе считаются Ан. Лукеш, чешский сокол Ю. Грумилка и директор Первой гимназии Л. Марков. Только в 1907 г., благодаря председателю Совета министров П. А. Столыпину, Гимнастическому обществу в Тифлисе было разрешено называться сокольским.

Есть интересное объяснение причин враждебного отношения царского правительства к распространению сокольства среди русских. В «Краткой истории русского сокольства» Н. В. Манохина (Прага, 1924) на стр. 22 сказано: «Среди петроградских чехов стало известно, что несколько лет тому назад (до 1900 г.) кто-то пытался учредить в Петрограде гимнастическое об-во „Русский сокол“, подав на утверждение соответствующий устав с надлежащей докладной запиской. Когда этот проект устава в конце концов дошел до самых высоких мест, то там было поручено тогдашнему русскому послу в Вене графу Капнисту разузнать, что собой представляет „Чешский сокол“ и его деятельность. Капнист не замедлил с ответом, что это весьма „опасная политическая организация“, и между прочим постарался подчеркнуть, что характер ее деятельности явно „противодинастический“. Вследствие чего последовало запрещение создавать организации под названием „Сокол“».

В таком же положении, как гимнастическое общество в Тифлисе, были основанные чешскими соколами русские гимнастические общества «Север» в Петербурге (1903 г.) и «Юг»

в Киеве (1905 г.). Оба потом назвались сокольскими. 1 марта 1907 г. общество «Север» устроило первый женский гимнастический праздник, носивший явно сокольский характер.

В 1908 г. число сокольских обществ в России достигло сорока. В связи с этим начались хлопоты по созданию Союза русского сокольства, устав которого был высочайше утвержден 4 (17) июля 1910 г.

Но не все сокольские общества поспешили объединиться в единую организацию. Многие держались в стороне, не подчиняясь никаким центрам. Так, в 1911 г. Союз русского сокольства объединял только 17 обществ, в которых состояло 1837 действительных членов (1445 мужчин и 377 женщин). Эти цифры взяты из упомянутой истории Н. В. Манохина, и хотя они не сходятся, все же передают общую картину. Подростков — молодежи от 12 до 18 лет, не считавшихся «действительными» членами, было 296 (239 мальчиков и 92 девочки — по данным Н. В. Манохина). Кроме того было 235 руководителей (207 м. и 28 ж.).

В Москве с августа 1910 г. стал выходить журнал «Сокол» под редакцией чеха О. О. Вондрачека, но он был, так сказать, местным органом. С января 1913 г. под редакцией Л. Н. Даниловича стал выходить «Вестник русского сокольства».

С разрешения Министерства Внутренних Дел от 31 октября 1912 г. Союз русского сокольства был принят в Союз славянского сокольства, созданного в 1908 г. с центром в Вене.

Первая мировая война нанесла сокольству сильный удар. В Австрии и Германии сокольские общества были немедленно закрыты, а их руководители и наиболее активные члены арестованы за русофильство. В России работа почти прекратилась из-за ухода большинства соколов в армию. Все же некоторые сокольские общества продолжали свою деятельность, и в Петрограде даже продолжал выходить журнал «Жизнь сокола».

После Февральской революции началось некоторое оживление сокольства. Для обновления деятельности Союза русского сокольства была в Петрограде создана «Инициативная группа» и возобновилось издание «Вестника русского сокольства».

После Октябрьского переворота временное правление Союза было разогнано большевиками, а архив конфискован. Начались аресты сокольских деятелей, но они были вскоре прекращены и даже были принесены извинения. 22 апреля

1918 г., в связи с декретом о введении всеобщего военного обучения (Всевобуч), многие соколы и соколки были мобилизованы проводить намеченные планы. Конец сокольству в Советской России наступил в 1922 г., после создания 19 мая организации пионеров.

За границей русское сокольство появилось в 1910 г. в США — под влиянием сокольской деятельности среди переселенцев других славянских народов. Организаторами были карпатороссы-униаты. Среди православных карпатороссов сокольство не пользовалось успехом. Русских соколов-униатов в 1935 г. было около 20 тысяч. Вторая мировая война (1941—1945) нанесла сильнейший удар русскому сокольству в США. Сейчас в США осталось два небольших общества в Лос-Анджелесе и Сан-Франциско, основанные приехавшими из Европы в 1947—1951 гг. так наз. «перемещенными лицами» («ди-пи»).

По окончании гражданской войны в России, в Праге (Чехословакия) 16 января 1921 г. было основано общество «Русский сокол», затем 2 июля 1922 г. сокольское общество в Земуне (Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев — Югославия). В 1927 г. русские сокольские общества появились во Франции и Болгарии и в ближайшие годы — в Латвии, Польше, Китае и позднее в Бельгии.

После Второй мировой войны сокольские общества возникли в Германии и Аргентине, но вскоре прекратили работу.

Ныне, в 1900 г., осталось только три сокольских общества — Лос-Анджелес, Сан-Франциско (США) и во Франции — Париж. Будем надеяться, что с возрождением национального сознания в России возродится там и русское сокольство.

Бог вам в помощь!

ПЕТР ВЕЛИЧКО

ПАСХА В ИЕРУСАЛИМЕ
(7 апреля 1991 года)

Я совершенно не собирался попасть в Иерусалим в этом году, но реагировал на представившуюся возможность без излишних колебаний, видя в моем посещении Кипра «перст Божий». Дело в том, что меня пригласил к себе на Кипр мой старый деловой приятель Сотос, которому я когда-то организовал фабрику джинсов и у которого с течением времени выявились некоторые производственные затруднения, главным образом потому, что новые руководители не имели необходимого опыта. Приглашение совпало с нашей Пасхой. И сразу после приземления в Ларнаке я стал соображать, как скомбинировать мой деловой визит с паломничеством в Святую Землю.

Так как греки празднуют Пасху в то же время, что и мы, оказалось, что с четверга Страстной и до вторника Святой недели они тоже отдыхают, что еще более укрепило меня в решении воспользоваться этой возможностью, чтобы встретить и отпраздновать Пасху в Иерусалиме. Мои сотрудники на Кипре предупреждали меня, что ехать туда сейчас крайне опасно в связи с интифадой; вдруг какая-нибудь шальная пуля стукнет меня по буйной казачьей головушке! Я отнесся к этим предупреждениям с присущей мне бесшабашностью и в Страстной Четверг уже выгружался в Тель-Авиве.

В аэропорту меня встретил мой старый знакомый и приятель — сотрудник по организации фабрики джинсов в Израиле — Арий Вагшал, исключительно порядочный и добросердечный парень, родившийся в Израиле и женившийся на русской еврейке из «третьей волны». День выдался чудный. Было свежо, но солнце ярко сияло и воздух просто трепетал над бесконечными полями и фруктовыми плантациями плодородной долины, по которой мы ехали, держа курс на Иерусалим.

Не зная, найдется ли место для меня в гостинице у монашек на Елеоне, я, приехав в Иерусалим, заглянул в монастырь, чтобы это выяснить. Ворота мне открыл тот же Мустафа, почти слепой араб и давнишний «ключник» Елеонского монастыря. Оказалось, что паломников ожидается мало в связи с недавними событиями и что я оказался одним из

первых. Тут же я представился о. Алексею, ответственному за наши монастыри на Елеоне и в Гефсимании, и с его благословения был проведен матушкой Марией, старой знакомой, во все еще пустующую гостиницу, где был вручен матушке Варваре, тоже старой знакомой, которая провела меня в отведенную мне комнату.

Отдохнув, я прошел к монастырской церкви, наслаждаясь тишиной, которая там всегда царит, и тем неповторимым запахом сухой хвои, который остался в памяти с первого визита в 1962 году.

Около церкви наткнулся на трех грекоподобных молодых людей, которые оказались прислужниками, сербами из Австралии. Впоследствии оказалось, что о. Алексей, матушка Варвара, игуменья Елеонского монастыря, и матушка Анна, игуменья Гефсиманского монастыря, — все из Австралии.

Тут же я познакомился с двумя молодыми послушницами из той же Австралии. Одна из них, Анна, оказавшаяся племянницей нашего однокашника Мингина, объяснила мне, как попасть на трапезу в ближайшую столовую, и помогла взобраться на крышу, с которой открывался великолепный вид на восточную часть Иерусалима с отливающимся вдали свинцовым блеском Мертвого моря, обрамленного вереницей холмов, находящихся уже в Иордании. Она же открыла мне огромным ключом дверь на колокольню, которая, находясь на вершине Елеона, является самым высоким обозревательным пунктом в городе. Предложила подняться наверх. Я как-то чуть ли не ползком взобрался на первую площадку, судорожно хватаясь за перила, но ветер, внизу казавшийся нежным зефиром, превратился здесь в полуураган, а дали были затянуты поволокой тумана, так что я отказался от дальнейшего подъема.

Трапеза, начавшаяся точно в час по монастырскому времени (два — по городскому), была, конечно, постной, но вполне удовлетворительной. Были щи постные из овощей, макароны с грибками, а вместо хлеба — арабские лепешки. Читалось «Житие святых», по обычаю была молитва в начале и в конце трапезы; в трапезной тихо, благочинно, по-монастырски. Вспомнились наши кадетские постные обеды и ужины, как например, зразы с рисом и луковым соусом, оладьи с медом — Господи, как я их любил! — щи зеленые, тот же рыбный фаршмак — Боже, как я его не любил — и много других подобных яств, запечатлевшихся в кадетской памяти с неизгладимой четкостью, потому что то были

неповторимые годы, которые каждому кадету до сих пор представляются тихим пристанищем в мирской суете и самым светлым периодом его нелегкой жизни.

Проходя мимо храма, я заметил молодого человека с довольно неопрятной гривой, каковая меня не расположила к нему. Он беседовал с о. Алексеем, который тут же мне его представил как недавно прибывшего из России эмигранта с христианским именем Валерий. Оказалось, что у него жена полуеврейка, и он, как и многие советские граждане, воспользовался возможностью выскочить из пределов социалистической родины.Отнесясь к нему поначалу с осторожностью, я вскоре убедился, что он порядочный, хороший русский парень, на которого можно положиться. Мы быстро сблизились и почти не расставались до его отъезда в Хайфу, где находилась его семья.

В Страстной Четверг мы решили вместе спуститься в Гефсиманский монастырь и там прослушать первые три Евангелия, а потом вернуться на Елеон и там дослушать остальные. Хоры в двух монастырях различные, и трудно сказать, какой лучше, но и в том и в другом монашки исполняют наши песнопения поистине ангельскими голосами, так что заслушаешься и не замечаешь, как летит время; а ведь службы монастырские длительные и нужно порядочно выдержки, чтобы выстоять до конца.

Итак, представьте себе, родные однокашники: на дворе за стенами храма свежая ночь, темно-синее небо усыпано мерцающими звездочками, темнота полная, в храме полутемно, около уже вынесенной Плащаницы горы цветов из монастырского сада с особенно выделяющимися стройными белыми лилиями, уютные огоньки свечей, освещающих золотые оклады старых икон, аналои в черных ризах, темные силуэты монашек тут и там, — все это навевает атмосферу ласкающей, бархатной святости. На душе благоговейная грусть при виде Плащаницы, и в то же время особая, тихая радость, что Господь сподобил быть именно здесь,в эту ночь и участвовать духовно в Его шествии на Голгофу, в Его страданиях, чтобы в итоге встретить Воскресение с ликованием и радостью, достойными христианина. Я повторял истово: «Слава Тебе, Господи, за все Твои великие и пребогатые милости!»

Страстная Пятница! День Распятия, вынос Плащаницы. С утра служба в монастырской церкви. Начало в 6:30; Валерий будит меня в 7:00, привожу себя в порядок и иду в церковь,

весь проникнутый торжественностью. Подрагиваю от утренней свежести наступающего серо-синего дня, со слоем облаков, покрывающих горизонт. Не к воспоминаниям о радостных событиях в далекой древности готовится природа, а к всеобщему плачу и горю в связи с предстоящим распятием и муками на Кресте нашего Господа и Спасителя. Вхожу в храм и застаю там Валерия, как и нескольких новоприезжих паломников, поместившихся тоже в монастырской гостинице.

После службы — постная трапеза. Мы, Валерий и я, решаем пойти в Старый город, чтобы приложиться к Гробу Господню и к месту на Голгофе, где были водружены три креста, на одном из которых был распят Спаситель. Идем пешком, заходим по дороге в Храм молитвы «Отче наш», где на всех языках мира, на отдельной кафельной таблице, выписаны слова этой молитвы. Там находится и пещера с камнем, на котором, по преданию, не раз отдыхал Христос, удаляясь на ночь из Иерусалима и находя убежище в пределах Елеона. Этот район охранялся римской стражей, и здесь Он мог не опасаться охотившихся за Ним фарисеев.

Останавливаемся в нашем монастыре в Гефсимании, чтобы познакомиться и выразить свое почтение игуменье Анне, заменившей недавно почившую игуменью матушку Феодосию, с которой пишущий эти строки был очень близок. Матушка Анна оказалась совсем молодой — лет тридцати — и чрезвычайно обаятельной монахиней из Австралии; она нас очень любезно приняла и угостила чаем с печеньями. Из разговора с ней мы узнали, что наши монастыри в Святой Земле собственных доходов почти не имеют, а существуют главным образом на лепты паломников и пособия благотворительных организаций за границей.

Не задерживаясь долго, т. к. матушку за калиткой ждали очередные посетители, мы продолжили наш путь уже в такси, чтобы вернуться вовремя к Крестному ходу с Плащаницей. Хотели, кроме того, попасть в мечеть Омара, не подозревая, что эта пятница была одним из самых чтимых и торжественных дней Рамадана, прославление которого было как раз в полном разгаре.

Шофер-араб, после отчаянной дискуссии о ценах на бензин и расстоянии, вспомнил своих предков, которые возили паломников на осликах, в то время как он нас повезет в комфортной приличной машине; затем за восемь шеклей (дол. 3,5) и одну папиросу, он довез нас до Яфских ворот, откуда в обычные дни можно было легко дойти до Кавуклии

(с греческого «кавуклио» — гробница). В тот день, однако, все улочки, ведущие к Святому месту, были запружены густыми толпами галдящих арабов, снующих вниз и вверх по каменным плитам Старого города. Там и сям стояли отряды израильской пехоты, которая вместе с полицией, одетой в броневые жилеты, занимала стратегические места и перекрестки на случай каких-либо инцидентов.

С самого начала к нам привязался арапченок, говорящий довольно сносно по-английски и предложивший провести нас в пределы мечети Омара, а потом куда нам захочется. К сожалению, полиция, проверяющая документы у входа в район мечети, вежливо, но решительно попросила не мешать верующим праздновать свой Байрам, а вернуться завтра до 11 часов, когда вход свободен для всех.

Повернув оглобли, мы стали снова проталкиваться сквозь толпу, направляясь к Кавуклии. Оказалось, однако, что и главные ворота в Кавуклию запружены паломниками, и наш «Мустафа» повлек нас через какие-то задворки в эфиопский квартал. Последующие минуты ясно воскресили в памяти ад Данте. Мы проникли в первое отделение храма православных коптов, оказавшегося небольшего размера комнатой с аналоем на возвышении и решетчатой перегородкой, отделяющей его от молящихся.

Выскочили мы затем прямо на площадь перед Храмом Гроба Господня, приложились к обоим святыням и стали выбираться к Дамасским воротам, где всегда стоят такси. Время близилось к началу торжественной службы на Елеоне и нужно было торопиться. На такси мы скоренько добрались до монастырского храма — как раз вовремя, чтобы участвовать в обходе храма с Плащаницей. Монашки предложили нам нести хоругви, что мы с восторгом и благоговением сделали. Ветер стих, звезды сопровождали наше шествие, мерцая в далекой выси, а хор монашек своими небесными голосами навевал чувство тихой радости.

По окончании богослужения возвращаюсь в свою комнату, зажигаю лампадку у киота, сажусь на постель у столика и прислушиваюсь.

До меня доносятся протяжные призывы муэдзина с ближайшей мечети. Его завывания и крики вещают верующим, что день закончился и что по законам Рамадана они могут приступить к приятию пищи после двенадцатичасового воздержания.

Страстная Суббота! Простояли утреннюю службу, которая окончилась раньше обычного в связи с тем, что известное всем явление «Святого», или «Благодатного» огня ожидалось в субботу в полдень, приблизительно к часу, а не как я предполагал, в полночь или к концу заутрени. Мы все, монашки и паломники, собрались поехать в храм как можно раньше, после утрени. Нам хотелось проникнуть если не к самой Кавуклии, то по крайней мере в притвор, откуда можно хоть что-нибудь увидеть. Паломников в этом году в связи с интифадой и военным кризисом в Персидском заливе было мало, но хватало с излишком, чтобы заполнить десять подобных пространств. Греки с Кипра были особенно шустрыми. Они закупали определенные стратегические места и таким образом обеспечивали себе возможность находиться близко к Кавуклии независимо от гущи окружающей толпы. У русских людей такой организации нет. Обратились мы к о. Алексею, ответственному за своих монахинь и за паломников, спросили, что нам делать? Он посоветовал держаться монашек, они знакомы с путями и выходами и постараются провести нас. Монашки отдельными группами сразу направились к стоянке такси, заказанных для нас, но их оказалось недостаточно. Мне с Валерием и одной монашкой удалось поймать частника араба и, как всегда, казачье счастье не подкачало. Монашка, матушка Елена, коренная арабка, начавшая свой христианский подвиг служения еще молодой девушкой, уже установила контакт с греческим священником, ее родственником, который должен был провести нас через алтарь греческого собора туда, откуда можно будет наблюдать происходящее. Пробираемся наконец в преддверие храма, толпа мечется, шум ужасный; но тут появляется молодой священник, наш грек, который, пробиваясь сквозь толпу богомольцев, ведет нас через Голгофу к решетчатым воротам на замке, за которыми стоит человек с ключом. Он нас сразу впускает. Мы проходим к алтарю, а оттуда прямо к Гробнице Господней. Мне удается обосноваться на самой высокой ступеньке алтаря, откуда открывается вид на вход в Кавуклию. Валерий тут же, неподалеку. Вход в Кавуклию шириной метров в двадцать. В храме полутемно. Я справляюсь у грека-священника, что и как будет происходить. Он объясняет, что из ворот слева выйдет вскоре патриарах Диодор I в полном облачении, в сопровождении архиепископов, тоже в праздничном облачении. Патриарх сядет в кресло слева от меня и позволит себе минуту отдыха

и сосредоточения. Когда он почувствует, что пора, он встанет и пойдет по проходу к Кавуклии, где его разоблачат, оставив только в подряснике, и по старой традиции прощупают, чтобы «убедиться», что с ним нет никаких зажигательных предметов. Он один войдет в Кавуклию, держа в каждой руке пучок свечей. Останется он внутри неопределенное время, читая молитвы и ожидая чуда явления «Благодатного огня». Бывали годы, когда по неизвестным причинам Благодатный огонь не являлся. «Как же он выглядит?» — спрашивал я. «Это зависит от верующего, не все его видят одинаково», — ответил священник. Покойный о. Иоасаф видел его не раз, а также и о. Алексей, которого мы заметили в толпе греческих и других архиереев, прошедших раньше к Кавуклии. «Святой огонь» зачастую виден как серия световых клубков или шаров, которые как бы витают над крышей Кавуклии, а потом неожиданно проникают внутрь. Тогда вата, лежащая на покрове Гроба и пропитанная елеем, воспламеняется, часто в тот же момент, что и пучки свечей в руках патриарха. Иногда Святой Огонь вроде молнии появляется из купола храма и проникает внутрь Кавуклии; а изредка сильный свет, вроде большой вспышки, освещает купол, и в тот же момент вспыхивают и вата и свечи не только у патриарха, но и у многих вблизи стоящих молящихся. Патриарх через боковые отверстия в Кавуклии протягивает уже горящие Благодатным Огнем свечи, давая возможность ближайшим молящимся зажечь от них свои.

Я стою на своем посту, жду дальнейших событий! Переглядываюсь с Валерием, стоящим возле самого алтаря. За алтарем — группа монахов и монашек и несколько светских. Лица сугубо русские. Подзываю Валерия, справляюсь. Он отвечает, что это определенно публика из подворья Московской Патриархии. Сбоку — рыжеватый монах, без свечки, так и мечет глазами. Валерий опознает в нем кагебешника. Сзади — блондин в костюме, вероятно, тоже. Я отвечаю: «Ты, брат, не сетуй, может быть, снизойдет и на этих благодать Божия и будут они замаливать свои грехи на Афоне». К слову будь сказано, монаха этого рыжего впоследствии я видел с пучком горящих свечек, истово крестящимся и с лицом, выражающим что-то большее, чем равнодушие. Тут же сбоку матушка Варвара и монахини из обоих монастырей. Около меня человек в хорошем костюме, с карточкой репортера, пришпиленной к внешнему карману, разговаривает оживленно на довольно приличном английском

с моим проводником, греком. Акцент знакомый. Спрашиваю по-сербски, откуда он и что здесь делает. Выясняется, что он репортер «Политики». Матушка Елена, проведшая нас, стойко держит позицию передо мной; ее маленький рост не мешает мне.

Слева вдруг всколыхнулась толпа и священники-греки начинают расчищать проход к дверцам, откуда должен появиться патриарх. Через минуту он степенно выходит во всем величии торжественного облачения, поддерживаемый епископами с обеих сторон, медленно сходит вниз по ступенькам и направляется к своему трону. Ему помогают сесть. Ему на вид лет восемьдесят, по крайней мере. На голове патриаршая митра, вся в золоте, в руках патриарший жезл. К нему подходят священники и миряне и целуют у него руку. Тут же мой старый знакомый — греческий архиепископ Маврикий, у которого я несколько раз присутствовал на субботней полунощнице с покойным о. Иоасафом. Он довольно сносно справляется с русским языком, узнает меня и улыбается. В руках у меня аппарат «Канон». Снимаю патриарха, делаю несколько снимков окружения.

Проходит минут пятнадцать. Патриарх снимает митру, которая в царящей духоте его явно беспокоит. На хорах около Кавуклии поют церковные мелодии византийского стиля. Народ ждет!

Неожиданно патриарх встает. Ему помогают облачиться. Перед ним, впереди шагов на двадцать, несут хоругви. Патриарх подходит к входу в Кавуклию. В полутемноте, царящей в храме и за плотной стеной иерархов, невозможно разобраться, что там происходит. Уже от моих греков узнаю, что его там снова разоблачают, оставляя в нательной белой ризе. Там же, по старому обычаю, его осматривает араб. Затем он вступает один в «Святая Святых». В каждой руке у него пук свечей. Все замирает, все взоры устремлены на вход в Кавуклию. Я тоже смотрю, стараясь не моргать, с моего исключительно удобного места. Камера тоже наготове. Скоренько произношу мысленно молитву, прося у Господа, чтобы сподобил узреть это явное чудо и укрепил бы веру «скептика», раба Божьего Петра. Минуты бегут медленно, земля и люди застыли в ожидании.

Вдруг сильный и очень яркий свет, напоминающий вспышку мощного электронного сооружения, освещает весь купол храма над самой Кавуклией. Сразу же целая серия уже очевидно настоящих вспышек сверкает тут и там. Про-

износится мощный, слившийся в один, ликующий крик из гортаней многочисленных верующих, стоящих около Кавуклии, и у ее выхода появляются два ярко горящих языка пламени, которые моментально перебрасываются к другим подобным направо и налево. Я снимаю. По проходу, который с большим трудом сохраняет свободным полиция, полубежит молодой священник с горящим пучком свечей. И с одной и с другой стороны такие же пучки тянутся к нему и каким-то образом зажигаются чуть ли не моментально и зачастую даже не дотрагиваясь до свечей священника, который, не останавливаясь, бежит к алтарю, где его уже ждет архиепископ Маврикий, облаченный в серебряную ризу-нательник, в вышитом золотом кафтане без рукавов. Я не успеваю дотянуться до священника, чтобы зажечь мой пучок, а он передает свои свечи, уже горящие ярким огнем и заключенные в своего рода серебряный факел, архиепископу. В тот же момент замечаю, что по тому же проходу быстро шагает сам патриарх с пуком пылающих свечей в каждой руке. Лицо его выражает экстаз и радость. Так, наверно, выглядели лица учеников, впервые узревших воскресшего Христа. Он передо мной, я снимаю его и сейчас же протягиваю свои свечи к нему. Они моментально воспламеняются.

Греческие монахи-священники с уже горящими наподобие факелов связками свечей и с выражением экстаза проводят ими по своим пышным бородам — без какого-либо эффекта. Огонь свечей отказывается воспламенить их бороды.

«Благодатный огонь» не жжет, не палит!» — слышал я не раз от людей, которым могу полностью верить. Но убедиться в этом воочию, собственными глазами, узреть это несомненное чудо, сподобиться самому испытать на себе его благую, животворную силу, чтобы как «Неверный Фома» уверовать в присутствие Святого Духа и навсегда — вот вершина счастья.

С некоторым духовным трепетом, не колеблясь, провожу своим пучком свечей, а их двенадцать связанных вместе, и это — настоящий факел, — по верхней части левой руки. Не чувствую никакого ожога. Делаю это вторично — воплощение Неверного Формы — сверлит в моем воображении, — прости же, Господи, меня грешного, как и ему простил! — и снова ничего не ощущаю. Уже в конце, дойдя до кисти, задерживаю немного мой пылающий пучок на одном месте, и в этот момент явно чувствую, что запекло.

Отвожу свечи, присматриваюсь к месту ожога — следа никакого. Осматриваюсь, вижу моего архиепископа, которому патриарх вручил свой пылающий факел, наблюдаю, как он, вскинув руки вверх, с выражением торжества и умиления потрясает горящими свечами, в то время как молящиеся обнимаются, христосуются и мечутся от восторга. Я подхожу к Валерию, мы обнимаемся, обмениваемся бессмысленными восклицаниями, пытаясь выразить наш душевный подъем и удивление всем увиденным. Я стараюсь фотографировать, чтобы навсегда запечатлеть этот момент Божьего откровения и нашей общей великой радости. Осанна в вышних! Верю, Господи, Владыка живота моего, и буду верить! Аминь.

Уже легче протиснуться через толпу, чтобы добраться до Голгофы. Поставили свечи у аналоя и вместе с Валерием преклонились перед местом, где 2000 лет тому назад Господь наш своими страданиями и земной смертью «смерть поправ», обеспечил нам живот вечный. Оттуда, по извилистым улочкам Старого города, тронулись к так называемым Армянским воротам и, видя, что время близится к пяти по местному времени, а к четырем по монастырскому, когда подается последняя постная трапеза до заутрени и розговин, берем такси и через десяток минут мы опять на Елеоне. Поспеваем к трапезе, успев до этого приложиться к Плащанице. День, начавшийся капризно-серыми облаками, плывшими откуда-то с запада, словно предчувствуя приближение Великого Праздника, все светлел, и едва заметный ветерок, казалось, гнал оставшиеся мелкие лоскутки облаков куда-то дальше, а на розовом горизонте небо стало совсем чистым.

За трапезой делимся впечатлениями с немногими паломниками. Вероятно поэтому все службы, совершавшиеся в нашем православном торжественном чине, без толп посторонних и отвлекающей толкотни и шума, казались особенно радостными, проникали глубже в сердце. Были в церкви и две москвички, которые, как мы узнали после, вышли замуж за дипломатов арабов. Они постоянно появлялись на богослужениях, одна из них с двумя очаровательными малышами, девочкой и мальчиком. Москвички молились истово, и, глядя на них, становилось тепло и радостно на душе от сознания, что в русском народе вера всегда таилась в глубине и что нужно только дать ей возможность проявиться, чтобы теплящийся огонек превратился в яркое пламя истинного христианства.

На дворе между тем спустилась ночь, Святая ночь. С Елеона виден весь Иерусалим как на ладони, и его огни, и полнейшая тишина, царящая на этой горке, заставляли думать, что именно такая ночь и вот с теми же яркими мерцающими звездами укрывала бархатным своим покровом свершение великого таинства Воскресения Христова.

Перед тем как удалиться к себе в комнату-келию, я зашел в церковь, где монашки читали беспрерывно Деяния Апостолов, преклонился перед Плащаницей, возблагодарив Всевышнего и Мать Его за то, что удостоили меня великой радости — участвовать в наших чудесных православных обрядах в такую ночь и в таком месте.

Полунощница начиналась в 11.30. К одиннадцати я переоделся и вышел во двор. А на дворе — ночь, да какая ночь! У меня внутри все поет, и тысячи воспоминаний толпой, одно за другим, как бы торопятся воскресить в памяти образы счастливого прошлого. А их было немало! Вспомнились и наши заутрени в Кадетском Корпусе, когда Пасха была ранней и ночи были свежие, и было зябко во время Крестного хода. Но кому это мешало и кто из нас согласился бы остаться в шерстяной защитной кадетской рубахе в такую ночь. Подтянутые, стройные, с блестящими бляхами, ботинками и ремнями, стояли кадетские роты, впервые в белых рубахах, и нам самим было любо видеть себя в этом торжественном пасхальном обмундировании. Мы гордились собою и бодро, не чувствуя ночной прохлады, шли за Крестом, обходя здание корпуса.

Церковь монастырская вся в цветах из своих же оранжерей и с холеных монастырских клумб. В отличие от наших служб, до полуночи почти ничего в храме не происходит, но все окружающее создает впечатление приближения чего-то большого, чего все ждут. Наконец полночь! Крестный ход. Я несу хоругвь и полной грудью вдыхаю воздух, наполненный каким-то особым благоуханием. Царские врата отворяются, звонят колокола, хор поет-заливается, а о. Андроник с сонмом прислуживающих, подняв высоко Животворный Крест, восклицает: «Христос Воскресе!» — и все мы радостно отвечаем: «Воистину Воскресе!» Торжественная заутреня начинается. Хор монашек превосходит себя в исполнении чудесных русских песнопений. Служба монастырская длинная, но проходит незаметно. О. Иоанн освящает куличи, яйца. О. Иоанн — из Австралии, тут же о. Василий из Румынии, а о. Андроник из Прикарпатской Руси, священ-

нодействуют. Христосуемся, получаем по красному яичку, подходим к матушке Варваре, игуменье, поздравляем и целуем руку после ее благословения.

Розговины — в зале, напротив покоев матушки игуменьи, а не в главной столовой. Все чудесно обставлено, много цветов, а куличи — шедевр кондитерского искусства. Подают отличную рыбу в особом соусе, сыр, яички, куличи, сырную пасху. Уже пятый час! Настроение бодрое, усталости нет. Монашки приглашают посмотреть, как «солнце играет», т. к. до восхода осталось совсем недолго, и ночь постепенно ускользает-уходит и уже ясно вырисовываются контуры зданий, кустов и деревьев. Охотно присоединяемся к группе монашек и вместе идем в восточном направлении, где низколежащее здание позволяет нам вскарабкаться без особых затруднений на крышу и оттуда увидеть как на ладони восточную часть Иерусалима. Серая полоса Мертвого моря с иорданскими холмами на горизонте уже заметна вдали, где небо уже розовеет и где минут через десять-пятнадцать медленно появится красный диск восходящего солнца. Югославы взбираются на колокольню, на самый верх, чтобы первыми увидеть лучи пасхального светила.

Монашки запевают что-то церковное, а я стою как зачарованный, не отрывая взора от далекого горизонта. Как-то вдруг появляется краешек солнца, которое постепенно превращается в пламенный диск. Это вызывает у монашек восторженные клики: «Смотрите, смотрите, как пасхальное солнышко играет!» Мне же оно казалось совершенно недвижным, и я справляюсь у близстоящей монашки, как это солнышко «играет»? Оказывается, если всмотреться в самый диск, центр которого виден как сероватый круг, заметим яркий светлый ореол вокруг этого серого ядра, и оно как бы играет, то есть перемещается из стороны в сторону, создавая иллюзию движения. Это и была т. н. «игра», которую вышли смотреть монашки.

Уже совсем рассвело, все стали расходиться, но Валерий и я по приглашению Николая, нашего нового знакомого канадца, прошли к противоположной стороне монастыря и, выйдя из западных ворот, по маленькой улочке подошли к пустырям, чтобы лицезреть еще одно небольшое «чудо», о котором мы еще не знали. Лучи восходящего солнца освещали особым розовым светом всю восточную часть иерусалимских стен и башен, включая мечеть Омара. Неповторимое зрелище, которое продолжается всего минут

пятнадцать. День выдался чудесный, ни единого облачка на лазурном хрустально чистом небосводе, а тут, у наших ног святой град Иерусалим в полном своем великолепии. «Осанна в Вышних, Христос воскресе», — поздравляем мы снова друг друга, потрясенные этим видением. Посмотрели на часы. Семь с минутами, пора хоть немного отдохнуть, т. к. впереди «поход» к святым местам, нужно приложиться к Гробу Господню, преклонить колено у Голгофы, а у Валерия дела в городе, после которых он вернется в Хайфу, где его с нетерпением ожидают жена и дети.

После короткого сна с последующим посещением церкви и дневной трапезы, Валерий прощается с матушкой Варварой, затем мы спускаемся в Гефсиманию и посещаем матушку Анну. Она снабжает Валерия, для передачи детям, сырной пасхой. У нее переполох. Ночью взломали дверь в иконную мастерскую и похитили несколько ценных икон и изделия из мозаики.

Уже пешком провожаю Валерия до новой израильской части Иерусалима и там мы прощаемся, как старые товарищи, т. к. за четыре коротких дня мы пережили и перечувствовали вместе больше, чем многие друзья за год. Возвращаюсь в монастырь с чувством одиночества, и только к трапезе, последовавшей за коротким пасхальным богослужением, отдаю себе отчет, что близкий человек всегда остается рядом в памяти ли, в сердце ли.

Закончив трапезу — тот же пасхальный стол, дорогой русскому сердцу — иду в свою келию собраться с мыслями, написать пару поздравительных открыток, подвести итоги, так как завтра нужно лететь назад на Кипр, и все происшедшее останется только в воспоминаниях да еще на пленках нескольких фильмов.

Засыпаю довольно поздно сном праведника, помолившись при свете лампадки на киот со строгими ликами Богородицы и святых.

Вторник, сероватое утро с теснящимися облаками, предвещающими непогоду. С матушкой Марией договорились поехать на греческое кладбище на Сионской Горе, где похоронен наш незабвенный Иоасаф, в миру бывший Ваня Костельчук, с кем мы учились вместе в Зальцбургской гимназии и с кем дружили многие годы, вплоть до его безвременной кончины в декабре 1988 г....

Поехали на такси, нашли кладбище открытым. Могилка обставлена мраморными плитками — заслуга матушки Ма-

рии, повлиявшей на греков, в чьей юрисдикции жил и подвизался о. Иоасаф. Стал на колени, помолился, вспомнил его тихую, хорошую улыбку, его чисто русскую доброту и великодушие и стало мне бесконечно грустно... Святой человек был о. Иоасаф и воздалось ему по заслугам в том лучшем мире, идеже несть печаль и воздыхание, но жизнь и радость во Господе.

Тут же рядом оказалось помещение, где, по преданию, Спаситель был с учениками на Тайной Вечере. Я попросил матушку Марию подождать, чтобы посмотреть на это Святое место, которое я до сих пор не видел. К моему удивлению установил, что оно находится над гробницей царя Давида, где сейчас обретается и музей с экспонатами, найденными при ее раскопках. Так как евреи тоже чтут это место святым, христианские обозначения в помещении недозволены. Возможно, это место и в старину служило для торжественных еврейских праздников, вроде Пасхи, и, вероятно, Христос поэтому и избрал его для Тайной Вечери.

Бегло осмотрев это место, я, вернувшись, уже не застал матушку Марию, которая уехала на Елеон. Я пошел в последний раз помолиться и приложиться ко Гробу Господню. Возвращаясь по опустевшим улицам Старого города, я был удивлен, что почти все магазины были закрыты и кроме редких прохожих и израильских патрулей народу почти не было. Это арабы объявили забастовку в связи с посещением Израиля Бейкером, гос. секретарем США.

Заморосил дождик; открывшаяся моему взору Стена плача тоже пустовала. Около Дамасских ворот я, наконец, промокший, взял арабское такси и вскоре был у себя на Елеоне, приехав вовремя, чтобы упаковать чемодан и распрощаться с матушкой игуменьей, о. Алексеем и монашками, которые нас так радушно приняли.

Матушка Варвара подарила мне кулич и изящное пасхальное яичко, выточенное из древесины елеонской оливы. Так как я уезжал до трапезы, матушка Варвара накормила меня в последний раз и благословила в дорогу, пожелав скорого возвращения. Вылетел я в тот же вечер из Тель-Авива на Кипр, полный впечатлений и радостных воспоминаний, прославляя Господа за все Его превеликие милости, а судьбу — за возможность побывать в святом граде Иерусалиме на Пасху.

Проф. Р. В. ПЛЕТНЕВ

О КОЛОКОЛАХ У НАС И НА ЗАПАДЕ

От Правления Русско-американского клуба

Предлагаемая вашему вниманию брошюра «О колоколах у нас и на Западе» является изложением лекции, прочитанной профессором Р. В. Плетневым 28 марта 1984 г. в Русско-американском клубе г. Ст. Петербург, Флорида.

Ростислав Владимирович Плетнев, известный филолог-славист и друг нашего Клуба. В 1982 г. ему исполнилось 80 лет, и в связи с этим отмечалось 55-летие его научной и преподавательской деятельности в университетах Европы и Канады.

Прочтя блестящую лекцию «О колоколах...», профессор объявил, что это его последнее публичное выступление. Поскольку она вызвала большой интерес у слушателей, было высказано пожелание ее опубликовать, так как не только на Западе, но и на нашей родине существует очень мало научных работ и изысканий в этой области. Атеистические власти стараются предать забвению роль колоколов в жизни русского народа, а знатоки и живые свидетели уходят в мир иной...

Выполняя пожелание слушателей и самого автора, Русско-американский клуб предлагает свое скромное издание и выражает надежду, что эта ценнейшая работа профессора Р. В. Плетнева найдет отклик и будет опубликована в русской национальной периодической печати.

Весь доход от продажи этой брошюры пойдет в Фонд постройки Русско-американского культурно-просветительного центра в городе Ст. Петербурге.

В. Д. Олсуфьев,
Председатель Правления Русско-американского Клуба

Ring out wild bells
to the wild skies...
A. Tenisson

Народная пословица говорит: «Звоном все началось, звоном все и кончится». Дай же Бог, чтоб звон рассеял мрак атеизма над Русью!

Слова «колокол» и «звонить» происхождения звукоподражательного. Звук колокола состоит из разного количества и качества колебаний металла. Моя беседа о колоколах и составлена мною в виде отдельных «ударов» словесной кисти, изображающей прошлое колоколов. Я бы очень хотел, чтобы мои слова-мазки словесной кисти изобразили некую звукокартину.

Колокол-колокольчик — один из древнейших музыкальных инструментов (барабан, правда, старше). Колокол был известен в древнем Египте и позднее еврейским первосвященникам, был славим в Китае и Японии. Колокол — и счастливейший, славнейший святой ударный инструмент, а вместе с тем он же и несчастнейший из всех музыкальных инструментов во всем мире; он не только священная вещь храма (на Западе приблизительно с XII века). На скрипке или контрабасе нельзя писать икону или прикреплять ее, а на колоколе могут быть иконы, его крестят, он получает имя. Колокол имеет лицо, уши, язык, тело (кампан).

Колокол часто в старину отвечал за лихие дела людей. Он ответствен за добро и за зло. Еще во второй половине восемнадцатого века в России-матушке судился один колокол московский и был-таки осужден на вырезывание языка и отсечение ушей. Несчастный колокол, говорят, провинился, призывая народ к восстанию и бунту во время чумы. Некоторые колокола осуждались на изгнание, иные — на переливку — смерть имени и жизни колокола.

Да, нет и не было во всем мире ничего подобного колоколам ни в природе, ни in operibus artis.

И в литературе — поэты и писатели, и в музыке — композиторы говорили о колоколах, описывали их. Прославляли и обычный сельский колокол философы и поэты. Известный славянофил А. С. Хомяков рассказывает о сценах на московских базарах: не хватает в селе денег на колокол; едут мужики в Москву, в кредит берут колокол, везут на рыночную площадь, ставят тарелку для «выкупа». И давали — кто полушку, кто сотню на «выкуп». Колокол же каждому жертвователю говорил своим колокольным «бим» или «бам» — спасибо!

Народник-революционер Некрасов в «Рыцаре на час» воспевает обычный деревенский колокол старой церкви. Вспомним: Ночь. Светит луна.

...В стороне от больших городов,

Посреди бесконечных лугов,
За селом, на горе невысокой
Вся бела, вся видна при луне
Церковь старая чудится мне...
Поднимается сторож-старик
На свою колокольню-руину;
На тени он громадно велик,
Пополам пересек всю равнину.
Поднимись и медлительно бей,
Чтобы слышалось долго гуденье!
В тишине деревенских ночей
Этих звуков властительно пенье:
Если есть в околотке больной,
Он при них встрепенется душой
И, считая внимательно звуки,
Позабудет на миг свои муки.
Одинокий ли путник ночной
Их заслышит — быстрее шагает... —

и так далее. Стоит перечесть всю поэму. Помните?

Звук за звуком, гудя, прокатился,
Насчитал я двенадцать часов.
С колокольни старик возвратился,
Слышу шум его звонких шагов... —

и так далее.

Вспомним пасхальную ночь — не в озаренном светом, напоенном и потрясенном гулом Кремле (описана Рейне Мария Рильке), нет, опять же в русской деревне. Герой рассказа В. Г. Короленко «Старый звонарь» — Михеич. Все ждут «Христос воскресе!», ждут начала ликующего трезвона всех колоколов... Высоко во мгле ночной на старой колокольне Михеич. Задумался старый звонарь, взгрустнулось растроганной душе старика, и незаметно для самого себя он задремал... «Михеич! — вдруг слышит он крик. — Михеич! Давно звонить пора! Аль заснул?..» Встрепенулся, смутился Михеич, никогда такое с ним не случалось, и начал звонить. Короленко подробно и мастерски, со знанием техники русского звонения, говорит о работе Михеича. Как гудел главный колокол и билось его сердце, как подхватывали четыре средних на плечи густого звука могучую мелодию и как вплетались серебристые голоса торопливо-юных подголосков...

Вся душа звонаря, ликующая, в темной выси парящая, переходила к колоколам, гудела, гремела, радовалась возвышенной радостью Воскресения Христова в звуке.[1] Никогда еще так не звонил Михеич... И вдруг все оборвалось... Умер Михеич.

Сказано: «Эй, посылайте на смену! Старый звонарь отзвонил». Звучно, хорошо, трогательно. Да вся беда в том, что ныне уже нет смены, нет ни старых, ни настоящих молодых звонарей.

Литература наша вспомнила в лице Л. А. Мея и о новгородском колоколе (вероятно, еще отливки XIV века). Читая его балладу в духе и стиле былинного стиха, ощущаем в распеве строк как бы покачивание колокола, звон гудящий вечевого глашатая:

Над рекою, над пенистым Волховом,
На широкой Вадимовой площади
Заунывно гудит-поет колокол...
Для чего созывает он Новгород?
Не меняют ли снова посадника?
Не волнуется ль чудь непокорная?
Не вломились ли шведы и рыцари?
Не пришли ли товáры ганзейские?
Али снова послы сановитые
От великого князя Московского
За обильною данью приехали?
Нет! Уныло гудит-поет колокол,
Поет тризну свободе печальную...
Ты прости, родимый Новгород!
Не сзывать тебя на вече мне,
Не гудеть уж мне по-прежнему:
Кто на Бога, кто на Новгород?
Вы простите, храмы Божии,
Терема мои дубовые!..
Я пою для вас во последний раз,
Издаю для вас прощальный звон...[2]

Первый звон и первые колокола пришли на Русь с Востока (Византия) и позднее с Запада (Германия, Италия). На Западе больше всего и найдем описаний колокола в поэзии и прозе. Такова «Das Lied von der Glocke» Ф. Шиллера. Это замечательное по замыслу, идеям и метрике произведение оказало (я полагаю с уверенностью) большое влияние на «The

Bell» Эдгара Аллана По, особенно в частях о свадьбе, набате и в оркестровке всего замысла. Местами песня-баллада Шиллера как бы подражает звону колоколов в организации линии звуков и ритмике стиха.

Но самым изумительным по мастерству стиха, по силе чувства и по гармоническому соединению смысла и звучания слов можно считать «The Bells» Э. По. Существует неплохой перевод этой баллады о колоколах-колокольчиках К. Д. Бальмонта и конгениальная вещь Рахманинова в музыке («Колокола», 1913), по мнению Рахманинова — один из лучших его опусов. Рояль в нем играет особую роль.

Э. По описывает веселое бульканье и звон колокольчиков-бубенцов, когда летят по снегу сани:

Слышишь, сани мчатся в ряд,
Мчатся в ряд...
Колокольчики звенят... — и т. д.,

он говорит о радостном звоне к свадьбе: «Звон святой, золотой...», описывает и звон по умершим:

Похоронный слышен звон, долгий звон...
Чей-то жизни кончен сон...
Звук железный возвещает о печали похорон....—

долгий гул

Возвещает, что страдалец
Непробудным сном уснул...
И невольно мы дрожим,
От забав своих спешим,
И рыдаем, вспоминаем,
Что и мы глаза смежим...

Не хуже описан и набат при пожаре в тех же «Колоколах» Э. По:

Слышишь воющий набат,
Точно стонет медный ад.
Эти звуки в дикой муке
Сказку ужасов твердят...

Могут только биться, виться,

И кричать, кричать, кричать,
И к пылающей громаде
Вопли скорби обращать!!..

В англосаксонских землях был знаменит «In Memoriam», гимн Рождеству А. Тениссона. Я приведу в оригинале лишь начальные и заключительные строфы:

Ring out, wild bells, to the wild sky,
The flying cloud, the frosty light
The year is dying in the night.
Ring out, wild bells, and let him die...

Ring in the valiant man and free
The larger heart, the kindler hand
Ring out the darkness of the land,
Ring in the Christ that is to be.

Живо и трогательно о колоколах писал и Чарльз Диккенс. Оригинальна драма на основе германских легенд «Потонувший колокол» Г. Гауптмана («Die Versunkene Glocke»).

Не хуже и легенда наша, жива уже лет 500-600, «О граде Китеже». Колокола его слышны верующим со дна прозрачного озера Светлояра в Заволжье.

Но нет в тот град путей.
Куда зовет призывный
И нездешний, подводный
Благовест церквей...

На дне души гудит подводный Китеж,
Наш неосуществимый сон... —

кончает свой «Китеж» М. Волошин.

Но почему же колокола так прославляет и западная, и русская литература? Есть в них, в их голосе и языке нечто особенное, нечто необычайное? Да, колокола славны не одной своей тесной связью с религиями и их культом! Звучание каждого колокола — весьма и весьма сложного звукосостава. Это «мистический инструмент», говорит профессор консерватории и истории музыки Л. Сабанеев. Русские мастера-литейщики[3] и звонари различали у колокола три голоса («триедины, единосущны»): ЗВОН, ГУЛ, ЗВЕНЕНИЕ.

ЗВОН порождается от удара языка о кампан, т. е. края толстостенного раструба колпака. Это главный звук, густо-ровный, идущий «по воздусех». Имена русских древних колоколов имеют нечто от их звука: «Медведь», «Гуд», «Бурлила», «Лебедь» и т. д. Звон исходит, в основном, от средней части раструба колокола.

ГУЛ порождает колебание нижней части кампана около места удара языка-била. Гул долго плавает, кружится в воздухе, но не идет так далеко, как звук-звон. Чем он ниже и мягче, тем лучше; верится тогда, что не одни медь и олово, но и серебро есть в составе колокола.

Наконец, ЗВЕНЕНИЕ («отзвяк») происходит от колебаний металла, преимущественно в верхней части колокола, и чем его меньше, тем лучше. Зависит оно от толщины дна колокола, его формы (плоской или выпуклой), от ушей колокола и от ряда других причин. Звенение от большого колокола слышно порой до двух миль (версты три).

При работе звонарей в России всегда, как правило, было важно движение самого языка, удар им о колокол.

На Западе уже более семисот лет (особенно в Бельгии) в употреблении самое качание колокола. От этого звук будет чище, легче звонить, но нет той индивидуальной окраски каждого удара, которую можно было слышать на Руси. Как предел западной механизации приведу историю английской церкви в Бэнффе. Священник не музыкален, однако колокола играют две-три разные мелодии. Оказалось, что священник попросил у музыканта налепить цифры на клавиши: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7. 8 — арабские и I, II, III и т. д. — римские. Прижмет он по записочке 1-4-6-2-1 и т. д., и колокола играют определенные мелодии. Играют, а души-то и нет! Нет души в мелодии по номерам, а складно выходит.

На Руси еще и в дни моей ранней юности были мастера звона. Некогда, например, все колокола[4] в Ростове Великом «были настроены в гармонический аккорд». Тот, кто этот звон слышал, не забудет его до конца жизни... Интересно, что был прав Л. Сабанеев, и последним великим звонарем был не русский, а обрусевший Гедике. Только он не был немцем, а происходил из доброродных фламандцев.

Каждый колокол — личность. И звук, голос его происходит не от линейных колебаний, как у струны или столба воздуха в трубе, а это, так сказать, ультра-, сверх-хроматическое звучание. Звук исходит от колокола, от всей его массы сложной формы и разной толщи. Каждый колокол очень

индивидуален и имеет свой личный тембр. (Сравнить «Медведь» и «Лебедь»). И в наши дни специалисты по отливке не могут заранее знать — удастся ли колокол и какой его будет звон и зык, пока не испробуют новорожденного.

Колокола малых размеров, как я упомянул, были известны с незапамятных времен египтянам, позднее евреям (ср. Исход XXVIII, 33-35, Сирах — 45). Римские малые звонки — «tintinabula» — служили для целей культа и для сигналов в войсках, и для призыва прислуги. Позднее под «тинтинабула» подразумевался инструмент с набором малозвучащих колокольчиков — нечто в духе цимбал. Древние греки еще ранее римлян пользовались особыми небольшими колоколами для призыва верных в храмы Кибелы (Цибелы) и Прозерпины. Об этом давно писали Van Dorslaer, Пыляев, Класовский и другие исследователи и археологи. Оскар Мюнстерберг (Munsterberg) в серьезном труде конца прошлого века «Chinesische Kunstgeschichte» Bd. II указывает на глубокую древность китайских и японских колоколов. У китайцев же есть и трогательная легенда о колоколе, заключившем в себе тело добровольной жертвы — тело прелестной дочери отливщика. Без жертвы колокол не получался.

Европейские ранние колокола обычно имели форму колпака. Таков 613 года «Saufang» в Кёльнском музее. Позднее почти все колокола получают при отливке форму груши. Большие китайские XV века, например, «Ta-Tchung-Su» — 17 футов высоты, и многие более ранние колокола напоминают по облику перевернутый тюльпан с извилистым подолом кампана.[5] Звук их иной, чем у европейско-русских колоколов.

Некоторые из больших специалистов по истории колоколов полагали, что искусство литья сравнительно больших колоколов было в Европу занесено из Северной Африки в конце VI века после Р. Х.

Колокола к концу XI века и, главным образом, в XII-м стали частью церкви, предметом культа и быстро увеличились в размерах. На Западе они получали при крещении имена и трогательные надписи: «Augustine tuam campanam protege sanam» (Августин, сохрани свой колокол в добром здоровьи). Или «Funera plango, fulgura frango, sabbata pango» (Над усопшим я причитаю, молнии разбиваю, субботний покой утверждаю). Иной раз целые наборы колоколов Запада окрещивались при отливке особо подобранными именами, например: Иисус, Мария, Петр, Магдалина.

Надо полагать, что Русь получила колокола в конце X века с принятием христианства. Правда, есть основания говорить и о более раннем проникновении колоколов с миссионерами, но эти факты не подтверждаются. Несомненно только то, что в самом начале XI века на Руси были колокола в Киеве и Новгороде. В XII веке имеем точные сведения (см. Оловяшников и летописи) о наличии колоколов и звона в Полоцке, Владимире, Новгород-Северске.

Старейшим русским колоколом считают колокол, найденный в Киеве в 1824 г. в развалинах Десятинной церкви[6]. (См. работы таких, как Закревский, Оловяшников и др.) Этот колокол отлит из коринфской меди с примесью олова и некоторых других металлов. Диаметр его 44 сантиметра (сорок четыре), а высота без ушей 40 сантиметров (сорок). Толщина везде одинаковая, приблизительно 4 сантиметра (четыре). После XII века и на Руси появляются колокола большего размера, обычно привозные «из немец», хотя в Волынской летописи есть упоминания в конце XIII века о литье колоколов при князе Даниле. Кто был литейщик — неизвестно. Несомненно, что на Руси и в России развилось колокололитейное дело преимущественно под влиянием немецких[7] или итальянских мастеров этого дела.

С XV века оно у нас развилось, как и в Европе, до невиданных размеров. Апогей его в России конца XVI — начала XVIII века. (Величайший из известных колоколов всего мира отлит в 1733 году.)

Но следует подчеркнуть, что чисто русские мастера-литейщики великого искусства известны и в XIV веке. Таков россиянин Борис, «Бориска тожь». В 1342 году «повеле ему владыка Василий слияти колокол велик в Святой Софии и привезе (в Новгород) мастера с Москвы — Бориса — россиянина». Знаменитейшими литейщиками русских колоколов, литейщиками-художниками и умельцами XVI-XVII веков были: Игнатий, Андрей Чохов[8] и Семенко Дубинин. Чохов и отлил Царь-Пушку, ранее званую «Дробовик», а на ней конное изображение царя Федора. Вес «Дробовика» был 2400 пудов, приблизительно 38 с половиной тонн.

Есть все основания предполагать, что многие тайны литья русские мастера переняли после 1745 года. Тогда прибыл в царствующий град, на Москву, Аристотель Фиораванти из Венеции. «Привезе бо его посол Толбузин»; «привезе мастера Муроля, кои ставил церкви и палаты, Аристотель именем, также и пушечник. Он нарочит лити их и бити из них

(стрелять), и колоколы и иное все лити хитр вельми», — заканчивает повествование наш честной летописец.

Наши колокола, однако, и в XVI веке не имели надписей в духе западно-латинских. Чаще всего тут имя храма, святого, кому посвящен, и имя дарителя, нередко и описание колокола (вес его и т. п.). Ряд колоколов имеет надписи шифром, над решением его букв потрудились-таки наши специалисты!

Как всегда и во всем, русские стремились и в колоколах к нарочитой грандиозности. Епископ-грек Арсений, побывав на Москве во второй половине XVI века, был потрясен и поражен величиной серебряной царской посуды и ее формами. Были тут: олени, львы, орлы, лебеди, павлины, единороги таких размеров, что двенадцать человек едва могли перемещать их с места на место! Конечно, и колокола были колоссы. Самый крупный колокол, когда-либо отлитый в Англии, не превышает 18 (восемнадцати) тонн, как сообщает Британская Энциклопедия. Что это по сравнению с 50, 60, 140 и даже 200 тоннами Матушки Руси![9] Самый большой колокол вне России был в Китае — 120 тонн.

Если обратимся к древним текстам Руси, то И. И. Срedневский отметил упоминание о злом акте князя Всеслава Рюриковича, который «повеле силой сняти колокола со Св. Софии Новгородской» еще в 1066 году! В 1248 году Федор Ростиславович Смоленский «выдал Аркановича и со дворьми немцом за колокол», то есть передал перебежчика (своего рода ди-пи XIII века) с чадами и домочадцами за колокол.

Русские превзошли Запад в величине и мастерстве колоколов, но не в почитании их и не в урегулированном звоне мелодичных «carillon»ов. (Одна из лучших книг о «кариллонах» — F. Price "Carillon", Oxford, 1933).

Надо помянуть еще и то, что наши доморощенные механики показывали часто сметку и догадку больших умов. Напомню доставку глыбы по болотистой почве для памятника Петру Великому при Екатерине II и случай с валдайским мещанином. Из Валдая, во времена Николая I, нужно было доставить колокол весом в 32 тонны для собора в С. Петербурге. Инженеры предполагали соорудить широкую, низкоколесную платформу и впрячь в нее чуть ли не 40 пар лошадей. Однако Оленин (член комиссии) нашел бедного мещанина, который с малым задатком обещал доставить колокол одной-двумя парами коней или волов. Самородок сделал четыре очень солидных деревянных обода, в боковых ободах укрепил по оси, обшил досками и покатил по дороге, еще

хорошенько укатав шоссе.[10] Государь изволил пожаловать ему 5000 рублей и медаль.

К середине XIX века русское звонарное искусство стало «выветриваться», увядать и исчезать (см. свидетельства В. Даля, Н. Стебницкого и др.). Но еще вплоть до революции 1917 года встречались мастера звонить сразу в восемь и даже в двенадцать колоколов. Для этого они качались в разные стороны на зыбке, то есть особо подвешенных качелях с петлями для рук и ног. Они умели ЗВОНЯТЬ, то есть давать полный звон согласованного ансамбля набора колоколов. Вещь неимоверной трудности! Отсюда фраза: «Наш пономарь только взванивается».

Увы, о способах звона у нас почти не сохранилось письменных правил, тогда как, например, в Англии уже с XVII века есть серьезнейшие труды о звоне, способах его и формах. В России, я еще помню это, особенно ценился так называемый КРАСНЫЙ ЗВОН. Это был особый подбор величины и тембра колоколов по погласице (русское слово для гаммы). Говорили, что красный звон сохранялся в чистоте долгое время в Суздале и по некоторым монастырям. Погласица могла быть «малиновая», «серебряная», «рассыпчатая» и «бархатная» (речь о ее тоне).

Не следует представлять дело так, что в старину весь народ благоговел перед колоколами и их звоном. Мятежные проявления русского духа давно известны. Напомню Смутное время, когда «голь и сволочь добро государское и сами святыя иконы мелко колюще и в воду сыплюще». В былинах, вероятно начала XV столетия, выступает герой, надевающий на голову вместо шишака «колокол в девяносто пуд». Это страшилище опирается на язык колокола как на шестопер-булаву.

Кроме того, существует и ряд пословиц-поговорок большой древности, горько-горьких и жалобных: «Пашни меньше, простору больше, избы не крыты, да звон хорош» или «Колокольный звон не молитва, а крик не беседушка»; «Не всякая баба звонарка»; о ханже: «Больно свято звонишь — чуть на небе не слышно» и т. д. В. Даль привел значительное количество поговорок, пословиц и речений о колоколах. Много их найдется в труде Максимова и других собирателей народной ходячей мудрости. «Поп за колокол, а мы за ковш»... Приведу еще одну-две: «Слышал звон, да не знаешь где он», «Звоном началось, звоном и кончится» и т. п. Хороши и

надписи на валдайских колокольцах для дуги: «Купи, денег не жалей, со мной ездить веселей».

Русский звон, голос колоколов наших, не спутаешь с западным. Звонение было прежде всего чисто индивидуальным искусством, правда, основанным на традиции и типе колоколов. Звук их зависел от того, сколько в металле-сплаве меди, олова, серебра и т. п., как и от формы дна колокола, облика колокола и его подвески. Если язык висел чуть выше или ниже нормы, звук слегка изменялся, а главное — можно было разбить колокол. Звон зависел у нас и от чуткости звонаря и его помощников. В старину высоко ценились мастера звонить. Революция заставила умолкнуть навек десятки тысяч родных колоколов...

Не случайно сказал Фридрих Шиллер, что как ни страшен тигр, всего ужаснее человек в его фанатичном безумии — «Der Mensch in seinem Wahn».

Колокол же, как сказал поэт, в своем парении над землей, в своем движении и полете касается самого ВРЕМЕНИ, отдает свой язык СУДЬБЕ, а сам, хотя и бесчувственно-бессердечный, сопровождает живую игру человеческой жизни, или, как гласила на Западе чудесная надпись на колоколе: «Excito lentos, dissipo ventos, paco cruentos, (побуждаю ленивцев, рассыпаю ветры, умиротворяю жестокосердных).

И когда свободно, по-новому, зазвучали бы православные и инославные колокола на Руси, тогда весь мир вздохнул бы от радости, а сон злого атеизма рассеялся бы.

Колоколов средневековых
Певучий звон,
Печаль времен.
И счастье жизни вечно новой,
И о былом
Счастливый сон.

Апрель 1984 г.
Ст.Петербург, Флорида

---

1 Первый знак радости и ликования — звук. Нет беззвучной радости.

2 Все стихи привожу по памяти. Возможны ошибки.

3 Л. Сабанеев — «Русские колокола». («Русская мысль», 3.8.61.)

[4] Лучшая до сих пор из русских работ — книга Н. Оловяшникова «История колоколов», 2-е издание, 1912 г.

[5] Итальянское слово, вошедшее, вероятно, в русский язык в XV веке.

[6] Десятинная — десятая часть доходов казны шла на эту церковь.

[7] Известно литье колоколов при Карле Великом (см. труды Оловяшникова, стр. 32).

[8] Фамилия писателя Чехова А. П. не от „чеха", а от „чоха", Чохов. Так и звался его дед. Чох — молодчага, бравый.

[9] Колокола свыше 70 тонн редко благогласны. В XVIII в. отличался в литье пушек и колоколов Иван Моторин (см.: Оловяшников. «Колокола», стр. 38 и «Русский архив» XIX (1875, стр. 100-101).

[10] Ф. Солнцев. «Моя жизнь» («Русская старина» 1876, III. Цит. Н. Оловяшников).

ВЛАДИМИРСКИЙ КОНКУРС

28 мая 1991 г.

4 мая с. г. состоялся ежегодный конкурс учеников приходских школ и гимназий на историко-литературную тему, устраиваемый Объединением кадет Российских кадетских корпусов в Нью-Йорке.

Ученикам были предложены две темы:

1. Столыпинские реформы в свете событий, происходящих в России.
2. Реформы императора Петра Великого и их значение для российской государственности.

Как и в прошлом году, участвовало только две школы. Это показывает, что уровень знания русского языка понизился. Все участники выбрали вторую тему, более легкую, хотя, казалось бы, что вопросы, связанные с событиями, происходящими в России, должны были бы всех более интересовать.

В связи с этим мы надеемся, что исторический очерк «Россия в XX веке (1894—1964)», изданный журналом «Перекличка», составленный нашим почившим кадетом Ю. В. Изместьевым, внесет свою скромную лепту в правдивое изучение трагических лет нашей истории.

После всестороннего обсуждения работ, Комиссия пришла к следующему решению: лучшими работами признаны сочинения, написанные Андреем Редько, учеником приходской школы при храме Св. Александра Невского в г. Лейквуде и ученицей Св. Кирилло-Мефодиевской Церковной гимназии в Сан-Франциско Елизаветой Мейер. Каждому из них присуждена награда в размере 125 долларов.

Третья награда в размере 75 долларов была присуждена ученице Св. Кирилло-Мефодиевской гимназии в Сан-Франциско Анне Бушель.

Переходной Владимирский стяг будет находиться первую часть года в Сан-Франциско, а затем будет перевезен в Лейквуд.

Комиссия благодарит всех директоров и учителей школ, участвовавших в конкурсе, и высоко ценит их самоотверженность и старание в работе с молодежью и присуждает каждой школе единовременное пособие в размере 150 долларов.

Всем награжденным будет выслана книга «Русские кадетские корпуса за рубежом».

А. ИОРДАН,
Председатель Комиссии

СПИСОК ЖЕРТВОВАТЕЛЕЙ В ФОНД ЖУРНАЛА

В. В. Сигов (Франция) — 85 дол.; Толстовский фонд (через Е. Ю. Ларину) — 100 дол.; Р. В. Полчанинов (вместо цветов на могилу Ю. В. Изместьева) — 10 дол.; А. Федюшкин (Чили) — 6 дол.; В. Касперович (Австралия, в память скончавшегося Алеши Васильева) — 5 дол.; П. Марков (Чили) — 45 дол.; Л. В. Овсиевская (в память дорогого редактора «Кадетской переклички» — Николая Васильевича Козякина) — 50 дол.; Е. Е. Гирс — 10 дол.; Ю. В. Дмоховский (в память Н. В. Козякина — в издательский фонд) — 100 дол.; О. Гипп (от имени всех кадет Торонто — в память Николая Васильевича Козякина, вместо цветов на его могилу) — 150 дол.; Н. Мурзин — 5 дол.; N. N. (в издательский фонд) — 5 дол.; К. Я. Егупов — 15 дол.; Ю.

С. Тарновский — 20 дол.; К. Н. Дермеджиев (вместо цветов на могилу Николая Васильевича Козякина) — 25 дол.; О. П. Завадская-Кеннеди (в память Н. В. Козякина) — 35 дол.; Л. Н. Левандовская (в память моего мужа А. М. Левандовского) — 15 дол.; И. Свидерский (Бразилия) — 50 дол.; Н. В. Грибовская (Канада) — 10 дол.; О. Гипп (от Торонтского объединения) — 40 дол.; И. А. Ефимов — 15 дол.; П. Н. и Е. А. Жарковы — 20 дол.; В. Касперович (Австралия) — 2.19 дол.; Фонд имени И. В. Кулаева (через В. В. Гранитова — в изд. фонд) — 300 дол.; От Чикагского объединения (через Л. И. Хантеля) — 20 дол.; В. Соболевский (Югославия) — 5 дол.

Всем жертвователям приносим глубокую благодарность.

В списке жертвователей, приведенном в № 50, допущена ошибка. Следует читать: «З. Г. и Л. Н. Пульхритудовы — 2000 дол.

Исправления к № 50 «Переклички»

На стр. 128 и 139 следует читать: АЛЕКСЕЙ И. Касинов.

На стр. 150 следует читать: Владимир ПОЛИЕВКТОВ, кадет XIX выпуска 1-го русского Вел.Кн. К. К. Кадет. Корпуса.

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

ЭСТАФЕТА В РОССИЮ

(Памяти Н. В. Козякина)

Мы не в изгнании,
Мы в послании.
Н. Берберова

Историческая роль русского зарубежья заключается в сохранении правды о России, в защите ее доброго имени, в разоблачении лжеучения марксизма-ленинизма, в сохранении наших традиций и духовных ценностей. В течение свыше 70

лет русское зарубежье было в «послании», представляя в свободном мире русский народ, лишенный свободы.

Тот, кто исполнял свой долг перед подъяремной Россией, участвовал в эстафете для передачи грядущим поколениям русских людей нашего исторического и духовного наследия.

Одним из таких людей был Николай Васильевич Козякин, которого я знал более сорока лет как политического и общественного деятеля, выдающегося инженера-строителя и хорошего знакомого. Наше близкое и непрерывающееся сотрудничество на политической арене оформилось двадцать с лишним лет тому назад, тогда, когда зародилась мысль создать в США надпартийную организацию, представляющую интересы американских граждан русского происхождения перед американскими властями и законодателями.

Н. В. Козякин сразу вошел в инициативную группу по созданию русского представительства нового типа. Когда инициативная группа численно выросла, был созван учредительный съезд, на котором возник Конгресс русских американцев. Николай Васильевич вошел в состав Главного правления и переизбирался в его состав в течение семи сроков. По крылатому выражению того времени «Конгресс русских американцев нанес русскую этническую группу на карту Америки». Установились контакты с Белым Домом, членами Палаты Представителей. Началась борьба с русофобией, неправильным отождествлением понятий «русский» и «советский» или даже «коммунист, «Россия» и «СССР». Американские власти стали отмечать день Октябрьской революции как день скорби и непримиримости, с поминовением всех жертв большевизма.

Н. В. Козякин активно участвовал во всей этой многогранной работе Главного правления и способствовал уравновешенному ходу дел. Николай Васильевич обладал качеством находить решения во многих спорных вопросах. Он умел владеть аудиторией. Им были безукоризненно проведены 6-й Всеамериканский съезд Конгресса русских американцев и съезд российских организаций в 1982 г. Н. В. Козякина можно без оговорок охарактеризовать как человека государственного ума.

В то время, когда Николай Васильевич отдавал свои силы общероссийской деятельности в рамках Конгресса русских американцев, он также принимал деятельное участие в работе Объединения кадет российских кадетских корпусов за рубежом. Он взял на себя редактирование и издание журнала «Кадетская перекличка». Журнал стал попадать в Россию, в руки военных. Их очень заинтересовало духовное наследие и тра-

диции зарубежных кадет. Эстафета Николая Васильевича достигла цели и нашла в России почву для возрождения русской национальной военной традиции. Идя навстречу жажде русских людей в России узнать правду о новейшей русской истории и о борьбе русского народа с большевизмом, Н. В. Козякин организовал издание двух книг: «Белое движение на юге России» Василия Матасова и «Россия в XX веке» Ю. В. Изместьева. Эти книги предназначались, в первую очередь, для распространения в России.

Так случилось, что за несколько часов до внезапной кончины Николая Васильевича автор этих строк заехал к нему, и мы пробеседовали около часа о событиях в России и о возможном содействии освобождению российского народа от наследия коммунистической идеологии. Он с воодушевлением рассказал мне о получении восторженных откликов русских людей на зарубежные книги и журналы.

Николай Васильевич донес свою эстафету до русского народа. В своей деятельности он был посланником русского народа. Нужно пожелать, чтобы его дело продолжалось. Оно так нужно сейчас возрождающейся России. Продолжение его дела будет лучшим памятником этому жертвенному русскому патриоту.

Е. Александров

ПАМЯТИ БРАТА, Р. Г. САВИЦКОГО (1914—1991)

17 июля 1991 г. неожиданно и скоропостижно скончался мой брат Ростислав Георгиевич Савицкий, кадет I Русского Кадетского корпуса в г. Сараево, а затем вице-унтер-офицер 12 выпуска I Русского Вел. Кн. Константина Константиновича Кадетского корпуса.

По окончании Корпуса Ростик учился на абитуриентских курсах. Вскоре директор Корпуса ген. Б. В. Адамович предложил Ростику принять должность помощника воспитателя в 3-й роте. Директор произвел его в фельдфебели. Затем Ростик возвращается в Белград и поступает в Военную Академию, которую через 3 года оканчивает в чине подпоручика пехоты.

Его мечта стать моряком и служить императорской России не сбылась. Будучи сыном морского офицера и родившись в Севастополе, брат любил море и флот. После печальной

капитуляции Королевской Югославской армии, Ростик попадает в немецкий плен.

По выходе из плена поступает переводчиком в немецкую оккупационную армию — помогать русскому народу. Но зверства и враждебное отношение немцев к русскому народу заставляют его уехать в Парачин, в Сербию, где проживал отец.

Там он не мог обосноваться, так как титовские партизаны преследовали его. Он едет в Германию, в г. Мюнхен, поступает чертежником в организацию «Тодд», а после окончания войны — в Мюнхенский университет, который через 4 года успешно заканчивает дипломированным инженером-строителем.

Вскоре он переезжает в Венесуэлу, Каракас, работает инженером на прокладке двух туннелей. Свободное время Ростик посвящает семье и Кадетскому объединению.

К моему счастью, я встретил брата на XII общекадетском съезде в Санта Розе, Калифорния, а затем он с семьей посетил наш монастырь в Джорданвилле и мою семью в Чикаго.

После покойного осталась вдова Клавдия Прокофиевна, их дочь с мужем и внуки, которые очень любили моего брата.

Дорогой Ростик, мир праху твоему в чужой земле!

Любящий тебя крепко, твой младший брат с супругой Надеждой Ильиничной и сыном Юрой.

С. Савицкий

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЯКИМОВИЧ

кадет 5-го выпуска ККК,артиллер. капитан Югославской армии

(1923— 1991)

Мы встретились в 1923 году в холодных и сырых бараках лагеря Стрнище, в первом убежище ККК в королевстве СХС, позднее Югославии, куда он приехал продолжить свое образование, прерванное революцией и гражданской войной. Кадет Владимирско-Киевского корпуса появился между нами как молодой воин Белого движения, с ранением и Георгиевским крестом на груди. Он вскоре завоевал общую симпатию среди одноклассников благодаря веселому характеру и дару быть центром шуток и проказ, в которых мы все нужда-

лись в те тоскливые дни. С возрастом, в старшем классе, он предпринимает и в сотрудничестве с несколькими друзьями издает юмористический журнал «Лодырь», что ему как редактору создает широкую популярность. Его бархатный голос и песни вносят освежение в усиленное учение, и наверстывание всего пропущенного в дни смуты.

Когда после полученного аттестата зрелости встал вопрос, что делать, С. А. быстро решает продолжить военную карьеру и поступает в Югославское военное училище. Мне посчастливилось быть с ним в одном отделении и наблюдать, как он быстро освоился в новой среде и завоевал общее внимание и любовь. Кто с ним учился и служил, не забыл его и в рассеянии.

Пришел, наконец, долго ожидаемый апрель 1928 г., день нашего производства в первый офицерский чин, после чего мы разъехались по своим гарнизонам. Даже случай не привел нас встретиться до войны. Первая встреча произошла в нерадостной обстановке лагеря военнопленных югославских офицеров в Галиции, в городке Стрий, куда он был направлен из оккупированной Сербии в 1943 году, прожив несколько месяцев в страшном лагере «Саймиште», где оказался под подозрением в участии в сопротивлении немецкой оккупации. Лагерь Стрий был спасением от неизбежной смерти.

Пришел конец войне и долгожданное освобождение. Сергей отказался вернуться в Югославию, и после пяти лет службы в чине офицера Франции эмигрировал в Аргентину, где уже находилась вся многочисленная семья Якимовичей. Предложил своей жене приехать с детьми из Югославии, но она не захотела ехать в неизвестность. Позднее он вступил во второй брак, который восполнил ему недостаток семейной жизни.

Сергей, всегда верный традициям дружбы, кроме забот по службе все свое свободное время посвящает кадетскому объединению в Аргентине, в котором был бессменным председателем. Он своими короткими, но содержательными оповещениями дополняет содержание многих номеров «Кадетской переклички». Когда имел возможность, он посещал кадетские съезды. Участвует и в церковной жизни русской колонии гор. Буэнос-Айрес и не забывает своих друзей, находящихся в нужде. Он также принимает деятельное участие в жизни своих друзей по военному училищу. Регулярно на страницах «Вестника», органа „классного“ (выпускного) журнала, появляются его статьи по разным вопросам. Часто по некоторым

вопросам из далекого прошлого он выступает арбитром, и его мнение принимается как «аминь». Он каждый год 1 апреля вспоминает день производства и, надев на голову „шайкачу", выпивает чарочку за упокой ушедших в лучший мир и за долголетие проживающих в рассеянии друзей офицеров...

Передо мной лежит связка его писем, которые я всегда берег и часто перечитывал. Сколько мыслей, начиная с «повседневщины» и кончая серьезными вопросами о прошедшем, настоящем и будущем. А будущее всегда относилось к судьбе нашей родины. Он покинул этот мир на заре ее воскресения.

А вот еще одно письмо мне — от подруги его жизни: описание его болезни, лечения. смерти, похорон. Письмо заканчивается: «Как тяжело быть одинокой!» Я со своей стороны дополню: «Как тяжело лишиться лучшего друга!»

Н. Андреев

ПАМЯТИ ОДНОКЛАССНИКА И ДРУГА

30 декабря 1990 г., после продолжительной болезни, в г. Апатин (Югославия) скончался Сергей Михайлович Марасанов, доктор-ветеринар, кадет XVII вып. I РКК.

Сережа, как мы его звали в Кадетском корпусе, родился 11 апреля 1919 г. в Мурманске. По прибытии с сестрой и родителями в Югославию, проживал в местечке Палич недалеко от Суботицы. Приготовительную школу — сербскую «основну школу» — 4 класса, закончил в Суботице.

После окончания Первого русского В. К. Константина Константиновича Кадетского корпуса, в октябре 1937 г. Сережа записался на ветеринарный факультет университета в Белграде и, окончив его, получил звание доктора-ветеринара.

После Второй мировой войны основался окончательно в г. Апатине и работал по своей специальности до выхода на пенсию. С супругой Радицей имеет двух сыновей — Михаила и Владимира. Младший сын хорошо говорит по-русски.

С Сережей мы провели восемь лет в Кадетском корпусе, и наша дружба сохранилась до последних его дней. В 1987 г. Сережа писал: «...не могу приехать в Белую Церковь и принять участие в дружеской встрече XVII выпуска по случаю 50-летнего юбилея нашей матуры и участвовать в первом послевоенном съезде кадет в Югославии, организованном нашей группой (группой „б" кадет, проживающих в Югославии, участвовавших в реализации постройки памятника-мемориала на кадетском кладбище в Белой Церкви) ... ибо ноги отказываются служить, но мысленно я с вами, дорогие друзья».

А в одном из следующих писем сообщил, что очень болен: «...воспаление легких, появилась язва в желудке, астма, есть ничего не могу, потерял в весе шесть килограммов, а так как я вообще был худым, то теперь выгляжу, как скелет».

17 октября 1990 г. больного посетили его одноклассники: Георгий Сапегин, Владимир Соболевский и Слободан Гргуревич. Была это последняя встреча с Сережей.

2 января 1991 г. получено известие о Сережиной смерти в больнице в Апатине, куда он был помещен на операцию (ампутирование ноги), а также сообщалось, что уже совершены похороны.

Кадеты княже-константиновцы, его одноклассники, вдове Радице и сыновьям Михаилу и Владимиру выражают искреннее соболезнование в постигшем их и всех нас, кадет, горе.

Мир праху твоему, дорогой одноклассник и друг.

Вл. Соболевский,
б. кадет XVII вып.

УМЕР ЮРИЙ ИВАНОВСКИЙ

7 декабря 1990 года умер Юрий Ивановский, окончивший К.К.К. в 1929 г. В 1935 году он закончил Белградский университет и как лесной инженер работал по своей специальности на государственной службе, где его ценили и продвигали.С приходом коммунистов к власти, ввиду его

трехкратного отказа вступить в партию, его заработок был очень сокращен, что сильно отразилось на пенсии.

В самом конце войны у него погиб 5-летний сын (под немецким грузовиком), а затем при бомбардировке была убита любимая жена, урожд. Маничка Генералова. Это горе и наступившая депрессия помешали ему выехать из Югославии.

Доброе сердце и любовь к родине Юра унаследовал от своих замечательных родителей Маргариты Анатольевны и Евгения Леонидовича, которых всегда с благодарностью и любовью вспоминают их бывшие воспитанницы и воспитанники.

Ушел от нас всем нам дорогой, искренний, отзывчивый друг и однокашник. Вечная память тебе, дорогой Юра! Для всех, кто знал тебя, ты всегда останешься светлым воспоминанием.

Виктор Сладковский,
вып. 1932 года

КИРИЛЛ ВЛАДИМИРОВИЧ КОВАЛЕВСКИЙ

13 октября в Париже скончался кадет 8-го выпуска I Русского кадетского корпуса Кирилл Владимирович Ковалевский. Покойный родился 15 декабря 1907 г. в Кречевицких казармах Новгородской губернии, где его отец командовал эскадроном в Гвардейском запасном кавалерийском полку. Семья Ковалевских принадлежит к военной ветви знаменитого рода Ковалевских, известного учеными и общественными деятелями. Все Ковалевские служили в лейб-гвардии драгунском полку, единственном, основанном не в России, а в Версале во время похода 1814 года. Кириллу суждено было служить не в лейб-драгунах, а во французской артиллерии. По окончании 6 классов Кирилл уехал из Сараева в Брюссель, где получил образование инженера-электрика и много лет служил в известной фирме «Wagons-Lits-Cook», по электроустановкам на поездах «Orient-Express», путешествуя непрестанно между Парижем и Константинополем. В 1940 г., во время наступления немцев в Бельгии, он был тяжело ранен возле своего орудия, был подобран немцами, которые его спасли и вернули во Францию. Один глаз был вырван, другой лишен одной десятой зрения, но постепенно Кирилл ослеп на 100 проц. и

последние 7 лет жил совершенно одиноким и слепым, так как его родители и жена скончались раньше. Сравнительно большая пенсия позволяла ему иметь постоянный уход. Отец его собрал большую коллекцию военных предметов, часть которых была передана в Кадетский музей в Париже. Время от времени я навещал Кирилла, и мы часами вспоминали Корпус и гвардию, в которой ему не суждено было служить. Бюст Вел. Князя Владимира Александровича, при котором дед Кирилла состоял флигель-адъютантом, был передан мною Вел.Князю Владимиру Кирилловичу — внуку Вел. Князя Владимира Александровича. Слепому и одинокому, смерть была избавлением. Мир праху твоему в чужой земле, за которую ты пролил кровь и которой отдал свое здоровье.

Владимир Ягелло,
6 вып. I Русского кад. корпуса

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ РОСТИСЛАВА ДИМИТРИЕВИЧА САЗОНОВА

19 октября 1991 года на 85 году жизни скончался в Нью-Йорке Ростислав Димитриевич Сазонов. Покойный был сыном военного врача и перед самой эвакуацией из Крыма учился несколько лет в морском корпусе в Севастополе, а затем в Югославии закончил русское реальное училище в Земуне. После окончания реального училища поступил на архитектурный факультет в Белграде и одновременно посещал Русскую художественную школу, где совершенствовался в живописи под руководством видных русских художников.

Писать о Ростиславе Димитриевиче следует прежде всего как о художнике, так как живопись была его основным призванием начиная с 30-х гг. Он неоднократно удостаивался первых призов и похвальных рецензий за свои картины и театральные декорации в Югославии, Германии, Марокко и в Соединенных Штатах; участвовал во многих художественных выставках и состоял в ряде ассоциаций русских и иностранных художников. Однако я, будучи только любителем живописи, предоставляю писать об этом знатокам и критикам, а сам хочу посвятить ему несколько слов как моему личному другу, с которым свела меня судьба в конце войны в рабочем немецком лагере Нидерзаксверфен под Нордхаузеном. После окончания войны мы опять оказались в одном и том же лагере Менхегоф для «перемещенных лиц» под Касселем.

В лагере Менхегоф, с первых же дней его основания, жизнь закипела ключом: были открыты церковь, гимназия, амбулатория, различные курсы и мастерские и, конечно, театр под руководством и с участием нескольких профессиональных актеров. В этом театре Слава сразу же нашел применение своему таланту, и под его кистью создавались прекрасные декорации ко всем постановкам, начиная от классических произведений и кончая эстрадными номерами. Декорации давно погибли, но эскизы сохранились, и передо мной сейчас, когда я пишу эти строки, висят два эскиза к пьесе Островского «На бойком месте».

Нужно отметить, что у большинства талантливых людей, как правило, одновременно сочетается несколько талантов. Так, почти все поэты прекрасно рисуют, а Слава помимо художественного таланта обладал еще и поэтическим даром, с явной склонностью к сатире. Вообще он любил писать, писал много и вел обширную переписку со своими друзьями во всех частях света. Писал легко и остроумно, а главное, всегда отвечал на письма, чем далеко не все могут похвалиться.

Из Германии мы вместе попали в Марокко и несколько лет совместно с нашими женами работали в одном и том же техническом бюро в Агадире — Слава, его жена Галина Михайловна и моя жена в качестве чертежников, а я на топографических работах. Жили рядом, в нескольких шагах друг от друга. Марокканская природа, особенности архитектурного стиля и экзотические сочетания красок дали Славе богатый материал для его творческой фантазии, поскольку он никогда не копировал виденное, а только передавал характер

и основные черты, внося во все индивидуальность своего мастерства. Думаю, что марокканские мотивы занимают одно из самых видных мест в его творчестве.

После Марокко мы опять встретились в Соединенных Штатах, но здесь наши пути разошлись, а дружба сохранилась до последних дней его жизни. Следует сказать, что будучи незаурядным человеком, очень интересным и остроумным собеседником, Слава Сазонов легко сходился с людьми, привлекал их к себе своим шармом, но в то же время оберегал свой внутренний мир от постороннего вторжения, открыв его полностью только своей жене — самому близкому другу и верной спутнице его жизни — Галине Михайловне.

Венедикт Коссовский

ОЛЕГ ПЕТРОВИЧ МИКЛАШЕВСКИЙ

Знаю я, что не цветут там чащи,
Не звенит лебяжьей шеей рожь,
Потому, пред сонмом уходящих
Я всегда испытываю дрожь.

Есенин

27 июля текущего года ушел в иной мир Олег Петрович Миклашевский.

Родился Олег 21 марта 1903 г. в Ялте, в исконно русской дворянской семье. Революция, трагедия России, гражданская война застали его 16-летним юношей. События не могли для него пройти стороной, и при первой же возможности он вступил в Добровольческую армию, «сражавшуюся за честь России», по словам другого поэта. Так 15-й уланский Татарский полк принял в свои ряды нового вольноопределяющегося.

Эвакуировавшись с армией в 1920 году, Олег попал в Галлиполи в Офицерский учебный кавалерийский полк и оставался в Галлиполи до конца, т. е. до 1922 года. После гибели «Белой Вандеи», проведя какое-то время в Константинополе, он добрался до Югославии, где и обосновался в Белграде.

От юношеских лет и до кончины, призванием Олега была сцена. Господь щедро одарил его талантом актера. Только русская смута лишила его возможности занять должное место во всемирно известной плеяде русских сценических деятелей,

слышать аплодисменты русской публики, так любящей театр, так умеющей ценить настоящие дарования.

Вместо Александринки или Московского Малого театра пришлось ему выступать на скромной сцене русского театра в Белграде, в Доме императора Николая Второго. Но и там русское искусство было представлено такими корифеями, как «художественники» Греч и Павлов, Ведринская, Черепов. Даже эти имена не смогли затмить талант молодого актера Миклашевского, вскоре ставшего любимцем публики, пусть малочисленной в силу эмигрантского положения, но избранной, взыскательной, умевшей отличать и ценить настоящие дарования.

Русский театр в Белграде не мог стать профессиональным ввиду малочисленности русской колонии, но спектакли его всегда были на столь высоком уровне, что даже сербским государственным театрам было чему позавидовать. Олега Миклашевского не раз приглашали на гастроли в сербский государственный театр в Белграде («Народно Позориште»). Так, в мае 1935 г. он участвовал вместе с М. Ведринской в «Даме с камелиями». Гастролировал он несколько раз и в Загребе. Позднее, с уходом Черепова, Миклашевский остался режиссером до последних дней театра. Последний спектакль состоялся 3 сентября 1944 года.

Все его постановки отличались той безупречной русской культурой, которую он унаследовал, приумножил, которой широко делился. За годы в театре Олег сыграл все роли своего амплуа — молодого героя, «jeun premier».

В 1949 году О. П. Миклашевский с супругой и сыном прибыл в Соединенные Штаты. Сердце влекло в театр, но русского театра не было. Несколько попыток создать его успехом не увенчались. В огромном Нью-Йорке русской публики оказалось меньше, чем в провинциальном Белграде. Разбросанность города, необходимость отдавать все силы для обеспечения пребывания в новой стране не позволяли русским новоселам посещать театр. А без публики нет и театра. Один из энтузиастов, принужденный признать свое поражение, прямо говорил, что спасти русский театр в Нью-Йорке мог бы только Олег Петрович Миклашевский. Но и у Олега не было возможности взвалить на свои плечи столь тяжелую ношу.

Ушел еще один член нашего «незамеченного поколения», по словам писателя Варшавского. Трудно, почти невозможно было нам, проведшим свои лучшие творческие годы на чужой почве, среди людей, говорящих на других

языках, оставить по себе яркий, заметный след. Это больше всего относится к служителям искусства, к артистам, в первую очередь.

Никто из нас, имевших радость знать Олега Миклашевского, имевших честь считать себя его друзьями, не может остаться равнодушным к этой новой утрате. Мы скорбим вместе с верной спутницей его жизни Нонной Сергеевной Миклашевской-Белавиной, нашей талантливой поэтессой, с его сыном Игорем Олеговичем, его невесткой, внучками. Мы сознаем, что моление о «вечной памяти», возносимое нашей церковью, в большинстве случаев слишком оптимистично, но мы знаем и то, что до конца жизни последних представителей настоящей, «белой», русской эмиграции память о таких культурных, талантливых и обаятельных людях, как Олег, не изгладится.

Владимир Бодиско

В 1990 г. в Англии скончался кадет Крымского К.К. выпуска 1924 г. *Сергей Анисочкин.*

2 мая 1991 г. в Аделаиде (Австралия) скончался полковник *Владимир Петрович Тихомиров* (95 лет), кадет I Московского импер. Екатерины II К.К., преподаватель гимнастики в Крымском К.К.

27 октября 1991 г. в Мариборе (Югославия) скоропостижно скончался *Леонид Гаранский,* кадет Крымск. К.К. выпуска 1924 г.

29 ноября 1991 г. в Буэнос-Айресе (Аргентина) скончался *Сергей Васильевич Брешко-Брешковский*, кадет Крымского К.К. выпуска 1928 г.

2 октября 1991 года в Загребе (Югославия) скончался *Владимир Федоровский,* кадет XIV вып. (1934 г.) I Русского К.К.К. корпуса.

8 января 1992 г. на 83 году жизни в Дес-Моинс скончался *Николай Борисович Чириков*, кадет Крымского К.К. вып. 1927 г. После покойного остались дочь Ольга, 5 внуков, 4 правнука и брат Георгий.

17 января 1992 года скончался *Саран Бадминов* — кадет 41 выпуска (1930 г.) Донского имп. Александра III кад. корпуса.

18 января 1992 года в Muncie, Ind. скончался *Игорь Александрович Квятковский*, кадет 44 выпуска (1933 г.) Донского имп. Александра III кад. корпуса. Похоронен на кладбище монастыря в Jordanville, NY.

20 октября 1991 г. в Сан-Франциско скончался *Георгий Шереметов*, кадет I Русск. ВКК кад. корпуса.

Из газеты «Единение» в Мельбурне узнаем о недавней кончине прот. о. *Димитрия Симонова*, кадета I Русск. ВКК кад. корпуса.